

СТОЛИЦА

Сергей
СТАНКЕВИЧ.

Каким ты
был,
таким ты
и остался?

№ 33 (92) 1992 г.
Цена 5 руб.

«Южный крест»

ставит крест на южных отпусках:
вернувшись на 30 лет назад, вы ощутите
вкус того времени и проживете
два месяца в ретро-буффонаде.

БУФФ-ФАНТАЗИЯ

верера

ПОДМОСКОВНЫЕ

РЕТРО

КИНО ТЕАТР ПАРК КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ ГАЛА-КОНЦЕРТЫ ДОМ МОДЕЛЕЙ ЦИРК
ГОРОД МАСКАРАД АТТРАКЦИОНЫ ГАЛЕРЕЯ ЭСТРАДА

ИЮЛЬ, АВГУСТ, СЕНТЯБРЬ 1992г.

ВДНХ

Телефоны:

по вопросам рекламы 174 — 70 — 93
приобретения билетов 181 — 93 — 57
информация 422 — 71 — 64

Дмитрий ВОЛЧЕК

ГОПАК НА КОСТЫЛЯХ

Сергей Станкевич призвал на днях строить государственную политику России в духе державности. Слушая его заявления, я невольно вспоминал картинку из учебника то ли истории СССР, то ли советской литературы — кажется, все-таки литературы: летчик Маресьев пляшет на протезах, чтобы доказать, что годен к службе. Станкевич тут, впрочем, совершенно ни при чем — не он первый, не он, надо думать, последний говорит о нынешней России как о великой державе.

Есть такие категории в политике, которые как-то не принято обсуждать. Скажешь, что не хочешь видеть свою страну великой, и тебя мгновенно обвинят в смердяковщине. И еще улюлюкать будут. Но я все же — хотя и не без колебаний — хотел бы покуситься на это табу. Отчего колебания? Нет, не скажу, что мне так уж дорого общественное мнение — это, как известно, вещь более чем расплывчатая — да вот ведь и сам грешен: всего-то и осталось радости, что фыркнуть: «подумаешь, Швейцария, да у нас одна Саратовская область больше, чем все ваши кантоны, вместе взятые: так что не учите нас жить! Нет, шучу, конечно, а зудит где-то внутри: уж мы-то, хоть и в дерьме по уши, а все живем луч-

ше, чем в Индии или в Египте, мы-то — держава, а эти что — так, третий мир, развивающиеся страны. Думаю, если бы затеял кто всероссийский социологический опрос: где живется лучше — в Москве или в Антанариву, — не сомневаюсь, 8 из десяти отвечали бы: «Да уж, конечно, у нас. Потому как — держава, владычица морей, уже хоть и не одна шестая, а все-таки — жаль не удосужились сосчитать — значительная часть суши!»

Вот она, ахиллесова пята российской политики: уж, кажется, одна должна быть забота — накормить да одеть несчастный народ, а об остальном, о вмешательстве в конфликты ближнего, а уж тем более дальнего зарубежья — да вот ведь чертов принцип «noblesse oblige» — как это мы, да на задворках истории?! Как это без нас будут решать, как это нам — да стыдливо в тень, в третий мир?!

Вот парадокс — живем по законам заштатной слаборазвитой страны, стыдящейся самой себя: бесстыдно уповаем только на подачки богатых соседей, захудалого иностранца ценим больше, чем своего: экономист — это так, фуффло, бухгалтер, а вот американский экономист — пожалуйста в консультанты. Живем по законам третьего мира, а признавать этого

не хотим. Реализм дозволен только в быту, где жалкая штамповка с иностранной этикеткой всегда ценилась выше своей, вне зависимости от качества. Но как только дело доходит до абстракций, тут — у советских собственная гордость. Мы арбитры и в осетинском конфликте, и в югославском, наш парламент обсуждает нарушения прав человека в балтийских республиках, наш МИД выражает беспокойство в связи с событиями в Алжире и Ливане... И ведь не задумываемся — а имеем ли мы хоть малейшее право советовать, рекомендовать, возмущаться? Что, на нашей земле не льется кровь? Что, у нас соблюдаются права человека? Что, хоть один наш рецепт улаживания заокеанских свар оправдал себя — в Мозамбике, во Вьетнаме или, может, в Никарагуа? Зачем России Черноморский военный флот — с Турцией, что ли, воевать?

Недавно один такой державник (вице-президент, между прочим, не хухры-мухры) возмутился в телепередаче: что же это — посмотрите, как американцы гордятся своим флагом — на каждом доме висит. А когда еще и гимн услышат, так все сразу в слезы. От умиления. Почему же мы не гордимся?

Продолжение на с.3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Л.Радзиховский:

За эти годы невозможно вспомнить о Станкевиче ничего другого, кроме вот таких баек, пенноструйных речей да очаровательной улыбки, с которой он, точно санитар в дурдоме, уговаривал товарищей депутатов Моссовета: «Ну, успокойтесь же, дорогие мои, хорошие...»

6

А.Фадин:

Когда в Алжире военные приоткрыли демократический избирательный процесс, чтобы заблокировать приход к власти враждебных Западу исламских фундаменталистов, — со стороны «старшего брата» не последовало ничего...

9

С.Лён:

Таким образом, в период 17—21 августа круг лиц, de jure и de facto участвовавших в перевороте и захвате власти, в том числе и захвате президентского «ядерного чемоданчика» (на 73 часа! — личная заслуга Плеханова, Генералова, Медведева), много перевалил за тысячу.

12

2 ЭКОНОМИКА

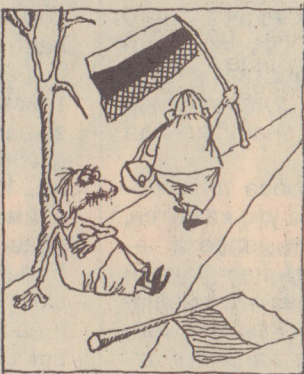
Ю.Воронин:

Концепция Гайдара противоречит моим убеждениям.

22

С.Голубов:

Мы, россияне, вместо того чтобы учиться на ошибках своих бывших друзей по «соцлагу», эти ошибки во многом, увы, повторяем. Поэтому нам вдвойне интересно — как живут поляки сегодня. Ведь это один из вариантов, как будем мы сами жить завтра...

24

3 ЖИЗНЬ

Е.Салина:

Первые жильцы бетонной семнадцатизэтажной махины, спустившись за почтой, обнаружили под лестницей в подъезде нечто, заставившее забыть о газетах.

31

Н.Малинин:

Если бы очерк на эту тему писал лет эдак десять назад, тогда начинал бы так:

«Что такое Серебряный Бор?»

— Причал, — скажет вам загорелый речной волк.

— Конечная, — ответит разомлевший водитель троллейбуса.

— пляж, — улыбнется де-вушка.

— Живу я здесь, голубчик, — тихо пробормочет бабушка с кошелкой.

А пьяница местный прохрипит:

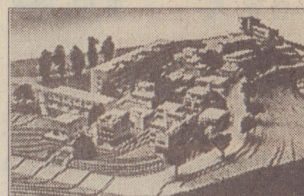
— Ресторан, мля, пивнуха на Жукова!..»

37

4 КУЛЬТУРА

А.Тархов:

Будущее в прошедшем — время для русского языка немислимов. Но именно в нем приходится рассказывать о строительстве поселка Вайсенхоф близ Штутгарта.

54

Ю.Мамлеев:

Для меня советская литература начинается с такого писателя, как Чернышевский. Во всей нашей литературе прошлого века — ничего подобного производственным романам двадцатых или пятидесятых годов, и это как будто и естественно. Но вот — в семье не без урода.

56

А.Кабаков:

«Самозванец» — это снова гибрид политического триллера с «фэнтэзи» и романтическим адюльтером. Пружина триллера — охота за партийными деньгами, основа фэнтэзи — галлюцинации, почти безумие героя, основа любовной истории — его же подростковая психология.

60

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации СССР. № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Григорий Вайсман

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов

Отдел экономики и науки: Елена Колесникова

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 378
1211 Geneva 11 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 14.08.1992 г.
Тираж 156.300 (1—100.000)

Над номером работали:
П.Смирнов, А.Тамиров, Э.Петрова

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 3053

Окончание. Начало на с. 1

А оттого, господин хороший, что, как ни печально, гордиться нам нечем. Может, прикажете гордиться тем, что российский флаг три года назад рвали и втаптывали в грязь свирепые омоновцы, а пять лет назад 99 процентов наших граждан и вовсе не знали, как он выглядит, — уверенные, что серпасто-молоткастый реял над Россией со времен царя Гороха. Или тем, что нынче живет под этим флагом вольготно — процветают ремесла, бушуют демократические свободы, одолена преступность? Легко смеяться над американским патриотизмом — провинциальный, мол, — но попробуй добейся, чтобы не «согласно постановления правительства» и не «по решению Верховного Совета» обыватели плакали от счастья, увидев флаг своей страны, вставали по струнке, заслышав гимн, и не мечтали каждый день: как бы перевести все свои сбережения в иностранную валюту.

У нас сегодня нет повода гордиться своей страной — ужасная, циничная мысль, и так нелегко произнести ее вслух, но

и вправду — не сыскать предмета для гордости, что предложите? Разграбленные недра, нищающий народ, бесконечно меняющиеся вожди, из тех, о которых еще в Писании сказано: «слепые поводыри слепых». Чем? Предлагайте!

Страна рухнула в третий мир, как зазевавшийся пешеход в открытый люк. Можно утешиться, впрочем, что и второго мира уже нет — ну разве что заповедники Кастро и Ким Ир Сена. Но могут ли увенчаться сегодня серьезным успехом потуги примкнуть на равных к большой семерке — анекдот, да и только!

Понимаю — это тяжело: более чем неприятно осознавать, что тебя не только не уважают, но даже и не боятся, что столь льстившая нам в первые горбачевские годы вспыхнувшая на Западе мода на все советское ныне утихает, уступая место глухому раздражению: ох, эти русские, только клянчить и умеют.

Да, это трудно, но следует все же понять — Россия не держава, а просто государство — одно из немногих. Очень большое и очень неблагополучное.

Я не говорю сейчас о нацио-

нал-патриотической оппозиции, мечтающей восстановить СССР, да еще и Аляску с Финляндией захватить. Бог с ней — не эта публика, к великому счастью, определяет сегодня государственную политику России. Говорю лишь о тех, все заметнее становящихся переменах во взглядах нынешнего руководства, которые Андрей Козырев определил как активизацию «партии войны». Да, не спорю, тяжело расставаться со сталинской шинелью, тяжело, что мало кому придет в голову назвать сегодня Россию сверхдержавой. Но вот разве не будет утешением, если придет пора, когда о нашей стране будут говорить хоть и без страха, но с восхищением и завистью, как о той же Швейцарии: а какой там сыр! а какие там часы! а какие там банки! и нищих нет, и по улицам не страшно ходить, а как чисто, а какие озера и цветы, и вообще, как все ухожено, красиво — благодать! Это самый достойный идеал — по крайней мере, куда более привлекательный, чем тот танец, в который мы нынче пускаемся, — гопак на костылях.

КАК ПОЛУЧИТЬ БЕСПЛАТНУЮ ПОДПИСКУ НА «СТОЛИЦУ»

У каждого человека и у каждого издания есть свои любимые авторы. Есть они и у отдела писем «Столицы». Это те читатели, которые регулярно присылают нам письма. Но не просто ерунду какую-нибудь в них излагают, а пишут по делу, неординарно, высказывают интересные мысли. Эти письма мы публикуем, потому что они интересны, на наш взгляд, не только редакции, но и всем, кто читает «Столицу».

В этом году у нас появилось четверо постоянно печатающихся на страницах журнала читателей. (У каждого из них опубликовано по три письма, а у одного даже четыре. Есть, конечно, и неопубликованные.) Это: М.БЕРЛЯНД (Москва), Р.БЫЗОВ (Коми, пос. Жешарт), Л.ЗАКИРОВ (Казань), В.КУЗНЕЦОВ

(Москва). Все они, по сути дела, полнопрованные авторы «Столицы». А авторам полагаются авторские экземпляры журнала. Поэтому мы решили (в надежде на дальнейшее сотрудничество) преподнести этим людям в качестве «авторского экземпляра» авансом бесплатную подписку на «Столицу» — 93.

Уважаемые господа Берлянд, Бызов, Закиров и Кузнецов!

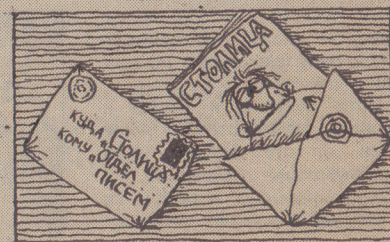
Не спешите на почту за подпиской на «Столицу». Она будет оформлена вам за счет журнала. Хотим подчеркнуть: это не благотворительность, а признание вас нашими авторами.

Ну а всем остальным читателям «Столицы», наверное, уже понятно, как получить бесплатную подписку. Присылайте нам побольше инте-

ресных, острых, своеобразных писем. Мы их опубликуем, и вы тоже станете любимыми авторами «Столицы» и обладателями бесплатной подписки.

Кстати, подписная кампания только началась. Спешите, вы еще можете успеть. Ждем писем!

Отдел писем

РУССКИЕ И СЕРБЫ: РАСХОДЯЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ

Есть в мире народы и страны, как бы повязанные попарно некой невидимой исторической цепью. Смысл этой связи не лежит на поверхности и часто даже не осознается. Такова, по-моему, и связь Россия—Сербия. Оставим в стороне сентиментальные всхлипы о православном братстве. Дело в исторической судьбе, в синхронном прохождении через одни и те же падения и катастрофы.

Российская империя рухнула вместе с Австро-Венгерской, Османской и Германской в результате колоссального исторического катаклизма первой мировой и наступившего затем европейского хаоса. Но рухнула лишь затем, чтобы затем возродиться под псевдонимом СССР. На том же крутом вираже на Балканах появляется своя, малая империя — Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, затем принявшее имя Югославии. Вторая мировая поставила народы обеих стран на грань физического уничтожения, они вышли из ее кровавой мелиорации, потеряв по десять с лишком процентов населения, но еще более укрепив свою государственность, неизбежно принявшую форму коммунистической и имперской (по отношению к меньшим народам) диктатуры. Оба режима росли из сопротивления внешнему врагу, в отличие от «оккупационного» социализма дружных стран Восточной Европы. И потому, когда большая империя попробовала проглотить малую, неизбежно стало и их столкновение. Борьба двух Иосифов — Сталина и Тито — могла закончиться лишь смертью одного из них. Так и случилось.

Хотя русские и сербы в своих государствах жили едва ли не беднее иных «добровольно вошедших в состав» народов, в целом ни у кого не вызывало сомнений,

что костяк государства, его высшую номенклатуру, основную массу служащих госаппарата, офицерский корпус — составляют именно они. В этом смысле СССР (в глазах, например, казахов или евреев) был государством русских, так же как для словенцев и албанцев Югославия была государством сербов.

И вот — новый мировой катаклизм: изношенные конструкции коммунистической государственности рухнули по всей Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. Центробежные силы национального самоопределения взорвали СССР и Югославию изнутри. Вскормленные в недрах комрежима национальные номенклатурные элиты не желали больше делить власть с центром, а сам центр не имел ни мотивации, ни достаточной опоры в собственном, «господствующем» народе, чтобы силой восстановить бывшее положение.

Характерный взгляд венгерского социолога, сформулированный сразу после московского августа 1991 года: «Свершилось: первый новый версальский мирный договор заключен. Проигравшие в сорокалетнем мире — Советская Россия и Сербия — в надежде выжить вынуждены идти на территориальные уступки. У проигравших мир имеется несколько альтернатив: они могут продолжать войну, закончившуюся более сорока лет назад, или создать русскую и соответственно сербскую империю, или же смириться со своими потерями в территориях и населении и принять

как факт «малую» Россию и «малую» Сербию».

На этом повороте наши с сербами пути, кажется, разошлись. Россия, под давлением мощных исторических императивов, пытается любой ценой — пусть даже на правах «бедного родственника» — прорваться в Европу. Сербия, одержимая незаживающей исторической памятью о войне, об ужасном геноциде, о веках страшного подтурецкого прозябания, пытается противостоять всему миру.

В этом различии как в капле воды отразились малозаметные, но принципиальные, глубинные различия между русскими и сербами. Оказавшись без «государственного корсета», русские в других республиках оказались совершенно не способны к самоорганизации для защиты своих прав и возлагают свои надежды лишь на заступничество Москвы. (Исключение — лишь Приднестровье.)

Плохо ли это? История хитра. Сербия, даже лишённая прямой поддержки Белграда, смогла самоорганизоваться для обретения нового государственного статуса (Сербская Краина в Хорватии, Сербская республика Боснии и Герцеговина). Это внушает уважение, но война есть война. Сербия (как и их противники, о чем мир по понятным причинам знает и говорит гораздо меньше) в полном соответствии с балканскими военными традициями творят сегодня страшные преступления. Так незажившая память возвращает в войны, которые никогда не кончатся.

Что дальше? Увидим, если будем смотреть. Это нам очень важно: в судьбе сербов мы видим отражение собственной судьбы. Вопрос лишь в том: несостоявшейся?

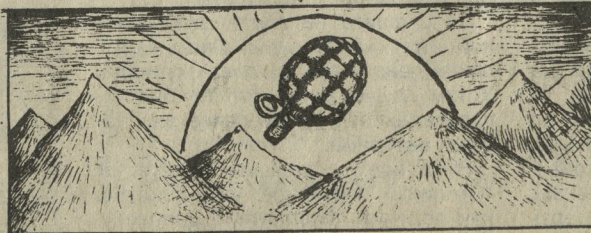
Андрей Фадин
После августа 1991 года

МЕЧТЫ О КРЫМЕ

Неожиданное для многих решение Ельцина и Кравчука о ближайшем будущем Черноморского флота является, наверное, наиболее здравым, если не единственно возможным сегодня. Режим совместного управления дает морякам уверенность в том, что их не будут рвать на части, а России и Украине — ограничивает возможность резких телодвижений в отношении друг друга. Ведение общего хозяйства является, как известно, достоверным признаком наличия семьи (любовь при этом не обязательна), и мало что связывает людей (и государства) прочнее, чем общая собственность. Председатель крымского парламента Н.Багров оценил договоренность президентов о флоте как серьезный и конструктивный шаг, «позволяющий довести до логического конца проблему Черноморского флота».

Это, если не ошибаюсь, первый прецедент такого рода в отношениях между странами СНГ, и хорошо бы не последний. Рискну предположить что подобная перспектива теперь замаячила для... целого Крыма. В самом деле: суверенное государство, «остров Крым», — идея заведомо бредовая. Крым в составе Украины — предмет для бесконечных раздоров с Россией (и внутри самого Крыма). Крым в составе России — то же самое. А вот Крым как автономное образование, находящееся под совместным управлением Украины и России... Опыты такого рода в мире имеются, и немало. Тем более, что флот (без которого и Крым уже не Крым) уже определился как совместное достояние. Есть аргументы против? Конечно, и еще сколько. Исторические и какие угодно. Гражданство? Порядок назначения администрации? Какими деньгами платить в Симферополе? Ей-богу, все эти проблемы разрешимы, было бы желание. Я просто думаю, что все прочие варианты имеют еще больше «против».

Илья РАСКИН
(москвич, в прошлом киевлянин, любитель Крыма)

ЧАСТНИК НАЕХАЛ НА БАРЧУКА, БАРЧУК «НАЕХАЛ» НА ЧАСТНИКА

Репортаж с очередного заседания Российской Трехсторонней Комиссии (профсоюзы — предприниматели — правительство)

Первым на повестке заседания стоял вопрос «О ходе выполнения Генерального соглашения между правительством РФ, российскими объединениями профсоюзов и объединениями предпринимателей (работодателей)».

Тут-то у меня и создалось ощущение, что Комиссия скорее двусторонняя: профсоюзы и предприниматели «наезжают» на правительство.

Правда, по мнению одного из членов Комиссии лидера СОЦПРОФа С.В.Храмова, на самом деле сторон пять: 2 блока профсоюзов, 2 блока в правительстве и блок предпринимателей. Координатор Комиссии Г.Э.Бурбулис подвел следующий

итог: «Хотя соглашение частично выполнено, однако реализация его мер не привела к улучшению социального положения. Главный вопрос: откуда могут начаться активные экономические отношения в России, откуда возьмутся новые производительные силы, каким образом исчезнет закупорка между спросом и предложением?» Бурбулис сообщил о том, что через 2 недели состоится рабочая встреча членов Комиссии с представителями правительства, где речь пойдет о ходе углубления реформ.

А.Н.Шохину был задан вопрос президентом Лиги промышленников и товаропроизводителей России

М.З.Юрьевым: «Почему выделенное правительством льготное кредитование распределено практически между госпредприятиями? Замечательный получается стимул: приватизируйся — и ничего не получишь».

Александр Николаевич объяснил, что критерий предоставления кредитов выработал Минфин, и мило отшутился: «Видимо, после того как на машину министра финансов Барчука наехал частник...»

«О повышении минимального размера оплаты труда и введении Единой тарифной сетки в бюджетных отраслях» выступил министр труда Г.Г.Меликьян. По его словам, правительство шокировано принятием в «Белом доме» закона РФ «Об образовании»: «Нельзя повысить зарплату только учителям, поскольку этого не потерпят врачи, например. То есть нужно поднять тарифную сетку, а на это потребуется более 100 млрд. рублей в месяц, то есть около 1,5 триллиона в год. Да еще в составленной сетке не учтены некоторые категории: военнослужащие,

например, работники аппарата, соц. страхования».

В общем, я так и не поняла из сказанного, за счет чего же будет выполнен закон РФ «Об образовании» и повышен минимальный размер оплаты труда?

Третьим вопросом был рассмотрен проект «Программы обеспечения занятости населения», который рекомендовано внести на утверждение ВС.

Что же касается сути взаимоотношений Трехсторонней Комиссии и правительства, то до принятия закона «О Трехсторонней Комиссии» ее работа не носит конституционный характер. Но правительство вряд ли решится действовать иначе, нежели решит Комиссия, поскольку несогласие предпринимателей может грозить, например, увольнениями, а профсоюзов — забастовками.

Индира ДУНАЕВА

ВСЕ НА ПРАЗДНИК «СТОЛИЦЫ»!

Вертолетное шоу и фестиваль боевых искусств

Аттракционы и цирковая программа для детей

Парад диксилендов и концерт звезд эстрады

Юрий Горный и консультации юристов, экономистов, астрологов

Соревнования по армрестлингу и парад старинных автомобилей

Продажа сувениров, книг, товаров для дома и приусадебного участка

Все это с утра и до вечера
в Парке культуры и отдыха имени Горького
5 СЕНТЯБРЯ

Уважаемые москвичи и гости столицы, приходите на наш праздник семьями — хорошее настроение и отдых мы гарантируем каждому.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

МУЖ-МАЛЬЧИК

Маленький чуткий Станкевич перебежал к патриотам.

«День», № 30, 1992

Уважаемые коллеги из «Дня» (кстати, пару раз на их газету затмение находило: не обличали жидомасонский заговор, а печатали почти профессиональные статьи!) довольно точно определили Сергея Борисовича.

Первое — «маленький». Дело, разумеется, не в росте, все же более высоким, чем у Наполеона. Дело в роли. Роль Станкевича — «государственный мальчик», как раньше был он «демократическим мальчиком». Ему уже под 40 (1954 г.р.), а он все в мальчиках. Серьезен, как мальчик; вежлив, как мальчик. Мальчик, подражающий взрослым, играющий во взросло-го. Очень мило, только еще немного хитрее: взрослый, носящий маску мальчика, играющего во взрослого! Вон как, прямо по Станиславскому. Задача — быть очень серьезным взрослым политиком. Сверхзадача — играть, показать, что за этой взрослой вежливой серьезностью стоит прекрасный, чистый юноша, без трех минут Алеша Карамазов. Не всякому дано носить маску, и уж совсем мало кому — маску, натянутую на маску.

Итак, первое определение «маленький». Второе — «чуткий». Одно прямо вытекает из другого. Чтобы преуспевать, политику необходимо держать нос по ветру, это ясно. Но «маленькому» надо быть чутким вдвое, втрое. Он никогда не встанет во главе движения, никогда не породит его сам. Он должен зато с удвоенной,

удесятеренной чуткостью предвидеть все повороты общественного настроения и оказывать всегда с подветренной стороны — никогда не первым, никогда не крайним, никогда не экстремистом, но всегда близко к первым. Самая удобная позиция — тебя заметили, ведь ты один из первых, но удары тебе не достанутся, ведь ты все-таки не самый первый в «атакующей колонне бойцов».

Вот эта ловкость маневра и способность предвидения, эта «чуткость», поразительно развитый нюх

всегда отличали Сергея Борисовича еще с тех времен, когда он был «просто Сергеем».

Станкевич — классический политик перестройки и один из самых эстетически совершенных «детей перестройки». Кто он был к концу 80-х годов? Никто. Выпускник пединститута, отнюдь не блестящий научный сотрудник, автор скучнейших статей, кандидат наук, всей радости, что вот в академическом НИИ (Институт всеобщей истории АН СССР) да английский язык знает. А на носу уже 33 года. Переломный мужской возраст. И никакой перспективы «роста», если бы не революционные события в стране.

Самые ретивые бросились тогда в Большую Игру, стали первыми маклерами на товарно-сырьевых или политических биржах. Как в Америке — пионеры с Мэйфлауэра... Кто палку взял — тот и капрал, кто смел — тот и съел.

Когда-нибудь новый Бальзак напишет сравнительное жизнеописание российских растиньяков 1990-х, и, может быть, тогда ему пригодятся наши беглые «мемуары с натуры».

Один из самых преуспевших политиков этой эпохи, блистательный Собчак, сформулировал почти афоризм, «синдром Голика». Раньше это называлось «из грязи — в князи». Собчак пояснил, что речь идет о провинциальном юристе, внезапно сделавшем головокружительную карьеру, плохо подготовленную его предыдущей жизнью, прыгнувшим по социальной лестнице сразу ступенек через пять. Профессор Хасбулатов

заметил, что и к самому Анатолию Александровичу это определение относится. Точно. Как и к Хасбулатову... В общем, про всю эту поросль можно сказать: «Деточка, все мы немножко Голики; каждый из нас по-своему Голик». Но один и тот же синдром у всякого «Голика» проявляется по-разному, как одну сонату всякий пианист играет по-своему.

В 1987 году Станкевич вступил в КПСС, стал активистом всяких нарождавшихся тогда в партии прогрессивных течений (городской партийный клуб). В своем Черемушкинском районе работал с «неформалами», говорят, сочинял письменные документы о том, как коммунисту лучше на них влиять. Ясно: в тот момент ссориться с КПСС было еще чистым безумием и, вместе с тем, единственным шансом вырваться вперед. Надо было быть оппозиционером, но «чутким», чтобы: а) народ, избиратели были за тебя — а за тебя они могут быть, лишь если видят в тебе оппонента родной партии и б) не рвать с партией слишком круто, иначе попадешь в разряд тех, кому уже всерьез перекроют кислород. Собственно, такая задача сидения на двух стульях стояла тогда перед всеми «прорабами перестройки», включая самого Горбачева, далее — А.Н.Яковлева и — все левее и ниже, все ниже и левее...

Решающий рубеж Станкевичу надо было преодолеть в 1989 году. Вот тут появлялся шанс «материализовать» весь моральный капитал, по крупицам накопленный коммунистом с таким симпатичным человеческим лицом в предыдущие месяцы. Началась первая избирательная кампания по выборам «нардепов» СССР — великая лотерея.

Надо сказать, что к избирательной кампании Станкевич был экипирован лучше многих других. Его почти не знали — верно. Но зато он был одним из создателей неофициальной структуры — Московский народный фронт, — структуры, обреченной на успех просто потому, что она противостояла коммунистам. Этот самый «народный фронт» был прообразом будущей ДемРоссии и провел на выборах многих своих кандидатов. Был и второй мощный двигатель — Ельцин. Группа кандидатов в нардепы тогда подписала коллективный протест против какой-то очередной несправедливости, связанной с Ельциным. Протест, как водится, не печатали, и взволнованные кучки людей, поднимаясь на цыпочки, читали его, развешенный на станциях метро. Читали, главным образом, фамилии. Станкевич, Заславский, Гдлян, Крайко (да-да!)... Так москвичи и узнавали,

за кого голосовать. Так и проголосовали — за «котов в мешке». Ну а уж кого мы выпустили из мешка — вскоре узнали и оценили.

Так и шел Станкевич — не разрывая до конца с КПСС, но явно идя в оппозиции к ней. Он напирал на «оргработу» у демократов, много выступал на митингах. Не упустил он и трибуну первого съезда. Тогда по одной фразе люди становились классиками (например, Афанасьев, сказавший «агрессивно-послушное большинство»). Станкевич не отчеканил такой классический афоризм, но был и у него бенефис: как сейчас помню, как он, такой юный, хрупкий, чистый, со своим открытым юношеским лицом, стоит на трибуне и, сохраняя корректность, взволнованно говорит: меня сюда послали триста восемьдесят тысяч избирателей, вы не имеете права затыкать мне рот!

Так и прошел 1989 год, затем 1990-й. Станкевич не выдвигал самостоятельных политических программ (не говоря об экономических), но исправно давал интервью, голосовал «как надо», не пропускал митингов и очень красиво говорил на них (на каком-то митинге он три раза повторял, слегка грассируя: «Прости нас, Россия»). Я думаю (да у него это не раз и проскальзывало), что его очень тянуло к Горбачеву. Во-первых — власть. А святая любовь Сергея Борисовича к власти была написана на его лице такими огромными буквами, что надо быть демократическим избирателем разлива 1989 г., чтобы этого не заметить. Во-вторых, по человеческому типу, по актерскому типу они достаточно близки: корректные парламентские говоруны. В сущности, митинг — совершенно не стихия Станкевича, так же как и «оппозиция» — вовсе не для него. Но — хочешь делать карьеру — наступай на горло собственной песне. Только безумец мог тогда перейти слева — направо (эту операцию проделали Крайко и Рой Медведев — результаты известны). Станкевич не мог и не хотел сходить с гребня волны, которая поднимала его все выше. Единственное — он старался отодвинуться от «радикалов». Он был и делегатом XXVIII съезда КПСС и даже не вышел вслед за Ельциным-Поповым-Собчаком из партии. (Вышел только через полгода, в январе 1991-го, в связи с литовскими событиями.) Он уже и среди лидеров ДемРоссии больше не значился, смещаясь все дальше в центр этого движения.

А тут подоспели выборы в Моссовет (1990). Станкевича выбрали триумфально. Все думали: кто же будет председателем Моссовета? Как известно, Станкевич снял свою канди-

датуру в пользу Попова, стал заместителем председателя. Я-то, грешным делом, думал, что он это сделал вполне сознательно, точно вычислив: ответственности у зампреда никакой, а представительские функции, презентация, заграничные поездки не хуже, чем у Попова. Однако знающие люди утверждают, что нет, что, оказывается, Станкевич, ничего не знающий ни про городское хозяйство, ни про экономику и т.д., вполне рьяно стремился в председатели и только после долгих-долгих уговоров отказался. Бо-

лее того, говорят, что он — странно и сказзаты! — уже в период выборов мэра всерьез метил на место вице-мэра, который тащит весь воз городских проблем! Вот что такое жажда власти... Впрочем, судьба спасла и сама определила Станкевича на места, будто специально для него созданные. Заместитель председателя Моссовета, ведущий сессии; советник Ельцина по связям с общественными организациями; политический советник президента России... Масса представительских функций, бри-

В кулуарах. Е.Примаков и С.Станкевич

Фото В.Плотникова

финги, выступления в Доме кино и на презентациях, в посольствах, высокоответственное распятие шампанского и государственно-важное уничтожение устриц, во славу России. И ни за что реальное не отвечать! Надо иметь истинно государственный ум, чтобы найти такую нишу, и надо быть истинным избранником судьбы, чтобы случайно занесло на эту золотую жилу...

Прошло уже три с половиной года с момента прихода Станкевича в большую политику. Два с лишним года как он зампред Моссовета. Можно подвести некоторые итоги.

Я не стану подробно разбирать череду естественных сплетен и разного калибра скандалов, связанных с именем Станкевича. Тут и первая неловкая история в новом Моссовете, связанная с участием Станкевича в одном из Московских банков, и невероятное количество загранпоездов, за счет города, но отнюдь не на пользу ему; и недавно полученная роскошная квартира на улице Димитрова, и странные дела, в связи с мильной оперой на Красной площади... Что во всех этих (и многих-многих других) разговорах правда, что — нет, а о чем никто и не знает — не столь уж важно.

Куда важнее и любопытнее другое — за эти годы невозможно вспомнить о Станкевиче ничего другого, кроме вот таких баек, его пенноструйных речей да очаровательной улыбки, с которой он, точно санитар в дурдоме, угаривал товарищей депутатов Моссовета: «Ну, успокойтесь же, дорогие мои, хорошие...». Кроме всего этого — ни единого политического решения, поступка, действия, которое бы связывалось с именем «политика-для-презентаций». Вполне возможно, что какие-то реальные решения были — только, наверное, очень секретные, слишком уж секретные...

Все это идеально вписывается в тот образ демократического политика, «дорвавшегося до власти», который сейчас стал общепринятым в массовом сознании.

И здесь мы плавно переходим к последнему политическому хобби Сергея Борисовича — к его внезапно и с вулканической силой прорвавшемуся державному патриотизму. Ему чуть ли не видение какое было, чуть ли не какой-то «сон о державе» приснился. Во всяком случае, последнее время он не устает с обычной своей серьезностью повторять, что Россия должна выработать свою державную политику, осознать свои державные интересы, да еще и «евразийского» толка. Что ж — человек, вышедший из КПСС в знак протеста против попытки Москвы вооруженной рукой удерживать Прибалтику в со-

ставе Союза, стал отныне большим «державником»; зам. председателя Моссовета, из всех «русскоязычных» круче всего переживает за жителей Приднестровья, куда и ездит с охранной чащей, чем к своим избирателям. Да уж... прости нас, Россия!

Впрочем, ничего удивительного в этом нет. «Жрец науки — тот, кто жрет за счет науки», — любил повторять академик Ландау. А кто такие «жрецы державы» и державных интересов?

Положение демократических политиков, особенно таких, как Станкевич, несомненно, очень шаткое. Тех, с кем он вместе избирался нардепом от Москвы в 89-м году — Гдяня, Медведева, Крайко, Заславского, Самсонова, — уж нет на большой политической арене... Как выжить, зацепиться (а может быть, и расширяться)? И тут в дело идет «чуткость» Станкевича. Он опять точно угадывает, откуда ветер дует, куда повернет власть. Всякая власть играет на струнах державности, патриотизма. Больше ей играть просто не на чем. Даже интернационалисты («русофобы») — большевики и то стали «оборонцами», т.е. русскими патриотами, на другой день, как взяли власть, как стали властью. Тем более это относится и к демократическим политикам. Правительство Ельцина (как и любое другое) будет разворачиваться к патриотизму. А вот уж что оно конкретно под этим словом понимает — другой вопрос.

Правительство и Станкевич решают, в сущности, одну задачу. Как правительству удержаться у власти? Как Станкевичу удержаться у правительства? Выстроив «линию», осознав «идею державности». Это новый словесный спасательный круг, который необходимо ухватить взамен подпродувившейся «демократии».

Разумеется, профессиональные патриоты недовольны. Покушаются на их монополию! Чужак забрел на их улицу, повадился в Тирасполь и Бендеры ездить... Эти слова — «державы», «родина», «патриотизм» — являются частной собственностью Проханова и К^о, Станкевич не имеет права ими пользоваться, он вор...

Впрочем, их разборки на тему «кто первый сказал «э», мы им и оставим. Важно другое: в руках «гос. мальчиков — гос. мужей» новые слова и идеи разделят судьбу старых. Демократические презентации сменяются презентациями патриотическими — только и всего. Разумеется, это лучше (в смысле — безопаснее, меньше отдает погромом и буйством), чем те же слова, те же марши в исполнении соловьев-пташечек из «Дня». Но Станкевич и политики его пошиба и

вообще довольно безопасны. Они делают карьеру только мирными средствами, говоря нужные слова и поворачиваясь, куда ветер дует.

А для самого Станкевича «державное» погромывание даже органичной прежнего, «демократического». Это, понятно, мелочи, непринципиально это, профессионал выше личных пристрастий, но все же... Старая фальшивая позолота, бархат занавеса Большого театра, глупая медь оркестров — все это ближе к его ощущению «власти», чем скромные демократические пиджачки и галстучки. Станкевич уже осознал свои державные интересы — должна же осознать и Россия. Вот и славно будет...

В дореволюционной русской литературе, когда еще не было «выборов», а были только выгодные браки по расчету, было описано три типа молодых честолюбцев. У основания треугольника антагонисты — Молчалин и Чацкий, тезис и антитезис. А в вершине — синтез. Глумов — циничный (глумящийся) Чацкий плюс умный, рефлектирующий Молчалин. Играть и справа и слева, и с «державниками»-долдонами, и с «либералами»-пустобрехами, Глумов лезет и лезет наверх. Одна слабость — ведет дневник, где отводит душу...

Эх, хотелось бы мне заглянуть в дневник С.Б.Станкевича!

Фирма
«МАРЖ»

тел. 444-31-46

**Реставрация старых дач.
Замена венцов и
фундамента.
Поставка стройматериалов.
Токсикологический и
радиационный анализ
почвы и воды.**

Андрей ФАДИН

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ЗАКОН И КУЛАК

ПОСТСОВЕТСКИЙ МИР

Родившийся буквально на наших глазах новый, «послеялтинский» мировой порядок поставил перед российским обществом ряд совершенно новых проблем. Сможет ли Запад навязать применение своих правовых норм на территории бывшего «второго мира»? И захочет ли тратиться на это неблагодарное и чрезвычайно дорогое дело? Смогут ли наследники СССР взаимно ограничивать произвол, нормировать друг друга в сфере соблюдения прав человека?

Как выстроить отношения с осколками русского этноса, оказавшегося волею судеб за рубежами России? Как защитить их в ситуации явной политической дискриминации в одних странах и угрозы самому их существованию — в других? Как должна реагировать Россия (не только государство, но и общество) на открытое попрание провозглашенных правовых норм в странах — наследницах СССР? На грузинскую драму, на расстрел студентов в Ташкенте, на потоки беженцев в Закавказье и Средней Азии?

Убедительных ответов нет. Но все громче раздаются голоса, требующие дать на них простой и однозначный, подлинно державный ответ, поучить соседей демократии и «заставить уважать».

Услужливая историческая память быстро подсказывает, как это бывало и чем кончалось — и для соседей, и для России...

Прошли безвозвратно те оплывшие нами застойно-перестроечные времена, когда избиение или гибель нескольких десятков людей в самых отдаленных точках страны могло шокировать ее, а открытое нарушение прав человека вызывало бурю возмущения общественности. А иногда даже желание столичной интеллигенции что-то делать. Ныне, когда счет жертв идет на тысячи, а беженцев — на сотни тысяч, мало кого уже понастоящему волнует крах закона (любого) и права на территории бывшего СССР (б.СССР), где хоть

как-то работал закон, хотя и лежащий часто вне мирового правового контекста. Затянувшийся и болезненный раздел запущенного наследства СССР вывел из фокуса внимания мира внутренние дела самих наследников. Им сегодня действительно не до прав человека: молодая государственность требует жертв, она укрепляется, сакрализуется насильем, иногда — кровью.

В этой ситуации ни одной возможностью сделать постсоветский мир хоть немного более человечным пренебрегать нельзя.

Цена выбора и выбор цены

Пытаться воздействовать на иностранные правительства, репрессивные по отношению к своим политическим оппонентам, несомненно, можно и нужно. Но за все в мире приходится платить, и следует поэтому отдавать себе отчет в цене подобного выбора. Принятие на себя роли защитника прав и свобод в сопредельных странах означает вполне реальные и очень серьезные обязательства, сопряженные не только с государственными расходами, но и с жертвами со стороны самого российского населения. Психологически и идеологически к этому никто в стране не готов.

Реакция местного российского населения на потоки беженцев не отличается проявлениями какой-либо солидарности. Хуже того, на Юге России, в Ставрополье и Краснодарском крае, беженцы, особенно нерусские, сталкиваются с нарастающей враждебностью не только населения, но и местных властей. «В административные органы и милицию — только русских!», «Разрешение на прописку — с одобрения общественности!», «Россия для русских!» — лозунги, которые не надо комментировать, звучат сегодня уже не только на казачьих кругах, но и в исполкомовских кабинетах. Отказ в прописке, лишение уже приобретенной собственности, изгнание под угрозой расправы и насилия — вот с чем сталкиваются в России армянские и осетинские беженцы. А кое-где уже и «свои», русские...

Вызывает сомнение и моральное право защищать права человека за рубежом со стороны государства, в котором даже самые элементарные права человека не обеспечены. Не забудем и о том, что в отношении ряда стран б.СССР и бывших своих союзников Россия несет часто прямую ответственность за политические порядки в них, и шире — за их политическую культуру, ибо насаждались они в условиях полуоккупационного режима.

И хотя элементарные человеческие чувства и приличия требуют осудить расстрел студентов в Ташкенте, ответственность эту заявлениями, радиопередачами и экономическим давлением не избуешь.

Нужно предоставлять границы собственных возможностей в экономическом давлении, последствия политических заявлений в адрес стран, начиненных динамитом ненависти. В них, между прочим, остаются жить еще миллионы русских, которым, скорее всего, и придется отвечать своим благополучием, а то и собственной шкурой за действия российского правительства.

Извечный вопрос в России: «Что делать?»

В сфере «защиты прав человека» действительно накоплен эффективный мировой опыт, и он имеет мало общего с практикой идеологического противостояния времен «холодной войны». Там, где речь идет о правах человека в широком смысле этого понятия (а не только о политических правах, о «попрании» которых говорит «грузинский урок»), возможна лишь долгая, кропотливая и часто скрытая работа, с формирующимися новыми национальными элитами. С минимумом межгосударственной конфронтации, открытого политического или экономического давления. Работа, «втягивающая» их в новое политико-правовое пространство, дающая им перспективу интеграции в иную цивилизованную общность. Так работали, например, англичане с индийскими элитами, так проращивал и опекал Запад ростки реформизма в недрах коммунистических режимов — в Польше, Венгрии, России. Так сегодня работают с элитами западные негосударственные фонды в «третьем мире», посткоммунистической Восточной Европе, России, Китае.

Однако, чтобы иметь признаваемое другими моральное право на подобную деятельность, государству необходимо стать реальным и бесспорным правовым государством, лидером региона в этой сфере, ре-

шить (или, точнее, постоянно и эффективно решать) эти проблемы у себя дома. Иначе... Вспомним, как воспринимаются заявления Кубы о даже самых жестоких и бесспорных нарушениях прав человека в Латинской Америке.

Ничего этого в России сегодня нет.

В этой ситуации российские апелляции к праву не могут расцениваться иначе, чем обернутый в правовые лозунги государственный (хуже того, имперский), интерес. И все чаще — справедливо. Хотя именно в этом Россия совершенно не одинока.

Двойной стандарт Запада

Нелишне вспомнить, что «поддержка демократии» правительством Соединенных Штатов осуществлялась весьма выборочно и почти исключительно в русле защиты национальных (по сути имперских) интересов. Десятилетиями по всему «третьему миру» осуществлялась вполне реальная поддержка — там, где только этого требовали госинтересы — правоавторитарных режимов, иногда открытых диктатур, открыто попиравших права человека. Когда же речь шла о близких союзниках типа Турции, Южной Кореи или Сингапура, права человека или правовые нормы демократии просто не являлись вопросом межгосударственных отношений.

Ни о каких санкциях в отношении стран, долгие годы занимавших первые строки в докладах «Международной Амнистии», речи не заводилось до тех пор, пока это не отвечало государственным интересам.

Никаких санкций, сопоставимых по жесткости с блокадой Кубы или Сербии, или хотя бы однозначной и решительной реакции правительства США не было:

— ни в отношении Индонезии, где в середине 60-х было истреблено несколько сотен тысяч человек, а затем, во второй половине 70-х, еще многие тысячи при оккупации Восточного Тимора;

— ни в отношении Сальвадора или Гватемалы, где армия в ходе антипартизанских войн творила немыслимые преступления (здесь лишь правительством Картера была ненадолго приостановлена военная помощь, Рейган же ее возобновил);

— ни в отношении Бразилии под генералами, Чили при Пиночете или Аргентины при Виделе.

Тот же «правозащитный прагматизм» применялся и в отношении коммунистического мира. Репрессии режимов Тито и Чаушеку против своей оппозиции встречали совершенно иную реакцию Запада, нежели

подобные же репрессии в СССР или на Кубе. Более того, стоило вьетнамцам, вторгнувшись в Кампучию, изгнать «красных кхмеров», как началась косвенная их подпитка через беженские лагеря в Таиланде. Мясорубка Тяньаньмэня, в свою очередь, не стала основанием для сколь-либо серьезных санкций в отношении Китая, а во много раз меньшие репрессии на Кубе — стали.

Конечно, Америка — действительно великая демократическая страна, и, слава Богу, ее политика отражает не только «национально-государственный интерес», но время от времени и реакцию оскорбленного несправедливостью или жестокостью общественного мнения. Поэтому, например, продемонстрированное на телеэкранах убийство сомосовской национальной гвардией американского журналиста фактически повлекло прекращение поддержки Сомосы. И хотя на больших временных отрезках всегда побеждал госвыбор в пользу «нашего сукиного сына», американское общество находило в себе силы не только высказывать моральное осуждение или поддержку, но и платить, помогать «за свой собственный счет» тем, чьей судьбой оно оказывалось озабочено. Иногда — вопреки госполитике.

Двойной стандарт применяется сегодня Западом (а ведь именно он — реальный держатель рамки международных норм, единственный гегемон общемирового процесса) и в отношении норм демократии и международного права. Стоило перуанскому президенту без благословения «старшего брата» разогнать парламент — санкции последовали незамедлительно. Но когда в Алжире военные приостановили демократический избирательный процесс, чтобы заблокировать приход к власти враждебных Западу исламских фундаменталистов, — со стороны «старшего брата» не последовало ничего, кроме сочувствия.

Законом, со всеми демократическими процедурами избранный президент Грузии не был признан ни одним иностранным государством. Режим же, пришедший к власти фактически в результате военного переворота, сразу же признается десятками стран. Подобная реакция мирового сообщества вполне объяснима с точки зрения соответствия ориентации и алжирских военных, и Шеварднадзе ценностям и геополитическим интересам Запада. Заметим, однако, что формы реализации этих интересов в данном случае противоположны нормам и ценностям, функционирующим в границах самих западных обществ.

Впрочем, за пределами своего, «первого», мира Запад никогда не стеснял себя нормами, принятыми в отношениях между «цивилизованными странами».

Ситуациями применения двойного стандарта наполнена вся история последних десятилетий.

Причины, к несчастью, столь же очевидны, сколь и постыдны: большим и сильным дозволяется в мире то, что не потерпят от меньших и послабее, а «своим сукиным детям» позволяют то, что не прощают чужим.

Конечно, ситуация борьбы блоков делала правовые нормы инструментом борьбы между ними. И с этой точки зрения вся ялтинская система являлась воплощением извечного постулата «реаль политик» — «право есть сила».

Искавление правовых норм?

Хотя цемент нового миропорядка по-настоящему еще не «схватился», уже сегодня ясно, что нормы права, в том числе международного, принятые в «цивилизованном мире», фактически не работают в том, ином мире, где живет три четверти человечества и к которому — теперь уже несомненно — принадлежим и мы.

Запад же как хранитель мировой, «имперской» правовой нормы, кажется, принял невозможность (или ненужность?) ее применения (а значит, и навязывания) в пространстве к востоку от Польши. Формула «Европа от Атлантики до Урала», как оказалось, была нужна лишь для расчета баланса вооружений, но отнюдь не для распространения до Урала норм прав человека и принципов международного права. Несмотря на прием множества новых членов в «хельсинкский клуб», за южной и восточной гранью «цивилизованного человечества» оказалось возможным признание им государств, узаконивших апартеид более трети своего населения, силой артиллерии

отказывающих своим меньшинствам в праве на самоопределение или хотя бы автономии или держащих свои войска на чужой территории под предлогом отсутствия для них места на одной седьмой части суши...

У подобного внеморального подхода к политике глубокие культурно-политические корни. Стремление не ко все большему благу, а к наименьшему злу, взаимограничение различных видов зла — основы западной политической культуры. С этой точки зрения, например, диктатура — это далеко не всегда плохо. Пойти на мир через переговоры и уступки противнику в национальном конфликте может только сильная власть, не считающаяся особо с общественным мнением, не опасаящаяся, что конкуренты по демократической игре обойдут ее по линии эскалации националистических требований (как уже произошло с Муталибовым и как завтра может произойти с Тер-Петросяном, Снегуром или Кравчуком). Только эффективная вертикаль, в которой приказы безусловно выполняются под страхом мгновенного наказания, неуправляемые формирования разоружаются или уничтожаются, только она в перспективе может стать выходом из мясорубки. Но и ценой здесь может стать уничтожение политических свобод, гибель (на время?) демократических норм, пренебрежение человеческими правами.

Подобное решение может, конечно, стать началом новой волны насилия. И потребует новой борьбы и новых жертв — окончательных решений в социальной реальности не бывает. А сегодня другого выхода не видно.

Приоритеты — государственные и человеческие

В мире, где правит интерес, Россия как государство обречена признать главным мотивом и приоритетными

своими задачами в этой сфере защиты политических, экономических и культурных прав своих граждан (или «соотечественников» — там и постольку, где и поскольку вопросы гражданства не урегулированы), а затем и иных связанных с Россией культурных и национальных категорий населения. Дело в мире совершенно обычное: Германия проявляет прямую заинтересованность в судьбе зарубежных немцев, Израиль — евреев, Венгрия — венгров. Мировое сообщество признает правила игры, при которых Турция является фактическим участником армяно-азербайджанской драмы, а Румыния участвует в переговорах по поводу Приднестровья.

С этой точки зрения дипломатическое давление на Латвию и Эстонию в целях защиты политических прав русскоязычного населения или урегулирование приднестровского и югоосетинского конфликтов — задача для государства действительно приоритетная по сравнению с дипломатическими демаршами против звонистских (а затем — антизвонистских) репрессий или ташкентских расстрелов.

Но именно для государства, потому что для самого общества, не связанного правилами межгосударственных отношений, приоритеты могут быть совершенно другие. И для тех из нас, кто не отождествляет себя с политической российской государственной властью, в сфере прав человека границ и интересов быть действительно не должно. Для нас расстрелы в Ташкенте, Тбилиси и на Кубе должны стать колоколом, который звонит по нас. Но для начала надо вспомнить о тех, кого сегодня выгоняют из их собственного жилища под лозунгами «Эстония для эстонцев» или «Россия для русских».

ЦЕНТР БЫСТРОГО ЧТЕНИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ ОЛЕГА АНДРЕЕВА

приглашает вас на заочное отделение.

Уникальная методика гарантирует многократное повышение скорости чтения, развивает образную память, творческие способности.

Вы получите единственный в стране учебник «Техника быстрого чтения».

Подробные условия обучения высылаются по запросу.

Не забудьте вложить конверт с домашним адресом.

ЦЕНТР БЫСТРОГО ЧТЕНИЯ ЖДЕТ ВАС.

Наш адрес: 125047, Москва, 1-й Тверской-Ямской пер., дом 11.

Телефон /095/ 251-99-47 (автоответчик работает круглосуточно).

Слава ЛЁН

ДЕЛО ГКЧП: ПОБЕДИЛА ДРУЖБА, А НЕ ЗАКОН

**Следствие завершено —
вопросы остались.
Точнее: их стало больше,
на взгляд историка —
они углубились
во времени и пространстве,
но главное —
они углубились по сути.**

Август 1991 года синхронно завершил эпоху «перестройки» и «коммунистическую эру»: мы еще не сумели осмыслить всей резонансной глубины этого двойного счастья! Кроме того, на наши годы падает еще и трехвековой юбилей начала петровской «перестройки» (1689-й — год прихода к реальной власти Петра I, 1698-й — год окончательного разгрома заговора стрельцов).

Можно показать некоторое единство этого, условно названного «имперским», периода русской истории, прослеживаемое, например, в «западнических» интенциях развития России и справедливых претензиях на звание «великой державы». С какими теперь, после 1991 года, трезвые голоса предлагают покончить. С другой стороны, три последних века, каждый в отдельности, явно различаются по комплексу второстепенных характеристик, существенных, однако, для нашего обсуждения норм правосудия на примере дела ГКЧП (таких понятий, как «заговор», «государственный переворот», «суд над заговорщиками», «правосудие» и т.п.).

XVIII век слывет веком удачливых «переворотов», акцентированно называемых у большевистских историков «дворцовыми». Как и в случае «утра стрелецкой казни», расправа с побежденными каж-

дый раз была лютой — без суда и следствия. Понятно, что ушаковский «розыск» к судопроизводству никакого отношения не имеет. XIX век — век стабильности государственной власти — по инерции начался с убийства Павла I. Но престол занял законный наследник — старший сын Павла Александр I, который исторически значимо начал свою деятельность с «перестройки». Имея в команде столь великого государственного мужа, как Михаил Михайлович Сперанский. Разгром «заговора декабристов» повлек за собой более цивилизованную процедуру следствия — хотя о какой цивилизованности может идти речь в эпоху абсолютизма!

Перманентные заговоры после «великой эволюции» 1861 года на стабильность государственной власти существенно не влияли. Заговорщики, защищаемые блестящими адвокатами «золотого века» русской культуры, были судимы уже не страшным судом — судом присяжных заседателей. Даже убийство Царя-Освободителя в 1881 году расследовалось юридически нормированными методами. Законоправным был суд: виновные понесли справедливое наказание.

XX век — первый и последний «коммунистический век» в человеческой истории — в России начался с удачливого заговора большевиков, государственного переворота и закрепления захвата власти посредством гражданской войны. Завершилось «имперское» 300-летие, «коммунистическая эра» и «перестройка» августовским путчем. Следствие по делу которого подтвердило очевидное существование долговременного и глубоко эшелонированного заговора. И это следствие в явном виде поставило и неудовлетворительно решило свой основной вопрос — «о преступлении и наказании». Увы.

Потому, в частности, что правоохранительная служба не может оставить без законного наказания ни одного — подчеркиваю — ни одного преступника. Все они должны понести юридически обоснованное наказание. А «декабристы» они (как утверждает жена Янаева) или не «декабристы»; «стрельцы» или «стрелочники» — это все из области беллетристики. Из текста моего романа «ПУТЧ-К»: «Пусть умрет такое чудовище — коммунизм».

Но главное, что показал период следствия по делу ГКЧП, — судебная власть в России до сих пор не является ни «третьей», ни независимой, ни вообще властью. Но об этом — ниже.

В развитии заговора можно выделить семь этапов:

I этап. 12 июня 1990 (провозглашение су-

веренитета России и, с другой стороны, тайная война, объявленная команде Ельцина — Явлинского (зарождение путча) — 31 августа 1990 (завершение разработки «концептуальной» — в терминах авангардизма — программы «500 дней»). Этап оппонирования.

II этап. Сентябрь—декабрь 1990. Этап активной борьбы заговорщиков с программой «500 дней» и демократами; первые пробы сил «армии на картошке»; парламентские бунты; юридическое оформление группы «Союз» с речью Лукьянова на учредительном собрании. Этап пробы сил.

III этап. Декабрь 1990 (Крючков поручает бывшему заместителю начальника ПГУ Жижину и помощнику своего первого заместителя Грушко — Егорову «осуществить проработку возможных первичных мер по стабилизации обстановки в стране на случай введения чрезвычайного положения») — 23 апреля 1991 (начало новогаревского процесса). Этап конституирования заговора: 13.01 — Вильнюс, 20.01 — Рига, 23.02 — Москва («дисциплинарный» митинг военнослужащих), 28.03 — ввод милиции и внутренних войск в центр Москвы. В качестве курьеза здесь же упомяну о Постановлении ВС СССР от 12 апреля 1991 «О неотложных мерах по пресечению пропаганды порнографии, культуры насилия и жестокости», с министром-трагикомиком Губенко в главной роли.

В этот важный период и сформировались два контрзаговора. Дату организации ельцинского контрзаговора можно фиксировать 15 января, когда не рискнувшему возвращаться в Москву самолетом Ельцину будущий его секретарь Совета безопасности Скоков сказал: «Стыдно бегать, как зайцы. Пора создавать российскую армию». В мае они были уже в Тульской дивизии ВДВ с конструктивными предложениями.

Горбачев, назначив в середине января Павлова, Пуго и Бесмертных на ключевые позиции «своего-чужого» заговора, то есть полностью и окончательно укомплектовал команду Лукьянова—Крючкова, после 28 марта ощутил смертельную тревогу и начал спешно готовить «свой-свой» контрзаговор. Кульминацией его явилась конфиденциальная встреча в Москве 29 июля с Ельциным и Назарбаевым, на которой последние предложили Горбачеву немедленно заменить в руководстве страной Лукьянова, Крючкова, Пуго, Янаева и других будущих путчистов. КГБ конспиративный разговор, естественно, зафиксировал, и Крючкову с Лукьяновым имена доложил.

IV этап. 23 апреля — 4 августа 1991 Горбачев, держа в уме подписание 20 августа Союзного договора, легкомысленно улетел в Форос. Этап тактической подготовки к путчу, ибо новогаревский «процесс пошел»: нечто, подобное СНГ, могло уже маячить перед перспективным взором поэта Осенева.

V этап. 5 августа (собрание заговорщиков во главе с Крючковым и Язовым на конспиративном объекте АБЦ в конце Ленинского проспекта: принято решение любыми путями ввести «чрезвычайное положение» с целью срыва подписания Договора) — вторая половина дня 17 августа (там же и те же заговорщики приняли оперативный план захвата власти. До этого в

*Продолжение. Начало см. № 39, 1991

течение 12 дней Жижин с Егоровым и Грушко с привлечением сотрудников Министерства обороны, в частности Грачева, на оперативном объекте КГБ в деревне Машино конструировали ситуацию «чрезвычайного положения», оценив силы сопротивления). Число участников заговора на этом этапе расширилось уже до нескольких десятков человек.

VI этап. 17—21 августа 1991. Захват власти в стране. (Почему заговорщикам инкриминируется «захват власти»? «Потому», — отвечает следователь Российской прокуратуры Александр Фролов в интервью «Российской газете» от 22.02.92 г., — что ни один из них в отдельности и все вместе не обладали правом решать вопрос о введении в стране чрезвычайного положения, которое, как известно, Конституция Союза относилась к исключительной компетенции президента и Верховного Совета СССР».)

Активно действуют не только руководство КПСС, но и секретари ЦК республик, обкомов, горкомов, райкомов, круглосуточно работающих парткомов.

Бакланов с помощниками поднял по боевой тревоге девять оборонных министерств: ВПК действует!

Деятельность КГБ — под контролем Крючкова и его первых замов Агеева и Грушко, замов Петроваса и Прилукова — развернута предельно широко:

— Двенадцатое управление (Калгин, Гуськов) и Управление правительственной связи — УПС (Беда, Глушенко) организовали «слуховой контроль в отношении ряда руководителей СССР и РСФСР, обслуживаемых совершенно секретной, секретной и городской телефонной связью по месту работы и жительства». Начальник Двадцать первого отдела УПС Парусников отключил все виды связи на даче президента Горбачева в Форосе (объект «Заря»). 19 августа тот же Беда по приказу Крючкова выключил аппараты междугородной правительственной связи у Ельцина, Силаева, Бурбулиса;

— Аналитическое управление (энергичный Лебедев), Управление «З» — защиты конституционного строя (Воротников, Добровольский, Перфильев) и Седьмое управление — наружная разведка (Расщепов) — обеспечили информационное обслуживание режима чрезвычайного положения, подавление демократической прессы, задержание ряда депутатов;

— Первое главное управление — разведка (Шебаршин, Бесков), Пятнадцатое главное управление — «бункерное» (Горшков, Ионов) подготовили все для штурма «Белого дома» и ареста Ельцина;

— Управление по Москве и Московской области (Прилуков, Кучеров, Корсак) также готовило штурм «Белого дома», обеспечило блокирование — совместно с ВДВ (Грачев) — Моссовета, ЦТ «Останкино», Госбанка и Гохрана СССР, закрытие газет и радио «Эхо Москвы», контроль за печатной базой и кабельным телевидением;

— Третье главное управление — особые отделы КГБ СССР в Вооруженных Силах (Жардецкий, Гуца, Рыжак) — также участвовало в подготовке штурма «Белого дома», координируя действия групп КГБ и МО, обеспечило общее руководство оперативными группами, вылетевшими

18 августа в Прибалтику;

— Начальник погранвойск КГБ СССР Калининченко 18 августа поставил задачи Симферопольскому погранотряду и Балаклавской бригаде пограничных сторожевых кораблей усилить охрану объекта «Заря» и подчинил начальников этих частей Плеханову и Генералову. Военно-политическое управление погранвойск (Бритвин, Шляхтин, Дансков, Кортеяйнен, Рохлов, Агапов, Голышев, Земцов) направило 19 августа обращение в погранвойска с призывом решительно поддержать меры ГКЧП.

Вооруженные Силы СССР активно участвуют в захвате власти, присутствуя на всех конспиративных сборищах заговорщиков на объекте АБЦ начиная с 5 августа.

По приказу Язова около 6 часов утра 19 августа командующий Московским военным округом Калинин начал ввод войск в Москву. Только со 2-й мотострелковой, Таманской и 4-й танковой, Кантемировской дивизиями утром в Москву были введены 3809 человек, 2043 единицы бронетехники, 420 автомобилей — что там ваша Прага в 1968 году! В 6 часов 30 минут Грачев доложил Язову, что 106-я Курская дивизия ВДВ двинулась в район аэропорта Тушино. 20 августа по указанию Язова в Москву из Молдавии по воздуху были перебросены два полка 98-й парашютно-десантной дивизии и два полка Волгоградской дивизии ВДВ, которые были дислоцированы на аэродромах Кубинка и Чкаловский.

Важнейшее совещание по указанию Язова (заходил на него и Ахромеев) провели в 12—15 часов 20 августа Вареников, Ачалов, Грачев (МО) с участием Громова (МВД), Прилукова (КГБ) и других. Тема: взаимодействие войск трех ведомств при штурме и захвате «Белого дома» и при задержании руководства России и президента Ельцина. Штурм был назначен на 3.00 утра 21 августа 1991 года.

Кабинет министров СССР под руководством «непросыхающего» Павлова тоже не бездействовал. Вечером 19 августа почти все министры доложили по результатам обсуждений на коллегиях — успели с утра провести! — о конструктивной поддержке ГКЧП.

Кипучая работа в столицах республик, в обкомах, горкомах, райкомах, парткомах шла, зачастую опережая решения и указания центра. Чего стоят инициативы одного только Макашова!

Таким образом, в период 17—21 августа круг лиц, de jure и de facto участвовавших в перевороте и захвате власти, в том числе и захвате президентского «ядерного чемоданчика» (на 73 часа! — личная заслуга Плеханова, Генералова, Медведева), много перевалил за тысячу.

И ВСЕ ОНИ — КАК УГОЛОВНЫЕ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ — ОБЯЗАНЫ ОТВЕЧАТЬ ПЕРЕД СУДОМ.

(Для сравнения напомним, что за попытку переворота на Сенатской площади 14 декабря 1825 года был осужден 121 преступник, пятеро из них казнены...)

Но вот — VII этап (22 августа 1991 — 13 января 1992), этап разгрома путча и завершения следствия — самый трудный для

победителей: в России до сих пор не умеют и не любят работать с законом.

Вначале Горбачев — по понятным причинам, потом Ельцин — по идентичным, но с противоположным знаком, потом «правая пресса», потом «левая» — стали до тошноты предостерегать правосудие от «охоты на ведьм». Появились какие-то юридически, да и фактически абсолютно нелепые сопоставления то с 37-м годом, то с «утром стрелецкой казни», то со средневековой католической инквизицией. Особенно всем полюбилась аналогия с декабристами, которые «разбудили Герцена»: жена Янаева так прямо и сказала об этом. Ну а подследственные, Павлов например, просто заявили: переворота не было! И, стало быть, пора по домам.

Умные люди сразу после ареста 14 участников реализованного захвата власти спрашивали — что их ждет: товарищеский суд или Нюрнбергский трибунал? Горбачев постоянно напоминал, что они, подследственные, сообразят превратить уголовный процесс в политический. Профессор Г.Хохряков еще 11 сентября 1991 года сопоставлял три возможных сценария судебного процесса: правовой, политический, «затяжной». Похоже, процесс пошел по «затяжному» сценарию даже не столько потому, что подследственные с адвокатами умышленно затягивают дело (особливо хорош Лукьянов!), сколько потому, что ныне «время идет быстро», и, наконец, «красно-коричневые» — а случилось вдруг и вице-президент Руцкой — предлагают: не надо и товарищеского суда!

Понятно, что мне в романе «ПУТЧ-К» приходится разрабатывать иную концепцию — Страшный Суд: это итоговое справедливое суд. Перед совестью, перед народом, перед Богом.

Но «в жизни» главный вопрос не в том, насколько суров (но справедлив) будет суд. Главный вопрос — ПОЧЕМУ НЕ ВСЕ — ПРЯМЫЕ! — УЧАСТНИКИ ПЕРЕВОРОТА НАХОДЯТСЯ ПОД СЛЕДСТВИЕМ? Где и как в технологической цепочке ПРЕСТУПЛЕНИЕ — АРЕСТ — СЛЕДСТВИЕ — СУД И ДОКАЗАТЕЛЬНО ПРЕСТУПЛЕНИЯ — СПРАВЕДЛИВОЕ НАКАЗАНИЕ произошли разрывы?

Они существуют на каждом «стыке», но особо опасный разрыв на «стыке» ПРЕСТУПЛЕНИЕ — АРЕСТ. Здесь все зависит от воли (произвола?) прокурора (или того, кто всегда и нас стоит за ним). Вопиющий пример — Ачилова, вина которого убедительно доказана следствием. Но Верховный Совет до сих пор не дал согласия на очевидно необходимый арест.

Более тонкий пример — Громова (МВД) и Грачева (ВДВ), участвовавших в заговоре — по меньшей мере — с 5 по 20 августа включительно. Следователь Фролов утверждает — и примем указанный факт как смягчающее вину обстоятельство: «Около 23 часов (20 августа. — С.Лён) Громова и Грачев договорились между собой, что на штурм «Белого дома» войска не поведут, и практически позиция этих двух лиц определена судьбой «Белого дома». Пусть смягченная, но вина-то за руководящее участие в государственном перевороте на Громове и Грачеве остается! И только суду решать, смягчать ли и насколько

смягчать наказание. (Логика: коли я вечером утопающего ребенка, суд может простить меня за убитую утром женщину.) Если следовать этой логике, то первым из-под ареста надо выпустить Язова: «После некоторых колебаний Язов, наконец, дал войскам команду: «Стоп!» (следователь Фролов, «Российская газета», 22.02.92).

С Грачевым — еще сложнее, ибо он участвовал не только в заговоре ГКЧП, но одновременно и в контраговоре Ельцина (хотя, повернись дело чуть по-иному, батальон под командованием его заместителя Лебеда мог сыграть в «Белом доме» роль троянского коня).

Процедура освобождения из-под стражи подследственного Василия Стародубцева 8 июня 1992 г. показала, что разрыв существует и на «стыке» СЛЕДСТВИЕ — СУД. Хуже того, эмпирически доказано, что столько раз декларированная независимость ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ — миф! При освобождении Стародубцева прозвучало личное письмо президента России Бориса Ельцина Генеральному прокурору Валентину Степанкову с предложением «решать из соображений гуманности и гражданского согласия». Я не хочу даже проблематизировать понятие «гражданского согласия» и прогнозировать послесудебное развитие событий при различии его толкований. Мне важно довести до сознания

президента, что процессы следствия и суда лежат в юридическом пространстве, которое от пространства исполнительной власти должно быть отделено «великой китайской стеной». Через какую никому нельзя перелезть и — даже — заглядывать.

Точно так же обстоит дело с «границей» между пространствами судебной и законодательной власти: ходатайство об изменении меры пресечения Стародубцеву подписали 276 народных депутатов России и направили прямо своему коллеге по депутатскому корпусу Степанкову. Больше того, в ближайшее время планируется встреча адвокатов подследственных по делу ГКЧП с руководством Верховного Совета (?), на которой будет передано, опять коллективное, прошение об изменении меры пресечения всем обвиняемым.

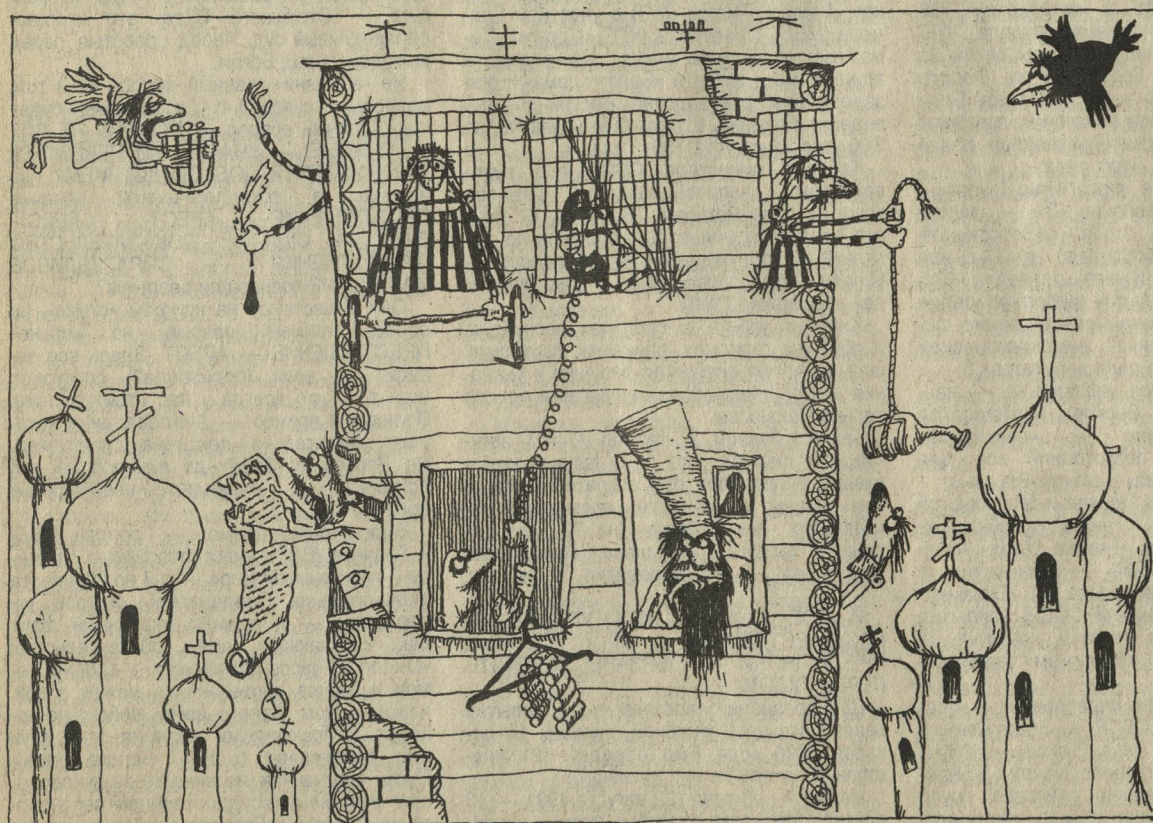
Реализация идеи независимости судебной власти в России является проблемой № 1. От успеха судебной реформы зависит все остальное: экономические, социально-политические, экологические и т.п. преобразования. Это счастье, что коммунисты, уходя, подарили нашей юриспруденции и судопроизводству дело ГКЧП, достаточно простое и эффективное. Технология и культурная норма юридического процесса в правовом государстве отрабатываются именно на таких, «очевидных», делах. На подобного рода процессах как на образцах необходимо

перестраивать правовое сознание личности и общества в целом. В первую очередь — правовое сознание законодателей, членов правительства, работников прокуратуры и суда. Пока можно с горечью констатировать — первый блин комом: демократы, которым никто не мешал, справились с делом ГКЧП плохо.

Автономия и независимость пространства судебной власти должна стать первостепенной заботой общества, строящего правовое государство. «Телефонное право» необходимо-таки отменить. Приоритетность закона по отношению к «здоровому смыслу», которую начинает демонстрировать «новый» Конституционный суд России, должна стать нормой юридической практики, в которую никак не могут еще вписаться «старые» прокуратура и суд. И только тогда мы, русские люди и общество, сумеем осознать, что в прошлом году было два, а не один, государственных переворота. Но это уже тема другого романа...

...Закончу постановку «проклятых вопросов» поразительной цитатой из «Курса русской истории» В.Ключевского, которым зачитывается Лукьянов в «Матросской тишине»: «Робкое бессилие перед порядком при безграничной власти над лицами, чем отличались у нас все правительства этой (нашей?) — **СЛЕН** эпохи, — это обычная особенность государств восточно-азиатской конструкции, хотя бы с европейски украшенным фасадом».

Рисунок А.Зайца

«МЫ МОГЛИ, НО НАМ НЕ ДАЛИ?»

Раньше, когда моих ушей достигали время от времени «бессмертные» строчки отечественных поп-певцов наподобие «Тебя связали кумачом и опустили на колени...» или «Все отберут у мужика, ну а пока — гуляй пока...», я испытывал лишь легкое раздражение. После просмотра фильма Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли» легкое раздражение переросло в тяжелое. На мой сугубо субъективный взгляд, подобные явления общественной жизни нуждаются в анализе совершенно особого рода.

Блестящий пример такого анализа продемонстрировал в свое время Зигмунд Фрейд. Великий австриец двигался от следствия к причине, от сложного явления к его первоисточнику, разрушая на пути все маскирующие наслоения. И хотя выводы, к которым он пришел, в чем-то спорны, сама методология, несомненно, заслуживает внимания. Я не претендую даже на малую толику лавров Фрейда, однако рискну высказать мнение по поводу глубинных мотивов, двигавших режиссером при создании фильма.

Вывод, который я сделал, достаточно очевиден. Когда задумывался фильм, Говорухиным двигало чувство незамысловатой, почти детской обиды. Будучи личностью сугубо эмоциональной, он, конечно, весьма глубоко переживает теперешнее положение России. Однако в силу особенностей своей природы он не способен понять, что нация сама, своими руками добилась для себя подобной жизни. И вот силой своего таланта режиссер создает расслабляющий миф — «Великая Россия, которую у нас отняли». Причем негодяя, отнявшего Россию, каждый определяет соответственно своим личным склонностям: большевики, жидомасоны, интеллигенты... выбор обширен. Рассматривая видовые открытки дореволюционной России, Говорухин мрачно, с болью в душе размышляет: «Ведь мы же могли! Но нам не дали... Не дали! А ведь могли же...» Именно эта мысль незримо присутствует на протяжении всего фильма, ненавязчиво проникает в сознание, заставляет сжать от обиды кулаки, всхлипнуть... и, наконец, расслабиться, растворить собственные недостатки в очередном мифе: мы могли, но нам не дали.

Осмысление судьбы нации — задача благородная, но решать ее без участия экономистов, социологов, историков представляется мне как минимум некорректным. Вместо четких, ясных и, самое главное, честных ответов мы получаем своеобразное попури типа «Гитлеризм румяные, от мороза чуть пьяные...». Говорухин предлагает нам, вместо того чтобы вопреки всему много и хорошо работать, обеспечивая полноценную жизнь себе и своим детям, заняться оплакиванием своей незадавшейся судьбы и утешиться собствен-

ной «особенностью». Если мы последуем по этому пути, тогда действительно окончательно потеряем Россию.

П.ВОЛОВ

Тверь

ТРИ СЮЖЕТА ИЗ ЖИЗНИ МОСКВИЧА

Сюжет № 1

Инвалиды, ветераны и просто пожилые аутсайдеры раз в неделю отовариваются по месту жительства продуктами, якобы доступными для их дырявоющих кошелев. Так было — бывали недорогие сравнительно крупы, масло не по кооперативным ценам... Но постепенно все это вытеснилось дорогостоящими колбасами, дико дорогими консервами, кстате, свободно продающимися во всех магазинах. Доброе и полезное мероприятие выродилось в издевательскую пародию. В магазинах по-прежнему вывешивается список так называемых «заказов», только стал он пустой формальностью: начисто ушли из него и гречка, и геркулес, и сгущенное молоко, остались для беззубых ртов лишь «макаронные изделия» (как стыдливо величают тестяные опилки).

Для чего, спрашивается, эта хорошая мина при плохой игре? Эта понтырная «забота» о социально незащищенных?

Сюжет № 2

Жутко хочется объяснить себе и всем топчущимся в очередях за харчем, каким образом, с какого потолка слетают своеобразные наценки на товары, например, целлофановые пакеты, в которые расфасованы продукты, совершенно не нуждающиеся в упаковке? Пакет стоит 90 копеек. Выходит, если я купил дюжину редисок за 9 рублей в ненужном мне пакете, то должен еще заплатить аж 10 процентов стоимости покупки? Почему? Потому что это выгодно торгу, директору, магазину? Бессовестная обираловка! По логике лучше было бы не держать лишних людей на упаковке, а увеличивать количество продавцов, отпускающих продукты в безусловно имеющиеся у покупателей целлофановые пакеты. Ан нет! Тысячи покупателей, вынужденно приобретающих девятикопеечные пакеты, дают огромную прибыль. Кому?

Сюжет № 3

Пренебрежение к налогоплательщикам (назовем нас так) — это, наверное, национальная черта российских чиновников. Народные наши трибуны хрипнут от уверений в любви ко всем своим подданным, сберкассы демократически заменены сберегательными банками... но прочно одно (навсегда, что ли?) нетленное к нам, обывателям, отношение: «А пошел бы ты на (в)...»

Я — лояльный гражданин — привык каждый месяц первого числа платить за квартиру (за прожитый месяц). Отдал в окошечко кассы книжку и деньги и ус-

лышал: «Платите пеню!» Помилюйте, говорю, за что? Дама из окошечка молча показала на объявление, объясняющее, что теперь платить надо не за прожитое жильцом время, а не позднее 20-го числа текущего месяца. Но почему же не предупредить заранее, что с будущего месяца надо платить вперед? Я не против уплаты. Пеню я оплатил. И не количество ныне бесплотных мифических копеечек меня беспокоит, но буквальное перенесение в «эпоху демпреобразований» привычного чиновничье-го хамства.

PS. Возможно, все сказанное мною покажется мелочью, на которую не стоит обращать внимания. Особенно сейчас, в эпоху преобразований, противостояний, рушащихся опор, братоубийственных конфликтов. Позволил себе заикнуться об этом лишь потому, что облепленные целиком мелкими паскудствами, мы уже не набираем необходимых сил «махать руками», чтобы удержаться на поверхности.

М.БЕРЛЯНД

Москва

НЕ ХВАТИТ ПЕНСИИ — КУР ЗАВЕДУ...

Меня возмутило в 19-м номере «Столицы» письмо И.Худякова из Тулы «Депутатская забота выходит пенсионеру боком». Автор предлагает компенсацию работающим пенсионерам передавать неработающим да еще перечислять им 50 процентов пенсии работающих пенсионеров, чтобы те «не засиживались на своих местах до склеротического маразма».

Я пенсионер неработающий, но у меня никогда не хватит совести отбирать часть пенсии у другого. И.Худяков обвиняет пенсионеров, которые еще могут трудиться, в том, что они «занимали тепленькие местечки», «работали ни шатко ни валко...». Он это знает наверняка? Ну, тогда я знаю, что этот туляк угробил свое здоровье пьянством и излишествами, а теперь желает у кого-то урвать и распределить. Видаль таких!

Всю жизнь я прожил в Якутии, где «тепленьких» мест не много, на пенсию вышел в 55 лет. Я тоже пил все, что горит, но это мои проблемы. Если государство пока не может платить мне больше, то работающий сосед делиться со мной не обязан. Мне тоже пенсии не хватает, проживаю нажитое. Припрет — кур заведу, огород или найду себе место по силам. Всю жизнь работал в геологических экспедициях, где «сачки» недолго держатся. Так что хлебнул не меньше И.Худякова.

А.УШАКОВ

Якутия, пос. Тинная

НАШИ СТУДЕНТЫ КНИГ НЕ ЧИТАЮТ

Относительно статьи «Глас вопиющего...» (№ 24) необходимо отметить, что Америка своим средним, малоинтеллектуальным уровнем почти не отличается от России. Если не сказать большего.

Мне не совсем понятен пафос статьи и комментария к ней. Зачем причитать по поводу Бродского в Америке, где он, как ни крути, все же иноязычный поэт, поэт русский, если в отечественных вузах, творческих, гуманитарных, отношении к своим, отечественным, более или менее известным литераторам едва ли не хуже?

Я был свидетелем приезда Дмитрия Александровича Пригова в Екатеринбург. Он по моему приглашению выступил в Уральском государственном университете, где гуманитарных факультетов хватает с избытком. Оставим в стороне вопрос, больше Пригов, нежели Бродский, или наоборот, — это не корректно и не столь важно. Пригов известен. На встрече с ним пришли: десяток поэтов, несколько преподавателей университета и практически ни одного студента — а дело было весной этого года, в разгар сессии. Пригов без особого удовольствия отчитал программу, которую намечал, и вежливо распрощавшись, уехал.

При чем здесь Бродский в Америке? Если гуманитарии из крупнейшего вуза Урала (а я его беру как известный мне) практически не ходят в театр, так как сие «не стрёмно», кроме как по программе не читают иных книг, тем более своих, местных, даже самых тусовочных авторов. Наши молодые литераторы, среди которых довольно известные Курицын и Верников, выпустили сборник прозы «Нехорошая квартира». Крошечным тиражом. Уникальное издание и по идее, и по оформлению. В университете за неделю была продана 1 (одна) книжка. А ведь в вузе есть и филологический, и искусствоведческий факультеты, и еще бог знает какие гуманитарные. Антиинтеллектуальность и безграмотность просто чудовищны. А Вы — Америка!

В.ДУБИЧЕВ

Екатеринбург

КАК ВЕРНУТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВКУС К ДЕЛУ?

Интеллигенция обиделась на власть. Стало общим местом обвинять власть в отступлении от идей демократии, все чаще вспоминают классические слова о том, что поэт должен всегда находиться в оппозиции к власти. Разочарованные художники возвращаются от власти к своему ремеслу, но и там, похоже, не находят удовлетворения.

Тогда, в восемьдесят пятом, с демократической властью мы связывали свои надежды на выход из исторического тупика. Сейчас, спустя семь лет, оказа-

лось, что это сладкое слово «демократия» каждый из нас понимал по-своему. Мы считали, что демократия — это власть народа, и видели ее воплощение в первых выборных Советах, связывали демократию с освобождением от недремлющего идеологического ома и возможностью самореализации, видели в ней единственную возможность создать нормальный хозяйственный механизм. Но когда наши представления не совпали с реальностью, мы не нашли ничего лучшего, как обидеться.

Отсюда, одна из самых распространенных претензий к правительству — его «неспособность» или «нежелание» наладить «цивилизованные» отношения. Вероятно, предполагается необходимость издания некоторого количества указов, вменяющих эту цивилизованность обеспечить. Но любой закон будет работать только тогда, когда большинство членов общества подготовлено к его выполнению. Попробуйте издайте сейчас «простой» и очевидный указ, предписывающий выступающим в средствах массовой информации придерживаться норм родного языка.

Теперь, когда мы так справедливо возмущены беспределом и цинизмом обогащения любимыми средствами, не стоит ли нам задуматься над тем, что и мы внесли свою лепту в удабривание той почвы. Так ли мало было нас — учителей, врачей, работников творческих союзов — среди тех, кто рванул за границу, естественно, не куска ради, а исключительно ради «красоты жизни»?

Может быть, сейчас, после стольких лет конвульсивных попыток что-то сделать и изменить, нам пора понять, что демократия не панацея от всех бед, а лишь форма организации общества, не препятствующая его саморазвитию. На этот путь встал практически весь цивилизованный мир.

Приходится констатировать наличие огромного разрыва между достигнутыми цивилизацией уровнем технического прогресса и реликтовостью духовных потребностей большинства членов общества, между полнотой научных знаний об окружающем нас мире и знаний о самом человеке, между накопленным человечеством фондом знаний и духовных ценностей и мировоззрением отдельной личности.

Многое в контексте этих проблем уже было осознано русской интеллигенцией, опыт которой в значительной степени не востребован до сих пор. Где то звено, потянув за которое можно вытащить всю цепь проблем? Может быть, в подсказанной В.Вернадским идее «учащегося народа» как антитезе реализованной нами идеи «вооруженного народа»? Может быть, у России, да и у всего человечества, все-таки есть третий путь — путь Разума и Духовности?

И.ОЧИНА

ПАПАХА — ЭТО ОПАСНО?

Мне кажется, что статья Алексея Белякова «Казачи в городел.», опубликованная в 27-м номере «Столицы» за этот год, — только начало сложного разго-

вора о проблеме казаков. Но разговор этот не просто сложен, он — опасен. Указ Бориса Ельцина пусть и нечетко, но все же определил социально-экономический статус казаков. А вот о политических пристрастиях людей в папах можно только догадываться. Хотя появились уже у казачества и собственные периодические издания. Например, газета «Казачьи ведомости», избравшая своим девизом красивые, но ко многому обязывающие слова: «Нет уз святее товарищества».

Газета сугубо правая и числится приложением к еженедельнику «Русский вестник». Читать ее, откровенно говоря, страшно. Потому что понимаешь: процесс становления казачьего движения уже закончился, начинается самый ответственный этап — этап политического самоопределения. Что ни говори, а не может такая масса людей быть безыдейной и служить аморфному «государству». С кем они будут, казаки? С демократами или с обществом «Память»? «Казачьи ведомости» кричат, вопиют — с «Памятью», с «Памятью!» Открытым текстом об этом, естественно, не говорится. Но каждая строчка свидетельствует — с черными рубашками, с черными!

Не может не смущать и позиция, занятая казаками по отношению к Приднестровью и к положению в других «горячих точках», где сейчас льется русская кровь. Безапелляционность суждений, агрессивность и не слишком-то развитая саморефлексия — все это может привести в конце концов к серьезным столкновениям как на национальной, так и на идеологической почве.

Есть два варианта: или газета «Казачьи ведомости» врет, или казаки на самом деле не отдают себе отчета в том, что было и что есть. Обращение «К казакам великой России» открывает нам глаза на прошлое страны. По мнению Совета атаманов Союза казаков, «великая Россия» славилась не только своими землями «от Днестра до Курильских островов», но и «мощной бескризисной экономикой». На этой — опять-таки агрессивной — ностальгии и строится вся система политических привязанностей и антипатий казаков.

Лично у меня нет никаких сомнений в том, что казачеством кто-то управляет и кто-то просит (или заставляет?) их ехать в Москву и патрулировать старушек или ехать в Приднестровье и сражаться с профессиональной армией. Кто? Вопрос не риторический, вопрос к правительственной комиссии по делам казачества и конкретно — к ее председателю Сергею Шахраю, которому, надеюсь, хватит мужества беспристрастно и смело разобраться в этой немислимой круговерти. Беспристрастно, смело и — быстро. Время в данном случае не ждет, ведь на карту поставлена стабильность в России.

Воронеж

Н.ГОЛУБЕВА

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **73746**
"Столица" (индекс издания)
 (наименование издания) Количество комплектов:
 на 19 _____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

 Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)
 Кому _____
 (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
 ПВ место ли-тер на газету журнал **73746**
"Столица" (индекс издания)
 (наименование издания)

Стои-мость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	руб.	коп.	

 на 19 _____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

 Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)
 Кому _____
 (фамилия, инициалы)

**Открыта
подписка
на журнал
«Столица»
на 1993 год!**

Подписка принимается
во всех отделениях связи.

Стоимость подписки,
объявленная
редакцией,

на три месяца —
91 рубль,

на шесть месяцев —
182 рубля.

Местные отделения связи имеют
право увеличить эту сумму

**Как и в прошлом
году,
для подписчиков
«Столицы»
редакция
приготовила
большое
количество
призов.**

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона.
В первом номере «Столицы» за 1993 год
будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

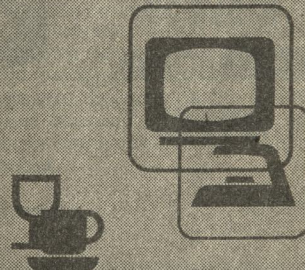
Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлению квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Холодильники, телевизоры,
часы женские и мужские,
электрические самовары,
электробритвы,
платки пуховые,
конфетницы хрустальные,
наборы (скатерть и
салфетки), матрешки,
термометры комнатные,
изделия из Хохломы,
альбомы для
фотографий,
нож и открывалка
«Хохлома»,
денежные призы —
все это
вы можете выиграть,
отправив по адресу
редакции правильно
заполненный
КУПОН ЛОТЕРЕИ.

Акционерное общество

«ОРГКОМИТЕТ»

продает:

Квартиры, секции, подъезды в собственность юридических лиц

- Тружеников переулок
- Митино
- Северное Бутово
- Кантемировская ул.

Частные квартиры в собственность юридических лиц и граждан в районах Москвы и Московской области за рубли и СКВ

Квартиры для инвестора в долевом финансировании работ по реконструкции 5-этажного кирпичного дома (ул. Боевская, д. 1, стр.1)

2-этажные коттеджи:

- Ногинский р-н Московской обл. (40 км от Москвы)
- Дмитровское шоссе (3 км от Москвы)
- Минское шоссе (40 км от Москвы)

Дачи

Товары народного потребления:

- средства вычислительной техники
- радиопереговорные устройства
- электронные программируемые и радиоуправляемые игры
- пульт дистанционного управления телевизорами всех отечественных марок
- изделия швейного производства (спецтехнологическая одежда для чистых производств кл. 10; 10а)
- женская и медицинская одежда

Аренда биржевого зала для проведения торгов в Торговом Доме АО «Оргкомитет» (пл. Журавлева, 1, м. «Электрозаводская»)

**Контактные телефоны: 964-19-55, 964-19-56,
964-19-57,
факс 964-19-66**

У меня зазвонил телефон. «Кто говорит?» — спрашивают на том конце провода знакомым и печальным голосом, в котором угадываю бывшего соседа по дикому сочинскому пляжу. «Не узнаешь», — отвечаю, — буду богатым, хотя они тоже плачут». «Тебе смешно, — жалуются в трубке, — а мне совсем не весело. Прощаюсь я, потому и звоню. Уезжаю в Грецию. Навсегда». «А почему в Гре-

цию?» — спрашиваю. «А там все есть», — отвечает приятель. «Гм, — говорю я, — а мне кажется, что и в Москве все есть». «Да ну, — разоча-

**— Это очень просто. Позвони по телефону
964-19-55; 964-19-56; 964-19-57 или приходи
сразу по адресу:
ул. Герцена, д.12.**

рованно произносит он, — до этого еще так далеко».

— А чего тебе, собственно, нужно? — уточняю на всякий случай.

— Да много чего, — отвечает. — Например, квартиру, дачу, гараж... Помещение под офис...

— Так ведь за этим дело не станет, — подбадриваю я его. — Считай, что все это у тебя уже есть. Кстати, можно добавить еще и аренду биржевого зала. Можно прямо сейчас начать подыскивать для тебя оптимальные варианты. Между прочим, даже если ты все равно не передумаешь и поедешь в Грецию или еще какую границу, наш соучредитель, Инкомбанк, откроет тебе счет за рубежом и переведет туда твои сбережения. Я ведь теперь работаю в «Оргкомитете».

— Так называется твоя фирма?

— Да.

— Слушай! А можно у вас продать что-нибудь из недвижимости?

— Конечно!

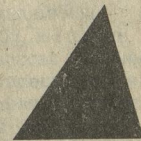
— А стать вашим инвестором?

— Ради бога! Мы сейчас строим кирпичный завод в Калужской области — можешь войти в долю. Или заняться вместе с нами строительством коттеджей в Подмосковье. Или выпускать товары народного потребления на наших производственных площадях. Кстати, вложив деньги в наши акции, ты получишь 20 процентов годовых и право на льготы на наших аукционах.

— Если ты добавишь, что ваш «Оргкомитет» хорошо известен и за рубежом, то я, пожалуй, останусь здесь и начну с вами совместное дело.

— Да «Оргкомитет» еще как знают! Только вчера нам звонили из «Файнэншл таймс» и просили проэкспертировать ситуацию на рынке недвижимости в Москве и России...

— Достаточно! Я немедленно сдам билет в Грецию, вылетаю к тебе, и мы срочно начинаем вместе работать! Как найти твой «Оргкомитет»?

«ЗАБАСТОВКИ — СТРАШНЕЕ ЭПИДЕМИЙ», —

считает министр здравоохранения России Андрей ВОРОБЬЕВ

— Андрей Иванович, как известно, весенние забастовки медиков приостановлены до осени и этим немного напоминают эпидемию гриппа. С гриппом худо-бедно бороться умеем. А как с забастовками?

— Забастовок, как таковых, и не было: ни в одном регионе России отказов в медицинской помощи не зарегистрировано. Прошли акты протеста. Я солидарен с требованиями медиков — повысить заработную плату и улучшить финансирование отрасли, однако добиваться этого надо не забастовками, как пытались профсоюзные лидеры, а более разумными и более гуманными по отношению к пациентам средствами.

— Какими же?

— Мы вошли с предложением — направить в здравоохранение одиннадцать процентов средств из пенсионного фонда, ту его часть, которая выведена из оборота и не приносит дохода. Пока встретили со стороны правительства поддержку, хотя у нас есть и оппоненты.

— Что они предлагают?

— Повысить зарплату и снизить налоги. Очень оригинальные требования! Хотя всем известно, что зарплату определяет не министерство, а местные администрации. Правительство устанавливает только минимальную зарплату. В нынешних условиях увеличивать зарплату, не поднимая производства, значит наращивать инфляцию. Разве профсоюзы, агитировавшие врачей бастовать, пеклись о здоровье народа. Да нет: они стояли на страже своих интересов, нарочь забыв, что даже в самые смутные времена в России никогда не было забастовок медиков. И врачи не поддались на провокацион-

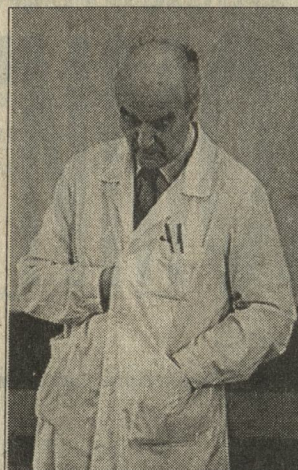
ные призывы, не приняли участия в столь недостойной акции. Низкий поклон им за это!

— Тем не менее, Андрей Иванович, в последнее время как-то все реже хочется кланяться нашей системе здравоохранения, ибо при болезни все чаще приходится доставать кошелек. Недавно одна газета опубликовала пятизначные цены на некоторые медицинские услуги. С моих знакомых затребовали 17 тысяч за операцию на почках... Мы что — уже начали необъявленный переход к платной медицине?

— Никаких ценников в медицине быть не может: здравоохранение по-прежнему находится на бюджете. Но сейчас, когда разбалансирована экономика, медицинские учреждения вправе обращаться за помощью к предприятиям — ну не хватает денег! Ведь и в самом здравоохранении цены возросли в десятки раз, буквально на все — даже на перевязочный материал. Что говорить о дорогостоящих операциях? Например, трансплантация костного мозга стоит сегодня 750—900 тысяч. В бюджете клиник, которые делают подобные операции, таких денег, разумеется, нет. Но люди-то нуждаются в лечении!..

— Но где взять миллион рядовому больному?

— Предполагается создать фонд федерального финансирования всех дорогостоящих программ. Наше предложение уже нашло поддержку в правительстве. Все

виды трансплантаций, нейрохирургия, операции на сердце, сосудах и некоторые другие будут оплачиваться по факту из этого фонда.

— Пока этот вопрос будет решен на деле, можно умереть... Болезнь не станет ждать указа президента.

— Вновь повторю: брать деньги с пациента недопустимо! Не может быть никаких условий: я тебе произведу резекцию желудка, а ты мне заплати такую-то сумму. Это нарушение Конституции. А указ президента, надеюсь, выйдет очень скоро.

— С января будущего года, когда мы перейдем к медицинскому страхованию, у нас, видимо, появится больше возможностей следить за своим здоровьем?

— Многим кажется, что с 1 января начнется новая жизнь. Это наивно. Нет еще страховых компаний, главного звена в цепи мероприятий, которые создадут систему социального страхования. Поэтому давайте не загадывать сейчас и не тешить себя надеждами, что в будущем году все трудности окажутся позади и средств станет больше, чем надо. В здравоохранении, наверное, как ни в одной другой бюджетной сфере, сделать что-либо бесплатно невозможно; здоровье стоит дорого. Хорошо, если мы научимся ценить его даже без медицинской страховки.

Интервью взяла Л.СТРЫЖАК

ХРОНИКА

Об одном из самых «бурных» за последнее время заседаний правительства рассказал на своей пресс-конференции министр экономики Андрей Нечаев. Заседание было посвящено скандальной телеграмме и.о. председателя Центробанка Геращенко. Хотя позиции среди министров и вице-премьеров разделились, все же большинство «экономических» членов кабинета пришло к выводу, что банк должен дезавуировать свою телеграмму в части дополнительной кредитной эмиссии при кредитовании погрязших в долгах госпредприятий. Банк на словах согласился, но... так ничего и не дезавуировал. «Мы с Егором Тимуровичем и с Шохиним будем требовать от Геращенко выполнения решения правительства», — пообещал журналистам министр экономики.

Еще один «горячий» вопрос, обсуждавшийся на прошлой неделе правительством, — экономические взаимоотношения с «ближним зарубежьем». Дело в том, что бывшие союзные республики должны России за поставленную ею продукцию несколько сотен миллиардов рублей. Многие республики произвольно, в одностороннем порядке, зачастую во много десятков раз завысили цены на ту продукцию, которую они поставляют в Россию. На такую, к примеру, как хлопок. «При цене 200 тысяч рублей за тонну хлопка, — сказал Нечаев, — наши текстильные предприятия оказались просто в параличе».

Как избавиться от паралича? Правительство решило: «перейдем с этими республиками на бартер, т.е. на натурообмен, но... по мировым ценам. Например, они нам 10 тонн хлопка, мы им — 3 тонны нефти».

Кто от этого бартера окажется в параличе — посмотрим...

ДЕЛОВАЯ МЫСЛЬ БЬЕТСЯ.

КАК РЫБА ОБ ЛЕД

Раньше как бывало: спросишь у армянского радио, что такое бизнес порусски, а тебе разъясняют — спереть ящик водки, продать, а деньги пропить. Любил народ над собой посмеяться.

Нынче времечко другое. Русский бизнес хотя и бывает довольно анекдотичен, но в сборниках анекдотов, которые продаются в подземных переходах, над ним уже не иронизируют. Зато о всевозможных его новшествах наперебой общаются различные информационные агентства. И тут есть над чем повеселиться.

В Краснодаре, к примеру, организовали лотерею «Метеолото». Местное акционерное общество «Концерн «Курорт» предлагает синоптикам-дилетантам купить за пятерку бланк и вписать в него данные о грядущей температуре, осадках и облачности. Сдал прогноз в киоск «Спортлото», угадал три раза подряд — сможешь принять участие в борьбе за бесплатную путевку в санаторий или пансионат.

А Госстрах Беларуси готов теперь платить даже за царапины. Три процента страховки вам выложат на территории этого государства даже за небольшие травмы. Если не «повезло» крупному — обошлось без переломов, достаточно утром принести справку из поликлиники, а после обеда получить денежки. И никаких, замечу, комиссий.

Конечно, рядом с грандиозными коммерческими проектами РЭМа и ему подобных — все это мелочь. Но ведь

деловая мысль бьется и на бытовом уровне! Каждый, оказывается, может, если захочет. Одна из жительниц Уфы разводит в квартире гусей на продажу. Рядом с ее пятиэтажкой нет пастбищ, поэтому выводит она свое стадо на просшую бурьяном поляну позади горсовета. Депутаты не возмущаются. Хоть гусь свинье не товарищ, но с яблоками запекается хорошо.

Новорожденный бизнес так и норовит нам подставить плечо, оградить от трудностей, которые мы сами же и создаем. У земляков прославленного Левши не болит голова с разменом пятидесятых купюр. На тульском рынке за бумажку без профилей Ильича дадут много других, но с его портретом. Сервис обходится в 400 рублей.

Делают деньги в нашем бизнесе и на самих бизнесменах. Четырех коммерсантов «надула» пенсионерка из Челябинской области. Под предлогом продажи своего дома, выселяться из которого она и не собиралась, пенсионерка облегчила на 100 тысяч рублей карман директора малого предприятия «Стек».

Под конец — положительный пример из «деловой жизни» России. Казанский школьник Андрей Барсуков стал первым брокером на новой школьной бирже. Ее организовала местная «взрослая» биржа — Волго-Камская. Новое поколение выбирает не только «Пепси», но и бизнес.

Александр АГОПОВ

ЦИТАТА

Л. ГОНЧАРЕНКО
Москва

Предлагаю ввести налог на экологию. Главная суть этого налога — человечество должно делиться прибылью от хозяйственной деятельности с природой, благодаря которой оно и существует. Это справедливо. Причем налог этот должен взиматься со всех предприятий, независимо от формы деятельности. Сумма налога должна быть дифференцированной, но не более того. Завод по выпуску чугуна, естественно, будет платить больше, чем прачечная. А если кто-то считает, что велосипед является экологически чистым транспортом, то пусть посмотрит, из чего сделан этот самый велосипед и его каучуковые шины. Этим «велосипедным» воздухом мы тоже дышим. Не хочу замариваться на ООН, но в конечном итоге налог на экологию должен быть принят всеми странами — членами этой организации.

Рис. А. Зайца

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ОТПРАВЛЯЯСЬ НА ОХОТУ В РОССИЮ, НЕ ЗАБУДЬ УНИТАЗ!

Тридцать охотников из США, Англии, Германии и Японии решили осенью поохотиться на востоке России. Разумеется — с комфортом. Производственное объединение «Камчатпромохота» готово принять выгодных клиентов. Но, как говорится, на свои силы надейся, а с иностранцами не оплошай! Сервис для привыкших к удобствам гостей решено возложить на американскую фирму «Балчук». Именно она обеспечит любителей дичи всем необходимым: палатками, спальными мешками и даже компактной сантехникой. Этот груз уже доставлен с Аляски на Камчатку.

НЕХОРОШО ЭКОНОМИТЬ НА ГОСТЯХ!

Десять швейцарских студентов, которые слушают лекции в Саратове и изучают работу здешних предприятий, не подозревают о проблемах, которые возникли у принявших их семей. Дело в том, что российская фирма «Бонус», организовавшая совместно со швейцарскими партнерами обмен студентами, пообещала хозяевам оплатить проживание из расчета 1000 рублей в день. Но решила сэкономить 150 тысяч рублей и... не дала ни копейки. Недовольным хозяевам веселые ребята из «Бонуса» разъяснили, что договор об оплате с ними никто не подписывал, а слова — они и есть слова.

ПРИВАТИЗАЦИЯ К ПРАЗДНИКУ

1 сентября будет праздноваться первая годовщина независимости Узбекистана. Президент республики решил — самое время к этой дате что-нибудь приватизировать. Передать, например, жилье в частную собственность. Но только — творческим и медицинским работникам. В соответствии с высочайшим указом, тому, кто заботится о народном здравии или думает над жизнью, в разных формах безвозмездно передаются в собственность занимаемые ими квартиры государственного или ведомственного жилого фонда. Им же в первую очередь выделяются земельные участки для индивидуального строительства.

«ОРЛЯТА» УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ. ЧЕРЕЗ ЛА-МАНШ

Нижегородские оборонные предприятия все активнее выходят на международный рынок. По сообщениям западных средств массовой информации, в мае было подписано англороссийское соглашение о создании флотилии «Аква-танов», представляющей собой гибрид морского и воздушного лайнеров. Нижегородскому уху более привычно другое название «Экраноплан». С легкой руки американских военных он именовался «морским чудовищем Каспия», кодовые же советские разработки назывались «Проект КМ» и «Орленок».

Юрий ВОРОНИН:

Концепция Гайдара противоречит моим убеждениям

Юрий ВОРОНИН — родился в 1939 году. Народный депутат России. В прошлом — зампред Совмина Татарии и председатель Госплана республики, затем член Верховного Совета России, председатель Комиссии Совета Республики ВС РФ по бюджету, планам, налогам и ценам. На пятом съезде народных депутатов России избран заместителем председателя ВС РФ по социально-экономической политике. Это из справки. Этапы же «большого депутатского пути» таковы. Давний член депутатской фракции «Коммунисты России», участник ее акций, среди которых — нашедшая чекистская кампания начала 1991 года по дискредитации тогдашнего, силаевского, правительства — «Дело о 140 миллиардах». В одном из аналитических материалов читаем: «Шитое белыми нитками «дело» раскручивает бывший зампредсовмина Татарии Ю.Воронин. Он же передает И.Силаеву ультиматум Старой площади: уйти в отставку...». Журнал «Столица», не разделяя позиции Юрия Воронина, решил дать ему возможность высказаться, ибо с позицией заместителя председателя Верховного Совета РФ связаны сегодня многие изменения, происходящие и в правительстве, и в экономике.

— Юрий Михайлович, у избирателя складывается одно впечатление о работе парламента: народные избранники только и делают, что борются с правительством и президентом. Такой взгляд — ошибочный?

— Не совсем. Кризис во взаимоотношениях парламента, правительства и президента — налицо. Но в чем его причина? На мой взгляд, формирование президентской структуры было преждевременным. Что мы имеем сегодня? Верховный Совет, правительство, президент. Есть, конечно, определенные трения, по большей части — естественные, между парламентом и правительством. Но прибавились и новые — между президентским аппаратом и ВС, а еще и между президентским аппаратом и правительством. Таким образом, мы с вами, введя институт президентства, значительно увеличили объем противоречий внутри властных структур.

— Как, по-вашему, преодолеть взаимное непонимание между исполнительной и законодательной властью?

— Надо вернуться к конституционности Верховного Совета, чтобы ВС рассматривал и утверждал состав правительства. Сегодня мы еще не доросли до такого цивилизованного состояния, когда взаимоотношения между ВС и правительством регламентировались бы.

— Прямой вопрос — нынешнее правительство способно справиться с ситуацией в России?

— Думаю — нет. Моя позиция однознач-

на: сегодня правительство утратило управляемость экономикой.

— В выступлениях на 6-м съезде вы сказали: «Мы «дорыночилились» до того, что сегодня правительство не управляет народным хозяйством». Что вы имели в виду? Нам еще рано переходить к рынку?

— Не в этом дело. Гайдар и его коллеги в основу реформ заложили слишком быстрый переход к рыночным отношениям. Без учета специфики России. Ведь у нас 95 процентов всей промышленности — государственная собственность! Причем крупная. Значит, этой собственностью надо по-хозяйски управлять, нельзя бросать ее на произвол рынка. Кстати, это прекрасно поняли специалисты американского Гуверовского института, советники нашего Высшего экономического совета, которые написали в своем заключении по российской реформе: «В России и других социалистических странах с большим государственным сектором в производстве проходит реформа, приспособленная только для стран с малым государственным сектором...». Нельзя слепо переносить на нашу почву западные идеи.

Мы, конечно, нуждаемся в западных кредитах, но использовать их эффективно пока не научились. Ни одна страна в мире не выбиралась еще из кризиса без расчета на собственные силы. Надо заставить работать наш хозяйственный механизм. Для него и создавать благоприятные условия в первую очередь! На пер-

вый план тут выходит налоговая система. А мы налогами поставили предпринимателей и заводчан в такие условия, что им выгодно... вообще не платить налогов! А значит, государственный бюджет не имеет поступлений, на которые правительство рассчитывало. Стало быть, неоткуда ждать помощи и населению.

— А как вы оцениваете социальную ситуацию сегодня?

— Пружина социального напряжения сжата до предела. Почему она еще не сорвалась? На то несколько причин: лето, хорошая погода, люди пока еще кое-как могут сами себя подкормить на своих участках, огородах и садиках. Вы ведь знаете, что многие директора заводов выдали примерно одну треть зарплаты своим работникам и — отпустили всех их в административные отпуска: пусть трудятся на тех самых огородах... Но вот наступит сентябрь, начнется школьный период, люди будут вынуждены возвращаться в города и покупать продукты... Словом, грядет очень опасный период! Мы должны за это время решить проблему неплатежей между предприятиями. Нужны срочные государственные вливания...

— Но это же приведет к дополнительному росту инфляции, и тогда вся форма — под угрозой?

— Я, конечно, понимаю позицию Гайдара: любые правительственные денежные вливания в каналы обращения приведут к росту зарплаты, росту цен, а значит, и к еще одному витку инфляции, но... Знаете, здесь надо выбирать, что нам выгоднее: либо мы полностью развалю экономику и приведем страну к мощнейшему социальному взрыву, либо мы немножко отпустим, так сказать, тормоза...

— Разве правительство не делает таких шагов уже сейчас?

— Да, но потеряно почти два месяца! Ведь совместное постановление правительства и Президиума ВС РФ о расчетах в народном хозяйстве подписано еще 4 июня!

— Как же, по-вашему, поступить с правительством, которое не умеет управлять?

— Ну... я бы так резко не ставил вопрос. Некоторыми кадровыми изменениями — введением в состав правительства зампредов-промышленников — президент улучшил управленческую структуру правительства. Я знаю, что сегодня очень активно работает по своему направлению Георгий Хижа, имеющий громадный опыт руководства таким промышленным гигантом, как объединение «Светлана» в Санкт-Петербурге. Я ведь старый управленец и легко нахожу общий язык и с Хижой, и с Черномырдиным.

— Быть может, это язык прежних, административных методов руководства, присущих директорам «оборонки»?

— А что такое «оборонка»? Возьмите то же объединение «Светлана»: из общего объема его производства не менее 70

процентов составляли товары народного потребления. И какие! Сегодня же «оборонкой» никто в России не занимается! Идет стихийный процесс: крутитесь, «оборонщики», как хотите... Мы при этом теряем гигантский потенциал!

Вот я недавно был в Америке, смотрел там конвертируемые заводы. Представьте: американцам иногда выгоднее какое-то время платить зарплату рабочим тех предприятий, которые ничего не выпускают, нежели плодить безработных. Они заключают договор о переориентации этих бывших военных заводов на выпуск другой продукции и назначают сроки, за пределом которых уже начинаются жесткие экономические санкции. То есть всем этим необходимо заниматься.

Весь мир торгует оружием, почему же Россия должна от этого отказываться? А мы этот канал совершенно упустили... Происходят удивительные вещи: китайцы построили у себя завод, выпускающий... автоматы Калашникова! Один к одному. И теперь вытесняют с рынка нас...

— Судя по вашим словам, наше правительство не способно кардинально изменить ситуацию. А какое правительство способно?

— Одно я знаю точно — это должно быть правительство народного доверия. А ведь, говоря откровенно, Гайдару-то пока не верят... И самое главное — новое правительство должно быть значительно сильнее, мощнее, профессиональнее, чем в сила команда Бориса Николаевича. В том числе — сильнее его самого. Если же он вместе со своим окружением будет по-прежнему давить правительство, а члены кабинета — каждый раз удивляться появлению очередного, неведомого для них, указа президента — такое правительство не сможет полноценно работать. Кроме того, это должно быть правительство, тесно сотрудничающее с ВС, с депутатами. Не так уж это сложно — Силаев же приходил в ВС, и ничего.

— А толку-то? Чего добились правительство Силаева? Где оно сейчас?..

— Главный недостаток Силаева был в том, что он сел не в свои сани. Он не понимал механизма перехода к рынку, а тем не менее взялся проводить реформу. А это оказалось ему не по плечу.

— А если бы вам, Юрий Михайлович, сегодня предложили управлять экономикой, перейдя в команду Гайдара — скажем, на должность вице-преьера, — вы бы согласились?

— Нет, я бы туда не пошел.

— Отчего же?

— А потому, что гайдаровская концепция реформ противоречит моим убеждениям. Как я могу выполнять совместные решения, если они идут вразрез с моими принципами?

— Кто же, на ваш взгляд, мог бы возглавить новое правительство доверия? Имеются такие?

— Почему ж нет... Не назову кого-то од-

ного, но скажу — выбрать есть из кого. Тот же Хижа, неужели не справится? Или Скоков, сильный, опытный руководитель промышленник. Или Юрий Петров, руководитель президентской администрации, на которого столько бочек накатили. А все из-за чего? Партократ, дескать, из старых кадров. Но мы ведь все оттуда, из той жизни, не с луны же свалились! А вообще-то я убежден: чтоб человеку стать первым руководителем, ему надо обязательно пройти школу зама.

— Да, была такая практика в партийных органах, в номенклатуре. Называлась — резерв на выдвижение...

— А что? Неплохая практика, я вам скажу. Очень даже себя оправдывала. Молодые этого недопонимают. Вот мы вместо Матюхина поставили сейчас Геращенко, бывшего председателя Госбанка СССР. Старый, как говорится, кадр, но — какой же он великодушный профессионал! Матюхину, при всех его знаниях и высокой квалификации, не хватало организаторских способностей, а Геращенко — ну сразу видно, что он блестящий руководитель. Конечно, смену готовить надо. Потому мы и предложили Борису Федорову (бывшему министру финансов в кабинете Силаева) стать заместителем Геращенко. И что же вы думаете? Отказался Федоров! И зря — сперва надо поработать заместителем, почерпнуть опыта.

— Следуя вашей, Юрий Михайлович, логике, скажу: вы сейчас набираетесь опыта у первого руководителя парламента, в должности его зама. Планируете стать первым? Ваша кандидатура ведь была в списке, когда год назад выбирали спикера...

— Но вы же помните, я тогда сам и снял ее. А зачем мне это? Нет, я на своем месте.

От редакции:

А спустя день после этой беседы стало известно о знаменитой телеграмме нового главного банкира Геращенко: приказ «списать» все долги госпредприятиям (см. предыдущий номер «Столицы»). Вдохновителем этой странной акции был, оказывается, Юрий Воронин.

— Ничего странного для Воронина в этом нет, — реагирует председатель подкомитета по приватизации ВС РФ, член парламентской Коалиции реформ Петр Филиппов. — Позиция его давно известна — защитить оптом все сословие директоров: и тех, кто заботится о конкурентоспособности своих предприятий, и тех, кто переводит дорогое сырье на выпуск никому не нужной продукции. Сознательно или по недомыслию эти люди толкают Россию в объятия диктатуры? Не столь важно. Главное — результат.

Помните слова Ю.Воронина «нужны срочные государственные вливания»? Вот и влили нам с вами...

Григорий КРОШИН

Андрей ГОЛУБОВ

ПОЛЬША: ТРЕТИЙ ГОД БОРЬБЫ ЗА СВЕТЛОЕ РЫНОЧНОЕ БУДУЩЕЕ

Польская экономическая реформа на два с лишним года старше нашей отечественной «шоковой терапии». Менялись правительства, страна пережила попытку сменить курс, но — переломила себя и продолжает путь в рынок. Мы, россияне, вместо того чтобы учиться на ошибках своих бывших друзей по «соцлагу», эти ошибки во многом, увы, повторяем. Поэтому нам вдвойне интересно — как живут поляки сегодня. Ведь это один из вариантов, как будем мы сами жить завтра...

С Анджеем Пруженеком мы познакомились на огромной «толкучке» за спорткомплексом «Олимпийский». В Польше я не был давно и потому обрадовался возможности поговорить с простым поляком — не с послом, не с дипломатом или журналистом, а именно с нормальным польским обывателем. Анджею — тридцать два года, он из Гданьска.

— Анджей, что дала тебе, молодому человеку, экономическая реформа?

— Реформа многое дает, но и многое отбирает. Важно соотношение — чего больше? Главное — определить для себя, стоит ли игра свеч.

— Так стоит или нет, по-твоему?

— Пожалуй — да. Что я потерял? Прежде всего, еще до начала реформы, кучу нервов и здоровья. Пустые магазины, толпы людей в очередях, небольшая зарплата, на которую надо прокормить семью. Потом, с приходом «рынка», я лишился работы. Сперва решил — это конец. Но очень быстро

пришло понимание, что приобрел я нечто гораздо большее — ощущение свободы. Первые месяцы новой жизни научили: чтобы выжить, надо «шевелиться». Никто ничего за тебя не сделает: ни правительство, ни президент. Чтобы не просто выжить, а жить хорошо, придется крутиться, как волчок. Вот и кручусь. Сегодня у меня есть свое дело. Я не спекулянт, хотя начинал именно со скупки и перепродажи. Живу я лучше многих, но многих и хуже — то есть нормально. Есть квартира, две машины, есть где отдохнуть.

Как и Анджей, миллионы поляков сегодня «крутятся». В чем причина такого положения? Чтобы лучше разобраться, вернемся на год-другой назад.

В 1989 году полки продуктовых магазинов в Польше были пусты, в магазинах выстраивались огромные очереди, гиперинфляция превышала 2000 процентов. Под руководством западных экономистов (один из которых — Джеффри Сакс из Гарвардского университета — сегодня консультирует команду Ельцина) польское правительство приняло решение, что единственный выход из тупика для страны — «шоковая терапия».

Власти, по образному выражению Сакса, «отрубили кошке хвост практически одним ударом». Государство отказалось от контроля над ценами, заморозило зарплату. За 12 месяцев 90 процентов розничной торговли перешло в частные руки. Остановился печатный станок. В условиях полного контроля над эмиссией и высоких процентных ставок золотого по вкладкам по сравнению с долларом он превратился в твердую внутренне-конвертируемую валюту. Частные фирмы росли как грибы. Первый финансо-

вый год «терапии» правительство «солидарности» во главе с Мазовецким закончило с положительным сальдо в бюджете в размере 5 миллиардов долларов. Эффект «плана Бальцеровича» казался очевидным — за несколько месяцев «рассосались» очереди, на прилавках магазинов обнаружались добротные товары — зарубежного, в основном, производства.

Поляки гордились достигнутыми успехами и высказывались за переход на чисто капиталистический путь развития. Обществом овладела одна, но пламенная страсть — как бы побольше и побыстрее заработать. Однако эйфория от мгновенного изобилия скоро же и прошла: выяснилось, что среднему человеку это изобилие не по карману.

Сегодня дела в польской экономике идут совсем не так гладко, как это задумывалось правительством. На текущий год запланирован дефицит в бюджете в размере 68 триллионов злотых. Спад производства за два с лишним года реформ достиг 40 процентов. Госсектор, выпускающий около 75 процентов промышленной продукции, без финансовых вливаний стал резко сбавлять обороты. Не спасает положения даже ежегодный 20-процентный рост производства в частном секторе — доля производимой им продукции пока невелика. Все это — макроэкономика, за которой — судьбы простых поляков, на чьи плечи легло основное бремя реформы.

Только в июне нынешнего года общее количество безработных увеличилось на 68 тысяч. Армия «лишних» людей вскоре станет трехмиллионной. Причем более половины ее составляет молодежь в возрасте от 18 до 34 лет. Иными словами, каждый

восьмой поляк сегодня — безработный. От людей сегодня избавляются даже частные фирмы, которые в здоровой экономике ведут себя совсем иначе, разрастаются и создают новые рабочие места. Средняя зарплата поляка — около двух миллионов злотых, что при нынешнем курсе 16 000 злотых к доллару равняется приблизительно ста долларам. При этом средняя квартплата — 85 долларов. Постоянно растут цены как на товары и продукты, так и на услуги.

Примерно каждый четвертый поляк проживает сегодня за чертой бедности. Многие отказывают себе в высококачественных продуктах, обуви, одежде, экономят на отдыхе, развлечениях и культуре.

Если цены растут, то расходы на социальные программы резко сокращаются. По восходящей идет и расслоение на бедных и богатых, и вопиющее неравенство уже никому не кажется достижением прогресса. Польская пресса до недавнего времени активно воспевала новую касту людей, зарабатывающих и расходующих десятки и даже сотни миллионов в месяц. Принято было считать, что при наличии инициативы и хватки можно очень быстро сколотить состояние. Каким путем — вопрос второстепенный. (В докладе об итогах прошлого года правительство признало, что в стране набирает силу организованная преступность, множатся ряды контрабандистов, фальшивомонетчиков и мошенников.)

Поляки все туже затягивают пояс, но и требуют от правительства решительных действий по защите их интересов. Только в прошлом году в Польше прошло 305 забастовок, 13 из которых — на частных предприятиях.

По словам Анджея, потерявшего работу около года назад, эффекта от забастовок — никакого. Чего можно добиться от меняющихся по два раза в году правительств, ни одно из которых не представляет себе четкого и ясного пути выхода из кризиса. Об этом же говорит и английская «Файнэншл таймс»: «Поляки сыты по горло пустыми обещаниями. Среди населения царит разочарование. Подавляющее большинство (90 процентов) выступает за «сильную руку». Главная беда Польши — в отсутствии реального центра власти: того, кто взял бы на себя всю ответственность за судьбу реформ, кто бы понятно объяснил народу стоимость и блага преобразований».

Популярность президента, героя 80-х, Леха Валенсы, в последнее время близка к нулю. Как утверждает Анджей, людям надоело слушать «бредни» некомпетентного в экономике человека — такие, как недав-

ний президентский проект-утопия о выдаче каждому поляку беспроцентного кредита в 10 тысяч долларов для участия в приватизации.

Тут, пожалуй, самое время задаться вопросом: а созрело ли польское общество для рыночных отношений? Уверен, полтора-два года назад любой поляк ответил бы однозначно — «Да!» А сегодня?

Весной этого года издающийся в Варшаве еженедельник «Спотkania» провел «круглый стол» ученых-экономистов на тему «Восприимчиво ли польское общество к реформам?».

Участники обсуждения сошлись во мнении, что польское общество еще не созрело для перехода к нормальному рынку. Обоснования этого тезиса для нас, россиян, особенно любопытны: «лопнул миф о том, что прежняя система была навязана обществу силой; о том, что после снятия идеологической оболочки с системы общество сразу же становится более современным и совершенным. Не воспринимая систему на уровне общих деклараций, люди отлично приспособились к ней, выработав свои правила игры и отработав определенный круг интересов...» Мы привыкли к социализму, он стал «нашим»...

...Многие поляки не хотят, не могут или не умеют быть такими людьми, из которых складывается капиталистическое общество. Ценности реального социализма оказались куда прочнее, чем их институциональное оформление. Другое дело, что социальный уровень жизни был низким, работа оплачивалась плохо, существовали привилегированные слои, вращавшиеся вокруг и внутри костяка правящей элиты.

По заявлению одного из участников обсуждения, бывшего министра труда Яцека Куроня, «полякам не присущи такие ценности полноценной рыночной системы, как добросовестная работа, самостоятельность, здоровое соперничество. По части спекуляции поляки — великие мастера, но вот производить, что-то создавать — к сожалению, нет».

О той же «польской» специфике написал и польский еженедельник «Впрост»: да, пришли времена, когда поляки могут что-то сами для себя сделать, к примеру, взять кредит на модернизацию предприятия или хозяйства или хотя бы пойти на избирательный участок, дабы выбрать, кто ими будет управлять. Однако до настоящей свободы и самостоятельности им далеко. В случае неудачи люди снимают с себя ответственность, забывая, что сами же избрали ту или иную власть. Или, что еще хуже, опять ищут виноватых — как правило, среди бывших коммунистов. В поля-

ках, утверждает «Впрост», еще «сидит» коммунистический человек, мешающий здраво разобраться в ситуации, тормозящий продвижение к рынку.

Когда я спросил Анджея, что он думает по поводу польского «коммунизма в крови», он улыбнулся: «Конечно, говорить, что такого нет — неправда. Но активных и деловых поляков становится все больше, даже после такого спада, как в конце 91-го...»

Основания для оптимистического взгляда на «польский вариант» действительно есть. «Файнэншл таймс», скажем, абсолютно убеждена, что Польша остается стабильной, стратегически надежной и решительно проевропейской страной. При всех неурядицах и лишениях большинство поляков радуются-таки собственной обретенной свободе. К тому же они понимают, что живут несоизмеримо благополучнее, чем их соседи в бывшем Советском Союзе или Югославии.

В опубликованном на прошлой неделе докладе авторитетного Венского института сравнительного анализа мировой экономики отмечаются «первые признаки конца спада» в Польше, предсказывается «незначительное, но все же оздоровление экономики» уже с будущего года. Дан и прогноз, весьма окрыляющий всех, кто сегодня — на пути в рынок: при благоприятных условиях Польша вместе с Венгрией и Чехо-Словакией смогут достичь среднего западноевропейского уровня из расчета ВВП на душу населения к 2010 году. Авторы доклада, правда, сомневаются, что при нынешнем положении вещей надеждам этих стран, и Польши прежде всего, на вступление в «Общий рынок» к 2000 году суждено сбыться. Новому польскому правительству премьеры Ханны Сухоцкой, которая назвала первоочередной задачей кабинета восстановление взаимного доверия между властями и населением, есть над чем подумать.

Время романтиков — крушителей старого мира для Польши безвозвратно ушло. Настал черед тридцатилетних реалистов-строителей. Может быть, даже таких «волчков», как Анджей, — уверенных в себе, в собственных силах, не рассчитывающих на помощь со стороны...

РЕФОРМЫ ПО ТИПУ «ГЛУБОКОГО, ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ОТДЫХА?»

Опыт беспредметного комментария

Мне порою кажется, что основной помехой для реформаторов являемся мы, граждане. Не будь нас, начинания реализовались бы много успешнее. Сейчас правительство озабочено не нами, а некими монетаристскими методами. Их внедрение будто бы идет успешно, по плану. Приятно иметь дело с подготовленной командой, которая все спрогнозировала заранее: и бешеный рост свободных цен предвидела, и нехватку наличности. Единственно, что волнует: что еще такого предвидит правительство, к чему следовало бы загодя готовиться?

Правительство, однако, помалкивает, не желает раскрывать тайн либеральной идеологии.

Осмелюсь высказать по поводу реформ и я некоторые соображения. Четким индикатором экономики на Западе является возможность завести дело: если она есть — то все в порядке, если деловая активность снизилась — следует бить тревогу. Нет оснований считать, что у нас все должно обстоять иначе. Будут граждане работать — проживем, нет — то никакой стабилизации экономики не будет ни через год, ни через два.

И еще одна примета здоровой экономики: низкие цены на средства производства, высокие — на недвижимость. Кризис заставляет переструктурировать все звенья экономической жизни: недвижимость идет порой за бесценок (не до накоплений), цена на средства производства взвинчивается, деловая активность падает. И вот здесь-то у нас опять все наоборот. Кризис налицо, недвижимость идет по каким-то запредельным ценам, а рынка средств производства попросту нет. Это означает, что деньги устремляются не в производство, а в потребление или накопление. Они там спасаются от инфляции.

Раз так, задача правительства должна состоять в приобщении всех

к делу. Однако в нем все больше распространяется идеология, по которой оно не обязано этим заниматься. Вы, граждане, свободны, уверяет правительство, крепостное право закончилось — обогащайтесь! Это лицемерие подкрепляется примерами удачливых предпринимателей, у которых не было ни гроша да вдруг алтын. Нечего и говорить, что владельцев алтынов мало настолько, что их количество не идет ни в какое сравнение с бесребрениками.

Представляется, что сами реформаторы перестали верить в успех дела, а реформы ассоциируются исключительно с неприятностями — будет хуже! Но почему же «хуже»? Полученная собственность сможет в этот кризисный период обеспечить выживание. Странно, что пока не делается ни малейших попыток обеспечить для этого хотя бы минимум предпосылок.

Предположим, съезд народных депутатов одобрит систему частной собственности на землю — вот будет ужас! Вообразите, безземельный и безлошадный читатель, что у вас появился земельный надел. Ведь вам захочется соорудить на нем хотя бы избушку на курьих ножках. Но это — несбыточная мечта. Я уж не говорю о других причудах (провести водопровод, газ, электричество). По ночам вам будет сниться мини-трактор. Без всего этого землица будет долго восприниматься вами общенародной собственностью. Готово ли государство помочь вам в обустройстве хозяйства? Нет. Оно вообще не занято вами, ведь вы теперь свободны...

Приобщение граждан к собственности требует колоссальной организационной работы. Нельзя надеяться на расторопность граждан, которые смогут самостоятельно открыть дело. Ведь у нас нет рынка средств производства. Предположим, вам захотелось открыть какое-либо полезное предприятие, например, кофейню. На

этом ваша инициатива должна тут же угаснуть. Либо вы должны быть невероятно настойчивы, с помощью изнурительной борьбы и раздачи взяток (директору гастронома — за то, чтобы получить списанную кофеварку, префектуре — за то, что будет найдено место для предприятия, далее — за пожарную безопасность, за подключение к водопроводному крану, за экологию, за сангигиену и еще черт знает за что). Обычный гражданин преодолеть этих препятствий не в силах, не думаю, что их преодолел бы и какой-то особенный западный бизнесмен. Да еще и безумные налоги. (За что? Ведь государство не собирается вам помогать!)

Все это означает только одно: государство и по сей день не желает, чтобы граждане что-то делали, оно намерено и впредь нас кормить, поить и воспитывать. «Отдыхай!» — умоляет телевидение.

Федеральная служба занятости России готовит программу на случай достойной встречи грядущей безработицы. Я не сомневаюсь, что в ней будет все что угодно, только не предоставление возможности для людей открыть свое дело. А как было бы славно, если бы те миллиарды долларов, которые пообещали России, пустить на закупку средств производства (т.е. средств выживания), которых в избытке на Западе. Но купят не то, что надо купить.

Даже намеченная приватизация носит какой-то жуликоватый характер. «Боны», «приватизационные чеки», «ваучеры»* — позволяют ли они гражданам начать работать? Если нет, то такую приватизационную программу ожидает печальный финал.

Виктор КОПИН

*«Как, вы не знаете, что такое «ваучеры», — удивился телеэкономист. — «Ваучер» — это вексель, не подлежащий продаже».

Novoye Russkoye Slovo

«Бизнес (англ. BUSINESS) — дело, занятие, являющееся источником наживы.»

Советский энциклопедический словарь
(изд. «Советская энциклопедия», 1980 год.)

Новое русское слово — **БИЗНЕС** — это **Информация, Выбор, Успех!..**

Крупнейшая русскоязычная газета Запада «**НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО**», издающаяся в Нью-Йорке с 1910 года, заявляет: **У нас есть место для вашей рекламы!**

Мы выходим ежедневно в США, Канаде, Германии, Израиле и еще сорока странах. Аудитория — около миллиона человек. Вы можете выбрать партнера.

Мы желаем вам успеха!

И помните: в Америке не спрашивают — в Америке предлагают.

Телефоны наших агентств в Москве:

255-6010,

254-2272;

для частных объявлений

255-6008;

телефакс

973-2020

В России мы работаем за рубли!

КАК ДЗЕРЖИНСКИЙ «БОЖЬЮ МАТЕРЬ» ОТКОПАЛ

Мы идем по улице — а на нас глядят невидимые заштукатуренные лики. Недавно два отчистили на ГУМе. Совершенно неожиданно.

Судьба ГУМа красива. В прошлом веке стояли на этом месте полусгнившие, рассыпающиеся торговые ряды. И купцы, их наполнявшие, мешали властям строить новые — не хотели покидать руины, ссылаясь «на права собственности». Пришлось применить силу. И сто лет назад, в 1893 году, по проекту архитектора Алексея Померанцева выстроили Верхние торговые ряды, нынешний ГУМ.

К ГУМу подбирались. Прочищали пути. Сломали Казанский собор, отодвинули Мясницкую, Пожарского... По сталинскому плану реконструкции Москвы 1935 года его сбивала широченная магистраль «север—юг». В 1947 году, когда обсуждалось место для памятника Победы, Алексей Викторович Щусев настаивал на том, что:

«ГУМ мешает Красной площади. Это такое неприятное пятно, которое мешало

площади и до революции... она его мешают, форма их мешает, они не масштабные».

«Если пойти на ликвидацию первой части ГУМа, — вторил Аркадий Григорьевич Мордвинов, — это может случиться интересно...»

В 1953 году, когда появилось постановление: «...Соорудить в Москве монументальное здание — Пантеон — памятник вечной славы великих людей Советской страны», опять же остановились на носе ГУМа — «центральное место по отношению ряда радиальных магистралей города».

В 1918 году сюда въехали различные учреждения, но в 1921-м вдруг возник первый советский универмаг. В тридцатые годы он снова исчез, уступив место конторам — пока не умер Сталин. В восьмидесятые романтически настроенная часть интеллигенции предлагала откопать в бывших торговых рядах картинную галерею.

Но ГУМ оказался живуч.

До революции на нем висело множество икон. Их почему-то не стали сковыривать, а просто замазали штукатуркой. И реставраторы из МП «Эллинг» (руководитель — Владислав Феликсович Дзержинский, дальний родственник железного Феликса)

случайно обнаружили лики Казанской Божией Матери (напротив Казанского собора) и святого Николая (напротив Никольских торговых рядов). Кстати, одну из икон загоразивала советская символика — знак «Крепи оборону страны» (его планируют теперь передать в Музей истории Москвы). А что делать со святыми — неизвестно. Пока они, все еще заляпанные раствором, лежат в маленьком помещении под гумовским отделением милиции. Туда давно уже нужно поставить емкость с водой, чтобы иконы не погби, говорят специалисты, но никому недосуг.

И неясно, что вероятнее: вернутся они на фасады, отправятся в мрачный музейный запасник, уедут на чью-нибудь дачу или же просто развалятся — и их выкинут как мусор.

Алексей МИТРОФАНОВ

«НО ЛЕНСКИЙ, НЕ ИМЕВ КОНЕЧНО ОХОТЫ УЗЫ БРАКА НЕСТЬ...»

«Евгений Онегин» А.С.Пушкина — безусловно, выдающееся произведение. Не зря, наверное, Петр Ильич Чайковский в свое время обратился к этому роману и написал соответствующую оперу.

В настоящее время в Челябинском театре оперы и балета имени М.И.Глинки идут репетиции «Онегина», постановку осуществляет талантливый режиссер театра А.О.Степанюк.

Из театральных кругов стало известно, что, судя по репетициям, у режиссера доминирует своя, оригинальная трактовка произведения, отличная от всех предыдущих. Главным пунктом в опере (по Степанюку) является вот что: Ленский на самом деле любил Онегина и вызвал его на дуэль, потому что ревновал к Ольге. Ленский был гомосексуален и, как свойственно тонкой натуре «голубого», не мог перенести коварной измены Евгения...

В прошлом сезоне А.О.Степанюк сделал замечательную постановку «Сам-

сон и Далила», сюжет которой был взят из Ветхого Завета. Эта первая и единственная пока в СНГ постановка привлекла на просмотр невообразимое количество евреев. Опера «Евгений Онегин» в октябре открывает новый сезон. И, по всей видимости, на нее съедутся представители определенного сексуального меньшинства со всего Уральского региона.

Степанюку свойственно драматизировать производство, добавляя пластики в игру актеров. Поэтому ожидается, что весь партер будет залит кристально голубыми слезами.

Виктор ЗОЛОТУХИН

ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ПОЛУЧАЮТ КОРОЧКИ. ЛИМОННЫЕ

Интеграция Казани в лоно мировой цивилизации идет во всех направлениях, в том числе и в гастрономическом. Недавно здесь было открыто отделение Всемирного общества любителей чая с лимоном. Непременной частью заседаний является чаепитие с экзотическим цитрусовым. А при отсутствии оно сойдут и лимонные корочки.

В лучших салонных традициях казанские любители чая обязаны явиться на randevu в костюме хотя бы с одной деталью желтого, а еще лучше — лимонного цвета. При этом засчитываются носовые платки и шнурки на кроссовках.

Казанское отделение планирует наладить дружеские контакты с одноименными обществами СНГ и особенно — с лимонопроизводящими странами, надеясь на лимоно-гуманитарную помощь. Если она подоспеет вовремя, тусоваться можно будет чаще: ведь главное препятствие встречам — непомерно высокая цена южного плода.

Элла РЫЛОВА

КАЖДОМУ ХУТОРУ — «ЭКСЧЕЙНДЖ ОФФИС»

После принятия решения о введении собственных региональных денег — они же «ефимки», они же облигации областного займа (об этом мы сообщали в № 29) — депутаты Нижегородского облсовета не успокоились: они подготовили проект решения «Об использовании свободно конвертируемой валюты в качестве платежного средства на территории Нижегородской области». Члены рабочей группы считают, что валюта в отличие от «ефимок» не будет обесцениваться и народ ее непременно полюбит. Вместо долларов можно использовать и дойчмарки. По некоторым сведениям, «Дойчбанк», в принципе, готов их продать области. Нужно только «обменять» пять миллиардов безналичных рублей (сумма

областной задолженности по выплате зарплаты) на 50 миллионов наличных марок.

Однако сторонники «областных денег» рассудили по-своему и объявили, что использование СКВ срывает проведение «областного займа» (кстати, инициатор нижегородского займа — Григорий Явлинский). Позиция Явлинского проста: «Я русский человек и не хочу, чтобы в России ходили доллары и марки». Так что, похоже, дефицит рублей в Нижегородской области будет компенсирован только печатанием «своих» денег. А пока районы области всюду вводят «районную валюту» — Сосновский район, например, уже приступил к печатанию 25-рублевых «сосновок».

Андрей СМЕРНОВ
(«ИА ПАС»)

С КОГО СНИМАТЬ ПРОДАЖНЫЕ ШКУРЫ?

Тихая Обоянь в шоке. Республиканский арбитражный суд обязал администрацию района выплатить одной из югославских фирм более миллиона долларов.

Через «Агропромэкспорт» агропромышленному объединению «Обоянское» был навязан договор, по которому югославы должны были внедрить в районе современную технологию по возделыванию сахарной свеклы, а российские колхозники им за это обязаны были поставлять шкуры животных, забитых на местном мясокомбинате. Современная технология, кстати, урожайность повысила не особо, но шкуры с обоянских буренок и овец сдирались исправно. А потом вдруг обнаружилось — в районе мало скота. И надо еще поставить 250 тонн шкур.

Суд не внял объяснениям, что из районной администрации никто отношения к договору не имел. Отдайте, говорят, миллион — и все. Обоянцы подали в суд на югославы — мы, мол, тоже не лыком шиты. Кое-что отсудили — смогли «урезать» долг до 569 тысяч «зеленых». Но колхозы валюту не куют. Перевели эту сумму на родимые рубли, вышло 48 миллионов, а это чуть ли не весь годовой доход района. Районная администрация пытается доказать, что во всем виноват «Агропромэкспорт» и некоторые другие уже умершие к настоящему времени конторы. Но — тщетно! С «тех» руководителей шкуру снять никак невозможно-с.

После такой «шоковой терапии» обоянцы успокоились — платить-то все равно нечем. Даже решили, что все оно и к лучшему: будут иностранцы знать, с кем связываться...

Роман ГАВРИЛОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Б оже мой, ведь если вдуматься, какой же я счастливый человек! В чем я только не жил! И в полном социализме, и при мрачном тоталитаризме, и в разваливающейся демократии. А еще в СССР, в СНГ и в РФ. И в братском союзе народов жил, и в имперской тюрьме этих же самых народов довелось проживать. А какое светлое будущее мне было уготовано! На выбор — и коммунизм, и капитализм и просто вхождение в мировое содружество. А какие люди — заметьте, все мои современники! — вели меня в это будущее: Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин. И где я только не побывал за это время — аж в четырнадцать зарубежных (ныне) странах плюс Болгария. И при этом я — не Вечный Жид. Это — я, Петечка. И мне еще нет сорока.

Помню, как страстно желал, чтобы кто-нибудь — ну, кто-нибудь! — однажды бы вышел и сказал всем этим стар-

Петр СМЕРНОВ

СБЫЛИСЬ МЕЧТЫ...

перам, дремавшим в президиумах очередного исторического съезда, всю правду-матку и про них, и про их систему. Вышли, сказали, разрушили до основания и на обломках самовластья возникли новые имена. Но что мне Гекуба? А как хотелось свободы, митингов, баррикад, и чтобы я в первых шеренгах борцов, и чтобы ветер в лицо. Но ни у «Белого дома», ни в Останкине меня не было: то отпуск, знаете ли, то дел невпроворот.

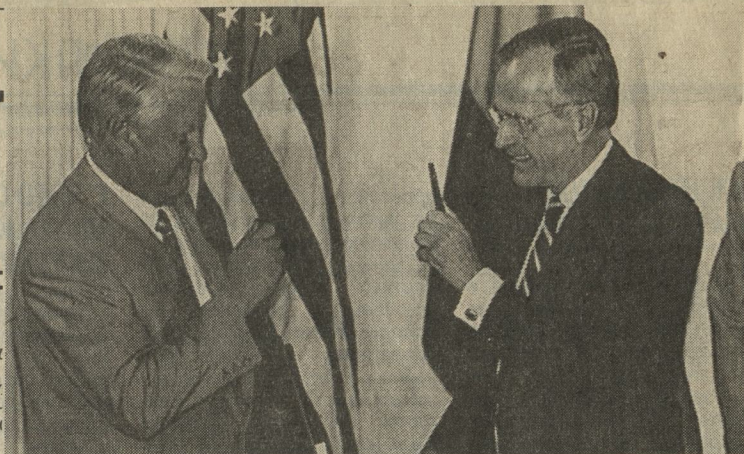
А какие мечты были... Книжки, например, чтобы читать, а не доставать, самые разные: и те, которые давали конспиративно на ночь, и фан-

тастику свою любимую, англо-американскую, которую знал только по критическим разгромным статьям. И вот они на прилавках, в ярких суперах, на каждом шагу. Но почему же я тогда, оглядывая их мельком, прохожу мимо? А кино? Прорывы на закрытые просмотры, фестивальная суета. Где они? Недавно остановился у киноафиши и насчитал... два отечественных фильма — остальное сплошь любимое «тлетворное влияние Запада». Но в кинотеатре за последние три года был, помнится, раза два, а может, один.

И должность хорошая, признаюсь, в мечтах залетал

и выше, но хорошая, и с главным редактором на «ты». Но главный редактор, как говорят в народе, он и в Африке главный, и с этим не поспоришь... Зато о такой зарплате даже не мечтал. Рублей 500—600 — это было, не скрою. Сейчас получаю в десять раз больше. Старик, подбрось пару сотен до полочки! И в магазинах — не в «Березке!» — в любой палатке есть все и без очереди. И джинсы, и кроссовки, и водка таких сортов, о существовании которых и не подозревал. О баночном пиве просто молчу. Интересно, каково оно на вкус? Эх, жаль не успел отец обучить меня самогонварению, но зато достались по наследству его еще крепкие полуботинки. Очень они мне пригодятся осенью...

Ну что тут еще сказать? Впрочем, это очень точно сформулировал еще тов. Бендер задолго до меня — «сбылась мечта идиота». Но я и сегодня с ним полностью согласен.

Mr. GEORGE BUSH
PRESIDENT OF
STATES OF AMERICA

Washington, D.C.

ПРЕЗИДЕНТУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЕЛЬЦИНУ БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ

МОСКВА

Esteemed Mr. President!

Allow me to express sincere gratitude for your invaluable contribution strengthening peace in our common home - the Earth.

The joint efforts, which you apply together with the President of Russia are aimed at removing the threat of nuclear catastrophe. These feelings of deepest respect with millions of people in all countries.

Prosperity of states is possible only in the conditions of peaceful human lives are not dominated by the yoke of nuclear threat, while spiritual, scientific and economic potentials of nations and peoples only if there is a harmonious combination of personal interests and world community on the whole.

A Russian firm "GREGORY", stationed in Moscow, guided by a worthy contribution to the cause of strengthening peace, is asking President of Russian Federation to participate in a joint action.

We propose to You to make a symbolic payment to "GREGORY" company to insure Mr. Boris Nikolaevitch Yeltsin against a situation, impossible for him to carry out the duties of the President of Russia to deterioration of his health condition if the Treaty on strategic signed in Washington in June, 1992, is not ratified by the Supreme Federation.

A similar request to participate in the action has been sent to President Federation Boris Nikolaevitch Yeltsin.

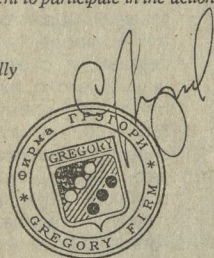
All necessary documents have been drawn up in accordance with juridical regulations.

The notification by "GREGORY-TASS" on the symbolic insurance confirm the consent to participate in the action proposed.

Respectfully

S. Loukman
Director General

Moscow
July, 16, 1992

Уважаемый Господин Президент!

Позвольте выразить Вам глубокую признательность за неоценимый вклад в дело укрепления мира в нашем общем доме - Планете Земля.

Ваши совместные с Президентом Соединенных Штатов Америки усилия, направленные на устранение опасности возникновения мировой ядерной катастрофы, вызывают чувство глубочайшего уважения у миллионов людей во всех странах.

Процветание государств возможно только в условиях мирного сотрудничества, когда над жизнью людей не довлеет гнет ядерной угрозы, а раскрытие духовного, научного и экономического потенциала наций и народов немислимо без гармоничного сочетания интересов личности и мирового сообщества в целом.

Фирма "ГРЕГОРИ" (Москва, Российская Федерация), руководствуясь стремлением внести посильный вклад в дело укрепления мира, приглашает Вас и Президента Соединенных Штатов Америки к участию в совместной акции.

Предлагаем Вам сделать символический взнос в страховую компанию "ГРЕГОРИ-ТАСС", чтобы застраховать Господина Джорджа Буша от невозможности выполнения обязанностей Президента Соединенных Штатов Америки по причине ухудшения здоровья, вызванного нератификацией Конгрессом Соединенных Штатов договора об ограничении стратегических вооружений, подписанного в Вашингтоне в июне 1992 года.

Аналогичное приглашение к участию в этой акции направлено Президенту Соединенных Штатов Америки Господину Джорджу Бушу.

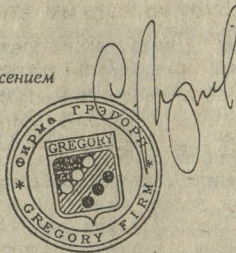
Все необходимые документы оформлены в соответствии со страховыми и юридическими нормами.

Уведомление "ГРЕГОРИ-ТАСС" о символическом страховом взносе будет подтверждением согласия с предлагаемой акцией.

С глубоким уважением

Генеральный директор
С. Лукманов

Москва
16 июля 1992 года

В РОЛИ СТРАХОВАТЕЛЕЙ — ПРЕЗИДЕНТЫ

Когда в июне 1992 года в Вашингтоне президентами России и США был подписан договор об ограничении стратегических вооружений, у человечества появилась надежда на то, что ядерная катастрофа не произойдет. Но парламентами государств договор пока не ратифицирован.

Для привлечения внимания общественности к необходимости скорейшего разрешения этой острой проблемы фирма «ГРЕГОРИ» предложила президентам двух стран провести совместную акцию. Борису Ельцину и Джорджу Бушу предложено застраховать друг друга в страховой компании «ГРЕГОРИ-ТАСС» от невозможности выполнения обязанностей президента страны по причине ухудшения здоровья, вызванного нератификацией парламентом этого договора. Для этого президентам достаточно прислать в «ГРЕГОРИ-ТАСС» уведомление о

внесении символического страхового взноса. Размер взноса при этом значения не имеет — пусть он будет минимальным. Главное, чтобы президенты согласились принять участие в предлагаемой акции.

Каждый из президентов будет застрахован на 10 миллионов рублей — то есть практически на половину уставного фонда страховой компании. Так что «ГРЕГОРИ-ТАСС» вкладывает деньги не только в коммерческие проекты, но и в дело укрепления мира на планете.

Обращения к президентам и пакеты страховых документов 17 июля были направлены в посольство США в Москве и в канцелярию Кремля. Теперь фирма «ГРЕГОРИ» ждет отклика на свое предложение. И хочется верить, что отклик будет.

ЧЕЛОВЕКА УБИЛИ

Елена САЛИНА
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

Мерзкое чувство: я знаю, что будет завтра. Странный гибрид почти мистического ужаса и осточертевшего прагматизма: я знаю, что мы встретимся. С женщиной, с мужчиной, возможно (упаси Бог!), с ребенком. Я знаю, что ЭТО случится, а они — нет, и поэтому мы встретимся.

Сейчас я встану, я побегу, я буду кричать им, чтоб спрятались подальше, закрыли все двери (и лучше подпереть чем-нибудь тяжелым) и носу не смели высунуть ровно сутки, с девяти до девяти.

Но я не знаю ни дома, ни улицы, я пока не видела их лиц и дьявольских хитросплетений на их ладонях. Мне не одолеть в одиночку судьбы, мои веки тяжелеют, будильник разбудит меня завтра ровно в семь... И я опоздаю.

Без пяти девять встречаемся с фотокорреспондентом у ворот Петровки, 38. Я делюсь своими ночными кошмарами, а у него — то же самое.

Наша цель — обычное суточное дежурство вместе со следственно-оперативной группой, которая выезжает только на самые тяжкие преступления. С полным веером статей УК разберутся на местах, терпящим бедствие помогут (если успеют) другие. Но все убийства и изнасилования, случившиеся в городе «де-факто», — наши.

Мы не ищем «жареного», не собираем «клубничку» и не из породы некрофилов. Пусть сутки пройдут впустую, за чашкой кофе в закутке гостепри-

имного доктора Ирины. Тогда мы сфотографируем довольные, выпавшие физиономии дежурной бригады и напишем: «Сегодняшние сутки прошли в Москве спокойно», — и то будет главной сенсацией. Но мы не придумываем жизнь.

Страшный рекорд текущего лета — 13 трупов (в сутки, в сутки! — не в месяц). Накануне, в воскресенье, выезжали 6 раз. Сегодня понедельник, по логике, день тихий, когда все уже выпили, выяснили, отлюбили и отненавидели. Но (где бы искать логику) моло-

дой, длинноволосый (встретишь на улице — ни за что не догадаешься) следователь прокуратуры протягивает руку: «Всеволод». И говорит: «Поехали. Уже есть».

Ленинградский проспект, почти центр. В метре от проезжей части лежит средних лет мужчина с благообразной, вьющейся кольцами бородой, в темном костюме и довольно теплом плаще. Паспорт при нем — уже много, значит, личность установлена, год рождения — 1956.

Кто-то из прохожих позвонил в ми-

лицию в 7.40. Сейчас на часах 9.30. Я сначала удивлялась неизменным двум часам, разделявшим нас по времени с первым сообщением о происшествии. Потом мне объяснили: по звонку выезжают местные сотрудники, и только если предполагают криминал, вызывают группу с Петровки.

Одет мужчина довольно опрятно, хотя уныло и в самое дешевое. На шее, на двух потертых веревочках, крестик и образок. Плащ смотрится странно в июльскую жару. Не ночевал дома? Бомж, который все свое носит на себе? Но прописка московская. Рядом короткий след волочения, как будто оттащили от дороги. Дорожно-транспортное происшествие? Выкинули из машины?

Следов насилия на теле нет. Только несколько маленьких ссадин на лице, образовавшихся, скорее всего, при падении. Ирина, наш судмедэксперт, выдает возможное время смерти — 3—4 часа назад. Следователь Сева пристроился на медицинском чемодане и строчит, строчит по бумаге: протокол осмотра, постановление об экспертизе и т.д.

Каждый проезжающий мимо троллейбус притормаживает, и возбужденные лица облепляют окна. Шизоидный мужик, рассекая периодически кучкующихся зевак, влетает на наш пятачок и, жадно вперившись в труп, каркает: «Задавили, гады! Задавили и бросили!» Мужика прогоняют, а мы собираем вещи и — в машину. Чтобы, не заезжая на базу, рвануть в другой конец Москвы.

Из «Журнала регистрации выездов следственной группы».

«3.07.92.

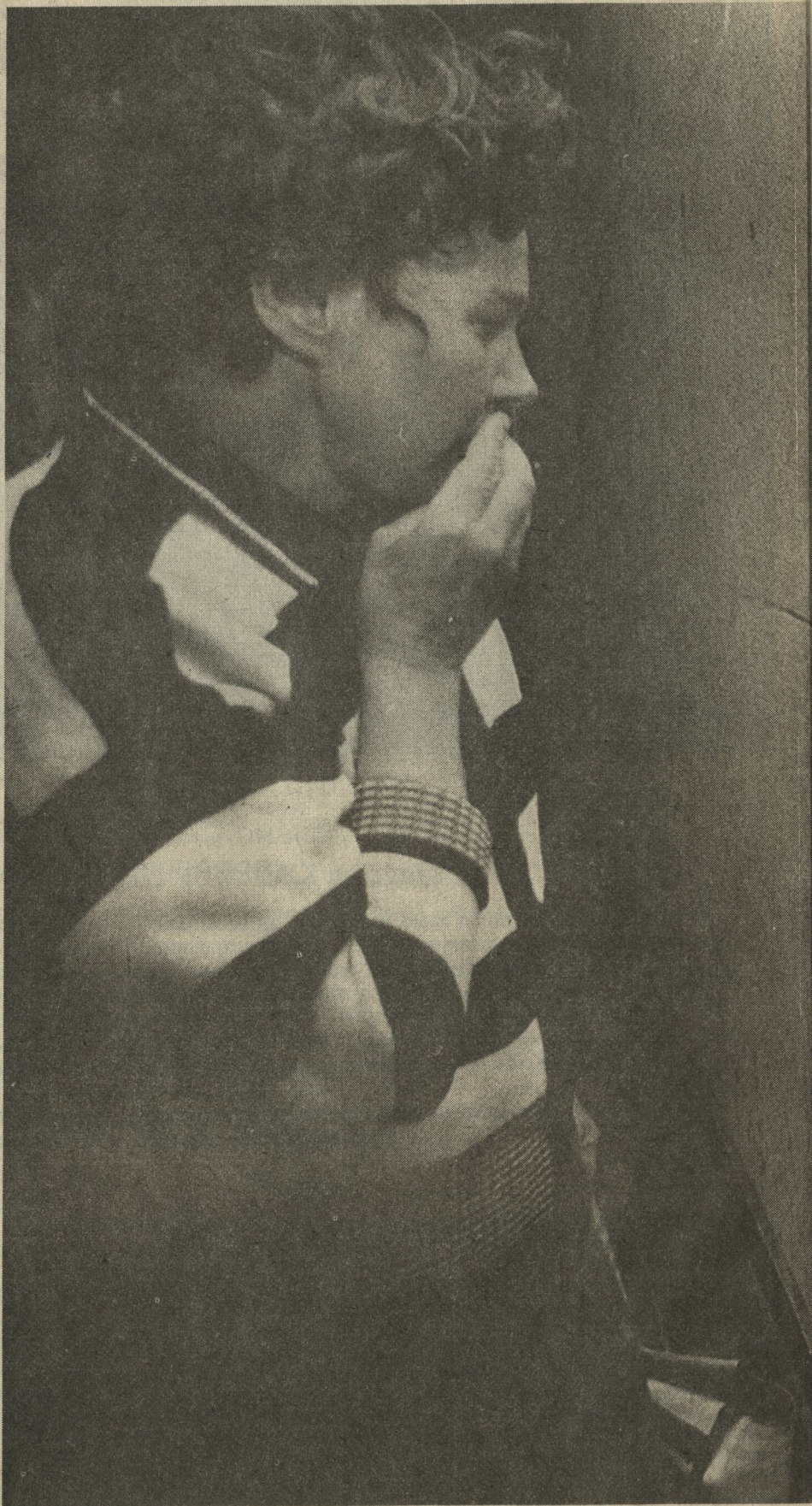
...19.30. Не заезжая на базу, ломанулись в Первомайский район, где какой-то козел из окна своей квартиры с третьего этажа выстрелом из охотничьего ружья убил участкового, а затем выстрелил из того же ружья себе в грудь. При этом пуля на выходе каким-то образом разнесла ему полголовы. Осмотр трупа, СМЭ (судмедэкспертиза). — Ред.)

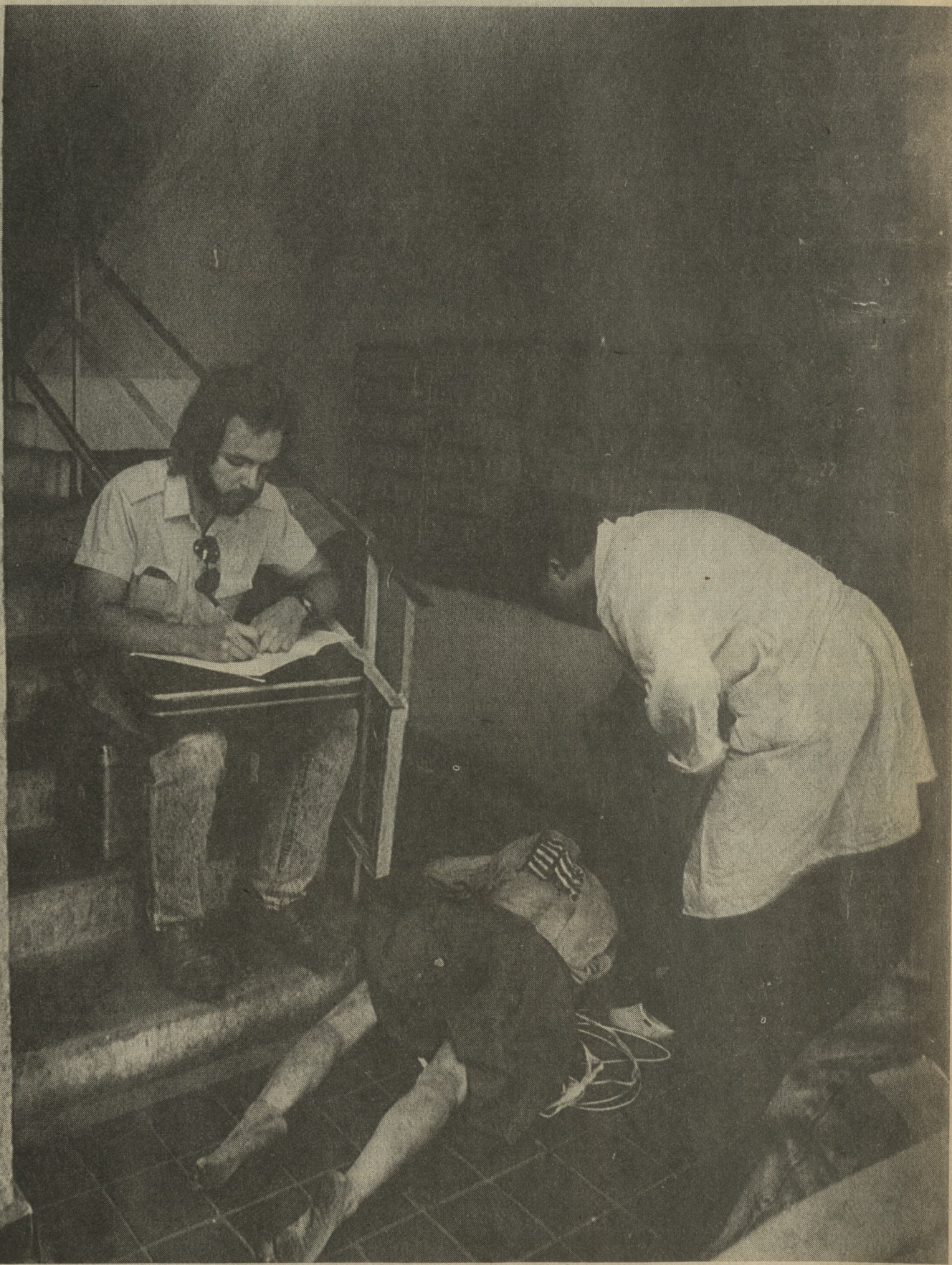
Первомайской конторы... забрал себе труп участкового и оъсмотр квартиры, за что выразили ему свою благодарность и...

22.00. ...вернулись на базу и больше вообще ни хрена не делали, только всю ночь подкармливали комаров.

4.07.92.

10.00. Выезд на Лосинный остров. Два трупа голых мужиков — мафия бессмертна. Осмотр, СМЭ. Оттуда в Свердловский район. Труп мужчины с ножевым ранением в грудь. От местных был сама прокурор. Как пояснил т. прокурор, следователей нет. Следователей нет!

16.30. Приехали на базу, так как у СМЭ сломался термометр. Успели кое-что засунуть в рот и — вперед. На берегу Яузы — кусок мяса. Эксперт сказал, что это торс женщины. Спасибо местному следователю, милой девушке, описала сама.

22.00. Солнцевский район. На улице... собаки откопали из земли труп новорожденного (сгнил). Осмотр трупа, СМЭ.

7.07.92.

16.30. Выезд на территорию Казанского вокзала. К работнику ГАИ обращается гражданин с сообщением, что его ограбили, и указывает, кто это сделал. Сотрудник ГАИ во исполнение служебного долга стал задерживать грабителей, которых оказалось 3—5 человек. Один из злодеев выразил явное неуважение к закону, за что и получил пулю в бок. После чего неожиданно скончался. Остальные злодеи, пользуясь возникшим душевным волнением работника милиции, разбежались. Милиция! Так держать!

К 19 часам вернулись на базу — и вовремя. Пора ужинать.

21.30. Выезд на территорию 67-й больницы. Как бы изнасилование, что, по моему мнению, под большим

вопросом. Но то, что ехать туда не стоило, — без вопросов. На базе в 23.00...»

Одиннадцать с небольшим, еще день только набирает обороты и входящее в раж солнце еще грозит несусветной жарой, а мы в Марьино, в рабочей глубинке. Первые жильцы бетонной семнадцатизэтажной махины, спустившись за почтой, обнаружили под лестницей в подъезде нечто, заставившее забыть о газетах. Это нечто извлекается сейчас на свет и оказывается обнаженной женщиной, за тридцать, изрядно потрепанной жизнью и так страшно с ней расставшейся. Тело едва прикрыто серой юбкой, во рту кляп из купальника. Предполагаемое время смерти — 12 часов назад. Сколько раз нам еще аукнется развеселое воскресенье?

Криминалист изучает бурные потеки на стенах. Пес Кинг, красавец и умница, тянет проводника вверх по лестнице и показывает пятна крови на промежуточных этажах. Похоже, убили в квартире и не потрудились даже оттащить подальше.

Дети, которых в изобилии у подъезда, щебечут как ни в чем не быва-

ло: «Да у нас тут все время когонибудь убивают». «Двадцатый труп с начала года», — вздыхает зам. по розыску местного отделения. А прокурор волнуется, глядя на мой блокнот: «Двадцатый — это неофициально. Официальных не двадцать. Зачем вы пишете?»

Жизнь продолжается.

Из «Журнала регистрации выездов следственной группы».

«8.07.92.

...20.30. Поехали в Бабушкинский район, где в четырехкомнатной квартире наткнулись на труп Н-вой с ножевым ранением, которую все упорно принимали за мужчину. И только высокий уровень профессионализма судебного медика позволил нам установить ее пол. Осмотрели, описали, назначили СМЭ.

1.00. Только заснули — опять выезд. В теплицу, где обнаружен труп нарождающегося бизнесмена с пулевым ранением в сердце. Облазили теплицу, огурцов и тому подобного не нашли. Пришлось с горя осмотреть труп. Помогли местные коллеги, честь им и хвала. После этого поехали в отделение милиции освидетельствовать убийц, одной из которых оказалась женщина. Женщину осматривали под звуки песен, которые пела в дупель пьяная бабулька-понятая. Ее с трудом оторвали от коммерческого ларька, где она в 4 часа ночи потягивала пиво.

9.07.92.

21.00. Выезд в Пролетарский район, на Нагатинскую набережную, где на причале лежит выловленный из реки кусок трупа — туловище без головы, рук и ног. Похоже, мужчина, по известным признакам (наверно, не успели отчленить). Плавал больше месяца, купался, а тут взяли и выловили. Висяк (нераскрытое преступление. — Ред.)!!! На обратном пути поговорил с американскими следователями-прокурорами. Поделился опытом и поехал на базу.

1.30. Выезд в Железнодорожный район, где освидетельствовали двух 9-летних мальчиков. Изнасилование. Злодея найти не удалось...»

Фотокорреспондент тщетно пытается поймать объективом милицейские и прокурорские лица. Их нет. Есть много людей вокруг, переходящих с места на место или стоящих поодаль, разгоняющих любопытствующую толпу или склонившихся над своими блокнотиками, лица которых ничего не выражают. Случайные прохожие — да. Ужас, любопытство, отвращение — полный спектр внутренних противоречий на показ. Лица сотрудников деловито

непроницаемы. Наверное, это нормально — они привыкли к конвейеру смертей, с жуткой методичностью перемалывающему людей на улицах города. Иначе можно сойти с ума, видя, как мать-наркоманка протягивает врачу посиневшее тельце ребенка, который грыз землю, чтобы хоть чуть-чуть унять голод. Можно начать без разбору палить в белый свет, только представив, что это твоя дочь возвращалась темным переулком и не дошла.

Лучше стать циником и посудачить, как водится, о маленькой зарплате, дорогом бензине и несваренных щах.

— Эй, местные! Есть кто-нибудь? Переверните труп.

— Нам за это не платят, — бурчат за спиной.

«Господа СМЭ! Экономьте перчатки!» Грозное предостережение под

бледные, холодные на ощупь на открытых участках тела, чуть теплые в подмышечных и паховых областях...» — и все.

Из «Журнала регистрации выездов следственной группы».

«10.07.92.

...20.30. Выезд на территорию Октябрьского района. Два трупа: пенсионерка ..., 1920 г.р., и ее дочь ..., 1946 г.р., инвалид 2-й группы, шизофрения. У матери повреждений не нашли, зато она изрядно подгнила. Дочка хорошо побита и покусана. Видимо, дня 2—3 назад между ними произошел конфликт с таким печальным концом...

С 9.00 14.07.92 по 9.00 15.07.92 писали, писали и писали...

16.07.02. Записывать ничего неохота, так как все равно это никому не нужно.

стеклом заставляя Ирину ловко управляться одной рукой. Вторая нахально засунута в карман старых джинсов. Чтобы не схватиться за что-нибудь ненароком.

...И все-таки их прорвало.

— Ого! — сразу два трупа на все той же, Богом проклятой, Нагатинской набережной. — Беспредел!

Два молодых, красивых, здоровых женских тела, еще четыре часа назад смеявшихся и любивших, а теперь застывших в нелепых позах, с одинаковыми странгуляционными бороздами вокруг шей.

...«Лицо овальное, брови дугобразные, средней толщины, радужка светло-серая, горизонтальная ямка на подбородке... кожные покровы

17.07.92.

13.55. Выехали в кинотеатр «Ладогу», что возле метро «Медведково». Там в простенке кинозала обнаружен гнилой труп голого мужика в носках. Обнаружен еще вчера по запаху. Сегодня ломали стену. Смогли достать. Кина не было!

19.07.92.

11.40. Поступило сообщение: в Сокольниках два трупа в квартире. Некто..., проживающий в коммунальной квартире с бабулей, лет 65, не вынес издевательств последней и решил все проблемы слесарным молотком (уточняя: по голове соседки). Написав 3 покаянные записки, аккуратно снял с потолка люстру и так же аккуратно повесил себя.

20.15. Смотрели телевизор, пока не последовал очередной звонок. Кто-то кого-то изнасиловал, поэтому медик уехала одна. Ждем ее с нетерпением...

Уже за полночь выезжаем на очередное происшествие. Знаем фавулу: местные оперативники брали с полицным группу вымогателей, 7 человек (у какой-то женщины требовали 70 тысяч). При задержании один из вымогателей, самый отчаянный, что ли, ударил ножом оперативника. Тот выстрелил в упор и убил. Раненого милиционера увезли в больницу, а нас теперь ждет труп вымогателя.

Шарахаясь в крошечной темноте из квартала в квартал, с трудом находим нужный дворик. Выходим из рафика и буквально слепнем в свете фар нескольких милицейских машин. В центре светового пятна, раскинув руки, лежит молодой, сильный, накачанный парень, а чуть дальше: впереди, и сзади, и сбоку — везде — колышется, ропщет глухо людская масса. Родственники, соседи, сочувствующие. Мы никого не видим — нас видят все, и ощущение не из приятных, как у плохих актеров, не вписывающихся на сцене в роль. Мимо то и дело шны-

ряют смурные личности, под стать убитому, в голос рыдают женщины, а сквозь шелест листьев явственно доносится: «Сволочи, менты! Человека убили!»

Сицилия. Парень родился, вырос, жил, общался, женился, пил, вымогал, в итоге погиб — и все здесь же, на площадке из четырех домов, в общем котле одинаковых страстей и страстишек. И что им та женщина с ее несчитанными тысячами. Что опер с его резанной рукой — сам нарвался. Но Вовчик, Серега или Васек, весь свой в доску, лежит сейчас посреди двора с простреленной головой...

От грехаподальше тело переносят в машину «Скорой помощи». Там светло и можно укрыться за матовым стеклом. А толпа теснее сжимается кольцом и стоит так до конца, молчаливо угрожающе.

И больше не буду ничего писать, потому что мрак и кошмар. 7 трупов выпали на наше дежурство — это были обычные городские сутки. Но если это норма, то до какого же исключения нам еще предстоит дожить?

Дорогие москвичи и гости столицы, мне вас очень жалко. Что же вы делаете с собой и с другими!

P.S. Через три дня я обзвонила отделения милиции, на территории которых мы побывали, чтобы узнать, как продвигаются расследования неочевидных убийств. И вот что узнала.

Смерть на Ленинградском проспекте оказалась несчастным случаем. Сердечная недостаточность на фоне сильного алкогольного опьянения. Мужчина с неделю не ночевал дома, бродяжничал, притормаживал религиозной литературой.

Преступление в Марьино еще не раскрыли. Женщина не местная, ее никто не опознал. Прорабатывается «квартирный вариант».

Личности молодых женщин с Нагатинской набережной установлены. Обе москвички, из рабочих семей, 19 и 24 года. Есть версии, есть надежда. Больше пока ничего не говорят.

И еще два трупа, которые мы осмотрели в ту ночь. В квартире, по всей видимости, серьезная ссора между гостем и хозяином. На пустыре — мужчина без брюк и ботинок — личность тоже не установлена.

Последнее. Если верить статистике, в Москве раскрывается в среднем лишь 60 процентов убийств.

Спокойной ночи.

С. Бор. Набережная.

Николай МАЛИНИН

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К СОСНАМ

Сентиментальное
путешествие
в Серебряный Бор

Так, но с чего же начать?

Если бы я был Львом Колодным (упаси, впрочем, Боже!), я бы начал так: «Тот Серебряный Бор, куда едут на пляж на троллейбусах, хорошо известен москвичам...»

Если б был пожилым Аксеновым — «косил» бы под Пушкина: «Под вечер того же дня многочисленные гости съезжались на дачу профессора Градова в Серебряном Бору...»

Ну а если бы очерк на эту тему писал лет эдак десять назад, тогда начинал бы так:

«Что такое Серебряный Бор?»

— Причал, — скажет вам загорелый речной волк.

— Конечная, — ответит разомлевший водитель троллейбуса.

— Пляж, — улыбнется девушка.

— Живу я здесь, голубчик, — тихо пробормочет бабушка с кошелкой.

А пьяница местный прохрипит:

— Ресторан, мля, пивнуха на Жукова!..»

Впрочем, это уже что-то уводящее в сторону, а к тому же непозволительно диссидентское для тех лет.

Да, а ученый-диссидентовед на ваш вопрос с толком и расстановкой ответит: «Серебряный Бор» — это цикл стихов Александра Галича...»

Выходила калитка в бескрайний простор,

Словно в звездное море,

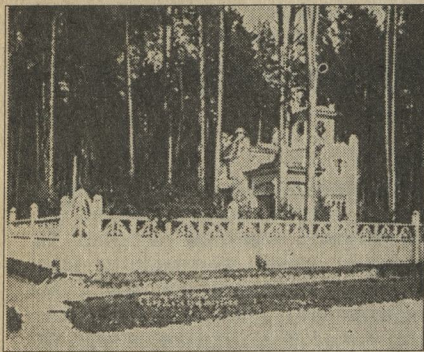
Я грущу по тебе, мой Серебряный Бор,

Здесь — в Серебряном Боре.

Если прищуриться — Бездонка похожа на бокал с вином, в котором торчат соломинки сосен. По захладелости на вкус напоминает рислинг. Небо припадает к соснам и томно потягивает божественный напиток, в коем плавают утки.

Утро растет в пруду подрагиванием опавших веток. Солнце водит охрой по соснам и ощупывает торчащие корни в поисках привала. Сосны чертят на песке технократические узоры, не знают трепета, не шепчут, не вздыхают.

Богу — богово, а Бору — борово. Бог предполагает, а Бор располагает. К себе, а также: готовиться к экзаменам под разбитым параличом деревом (по нему носятся белки, осыпая на осточертевшего Стейнбека шелуху лета); пить портвейн на полузатопленной лодке у крутого обрыва, тревожась лишь за то, чтоб не расплескалось; стоять на мостике, развалившись в седле велосипеда, и не знать, с чем сравнить амальгаму озера (знать бы еще, что такое «амальгама»); мчаться в сумерки по Таманской, обгонять стройных девчонок и, оборачиваясь, разочаровываться всякий раз; лежать в сочную

Дача проф. Голубова

рань на траве (пока, бессмертные на время, мы к лику сосен причтены) — и чтобы за стволами море мерещилось все время мне; пить чай под яблоней, и лишь бы ржавый перископ самовара тыкался в небо, и пейзаж дрожал сквозь горячий воздух, покидающий пузатое создание, и пепел из поддувала засыпал косхалву, Килиманджарой высыпущуюся в вазочке...

Бог его знает, почему — Серебряный. Будто бы императрица Екатерина Алексеевна, оглянувшись на сосны, навеки запорошенные таинственным серым налетом, молвила: «Это серебряный бор!» Еще говорят, что была здесь вотчина князя Серебряного. И что в Бездонке по сю пору покоятся несметные его богатства.

— Не знаю как насчет богатств князя Серебряного, — смеется Наталья Константиновна Петрова, обитательница и ревнительница Бора, — а вот ящик с коньяком там на дне лежит, это уж точно! Катались мы как-то шумной компанией на лодках, это еще до войны было, и вдруг кто-то заявляет, что Бездонное озеро — вовсе не бездонное! Патриоты Серебряного Бора возмутились и предложили обидчикам заклочиться. Пари состояло в том, чтобы имевшимся ящиком коньяка промерить глубину озера. И если ящик спокойно опускается на дно — серебряноборцы от своей доли отказываются. Ну, люди были широкие, веселые — стали мерять. Сколько потом ни шарили — ящика так и не нашли.

А серьезные люди уверяют, что когда-то здесь были копи по добыче серебра — отсюда и название. Еще известно, что в Бору гонял волка царь Алексей Михайлович; Николай же Карамзин «бродил уединенно по живописным окрестностям Москвы и думал с сожалением: «Какие места! и никто не наслаждается ими!». В XVII веке здесь были дворцовые конюшни, отчего пять недавно исчезнувших домиков до последнего дня носили имя «Конюшки», а обломки Конного двора, что за мостом направо, зачислены даже в памятники архитектуры. В прошлом веке тут размещался артиллерийский парк, стоял Фана-

горийский полк, а обывателей привозил извозчик. Конечная была там же, где сейчас — троллейбусная; уже тогда это место именовалось весьма оригинально — «круг».

Но самое славное время пришло сюда с началом века двадцатого:

— Здравствуйте, дачники, здравствуйте, дачники!

Поначалу дачами обстроилась нынешняя Таманская, а тогда Троицкое шоссе и Центральный просек. «...с обеих сторон Большой аллеи простирались участки новых громадных дач, и сосны, огороженные заборами, теперь скрипели под ветром и сочились смоляным духом в жару для кого-то персонально, вроде как музыканты, приглашенные играть на свадьбу. Ах, впрочем, все равно хорошо! ...Воздух над соснами, над заборами и просекой был ошеломительно чист, и чистота была такой силы, что могла опрокинуть неосторожного человека, попавшего в этот воздух прямо из города, из набитого битком автобуса». Впрочем, Юрий Трифонов, тоже живший здесь и описавший Бор под именем «Соколиного» в «Старике», увлек нас в пятидесятые, а тогда, в начале века...

Серебряный Бор, Серебряный Век!

На третьей линии выстроил себе дачу Великий князь Сергей Александрович: ампириную, с шикарной библиотекой, где лестницу охраняли три мушкетера и которую позже занял дом отдыха МК КПСС. Рядом — «дача Шалапина». Бывал ли здесь великий Мефистофель — никто уже не помнит, но название осталось. На второй линии — элегантный дачный модерн, участок профессора Голубова, позже перешедший академику Борису Збарскому за примерное бальзамирование вождя угнетенных.

...Слово «дача» пахнет самоваром, что топится шишками, а из краника — какает; ленью, гамаком, небрежно забытой книжкой; оно скрипит крашеной лестницей в мансарду, звенит фужерами в серванте; пахнет смолой, флоксами, лавровишневыми каплями, вишневым вареньем, Чеховым, вообще — XIX веком.

Здесь, на даче, все понарошку, все в полсилы. Здесь рубят не дрова, а щепки для самовара. Воду носят не из колодца — ведрами, а с колонки — бидонами. Главное средство передвижения — велосипеды, не лошади. А вместо охоты — тир. В конце концов, в холода с дачи можно бежать, до метро — двадцать минут, впрочем, это опять aberrация...

Дачник ведает не ведает «запах конюшни, нагретой солнцем, облака мякины, летящей с гумна, дыхания земли после половодья, стука молотилки на гумне, искр, летящих под молотом кузнеца...» — короче, всех тех предметов, в незнании коих упрекала Зинаида Шаховская и Владимира Набокова, самого «дачного» русского писателя.

Все здесь такое — игрушечное.

Вот у конечной 21-го троллейбуса две колонны. Высокие, коринфские, видные. А вокруг покосившийся забор. Казалось бы, колонны вопиют о бренности камня — ан нет. Ничего этим колоннам соответствующего здесь нет и не было. Шутка архитектора.

А что есть? Желтый домик — легкий, изящный, с робким шестиколонником — тоже не настоящий. Колонны облупились, обнажив дранку, гипс на парапетах осыпался, открыл чугунные прутья... Но дом так изящен в своей артистичности, в своей кажущести! Очарование роли — оно таит скрытую силу возможного. В счастливой стране — почему не поиграть, не пообманывать? Почему не выстроить в лесу пародию на городской особняк? И было все это — от силы, от богатства; а теперь смотрится обломками истинной роскоши, руинами довлдимирской Руси...

Обзавелся Бор современным, современным деревянным, вычурным и текучим. Поставил в Гоголевском сквере бюст Николая Васильевича. Разбил клумбы, наладил мостики. Зажил мирной обывательской жизнью — и так же мирно, брэнча умывальниками и гремя щеколдами в калитках, перекочевал в новый быт.

Первое поколение совдачников обособилось на второй линии. Верные ленинцы — Куйбышев, Блюхер, главный редактор «Известий» Скворцов-Степанов, наркомтруд Цихон, строитель Днепрогэса Михайлов, председатель Мособлисполкома Уханов — собирались вечерами на верандах, пили чай, курили. А цыганка жемнам что-то грустное про мужей нащепывала... Не вернулись в Серебряный Бор мужчины. Да и женщины: только сестра

Лагерная церковь

С. Бор. Лагерная церковь.

Гамарника да жена Тухачевского. Так и стала вторая линия — «линией расстрелянных».

Отец же Наташи Петровой, старый подпольщик, менял пост за постом. И первым признаком неблагополучия на работе становилось дачное уплотнение. «Смотри! — кричала ему жена, — опять нам кого-то в сортир подсаеляют». И муж ехал в город, и опасения оправдывались, и он кипел и ругался. А Наташа бегала по лесу, и мальчишка с соседней 43-й дачи хвастался: «А у нас в гостях вождь мирового пролетариата Николай Иванович Бухарин!»

— Замок, как и высоких заборов, — рассказывает Наталья Константиновна, — в Серебряном Бору поначалу не было. Первый забор, как и первый патефон, появился в середине тридцатых на даче 67-б — где нежно-зеленые занавески, где слышны удары биты, где каждое очко — как еще одна жизнь. Это была дача наркома внутренних дел Генриха Ягоды...

Так же дымились самовары, так же обрушивалась вода из колонки, так же, как прежде, скрипели вольнонаемные ели, и волосы, смолистые, как сосны, в отливах синих падали на плечи... И дуб, потряхивающий шевелюрой посреди луга у северо-западной оконечности острова, — он был так же похож на то знаменитое синьяковское оранжевое дерево, как и триста лет назад. Только никто триста лет назад о Синьяке еще не догадывался...

*Что с деревом делать осенним,
С оранжевым сотрясенем,
Плеском и кольханьем,
С блеском его чингисханьим.
С этим живым монистом,
С деревом тысячелистым?*

Счастливые житье серебрянборцев в своей подкове тридцать седьмой год замкнул каналом с каким-то пикантным наименованием «Хорошевского спрямления». Серебряный Бор стал островом.

Набережная

«Да, да, это было гиблое место. Вернее сказать, проклятое место. Несмотря на все его прелести. Потому что тут странным образом гибли люди: некоторые топились на реке во время ночных купаний, других сражала внезапная болезнь, а кое-кто сводил счеты с жизнью на чердаках своих дач».

Мрачен Бор у Трифонова. Хотя, действительно, нечисти тут всякой водилось...

— Брожу я как-то зимою по лесу, — продолжает моя путеводительница, — навстречу старик. Худой, высокий, в очках. Разговорились, гуляем. Но странное дело: навстречу одни и те же лица. Перешли через речку, прощаемся у забора, а забор, кстати сказать, три метра. Тут человек из-за него выбегает: «Ах, Михал Ндреич, мы Вас потеряли!» Тут я начинаю кое-что соображать. Он меня еще подвезти предлагал, а я в сторону — шмыг, спасибо, спасибо, и домой. А потом «иконостас» политбюровый достаю, смотрю — он, Сулов.

Рядом с условской дачей — не менее любопытная.

*На этой даче государственной
Живет светило из светил,
Кому молебен благодарственный
Я б так охотно посвятил!*

«Там жил, — писал Александр Галич, — еще член Политбюро в ту пору Д.Полянский. Именно его вельможному гневу я был обязан, как выразились бы старинные канцеляристы, «лишением всех прав состояния»...

*— Вы хотите бля-ман-же?
— Извините, я уже!*

Сам же Галич жил на даче Большого театра, во втором этаже, писал тут «Генеральную репетицию», а «написав свои обязательные десять страниц... отправлялся гулять. Со мною неизменно увязывался

дворовый беспородный пес по имени Герцог. С берега Москвы-реки мы сворачивали в лесную аллею, доходили до троллейбусной остановки, огибали круглую площадку...».

*А у нас теперь на Руси
И троллейбусы, и такси.
Я с надеждой смотрю — а вдруг
Дилижанс ваш придет на круг?*

А возвращаясь, Галич видел неуклюже отесанный деревянный столб. «Малярной кистью, грубо и небрежно, на столбе нанесены деления с цифрами — от единицы до семерки. К верху столба прилажено колесико, через которое пропущена довольно толстая проволока. С одной стороны столба проволока уходит в землю, а с другой — к ней подвешена тяжелая гири».

Сторож дома объяснил мне:

— А это, Александр Аркадьевич, говномер... Проволока, она, стало быть, подвешена к яме ассенизационной! Уровень, значит, повышается — гири понижается... Пока она на двойке-тройке качается — ничего. А как до пятерки-шестерки дойдет — тогда беда, тогда, значит, надо из города золотариков вызывать...»

*Галич отозвался:
Не все напрасно в этом мире
(Хотя ему и грош цена!),
Покуда существуют гири
И виден уровень говна!*

На второй линии, с чайкой над входом, — дача МХАТа. Рядом живет архитектор Иосиф Ловейко, известный домом «Огарева, 6». Тут же, под номером 52, — дача патриархии. Здешняя домовая церковь уникальна: это единственный московский храм, освященный в застойные годы.

На даче 52 по Таманской жил диктор Левитан, чуть дальше — Григорий Чарнота ел шашлык с режиссером Аловым; снимался «Бег». На другой стороне снимал дачу Леонид Лавровский, постанов-

щик знаменитого балета «Ромео и Джульетта» с Улановой...

В глубине леса, на четвертой линии — дача Надежды Надеждиной, создательницы «Березки». Тут же жила ее мать, писательница Александра Бруштейн, автор 60 пьес и подруга Фриды Вигдоровой. Нрав она была серьезного:

— А теперь наплойте мне полные глаза, но когда Маргарита начинает летать на метле, что-то во мне артачится. Я, конечно, подозреваю, что с детства глуповата, и знаю, что глупость — это надолго. Но зачем ему, Мастеру, мою глупость подчеркивать? Не спорьте, в его дерзкой фантастике есть какая-то издевка над почтеннейшей публикой. Он ей, бедной, морочит голову.

Наверное, это и есть тот самый «серебряноборский стиль», который с ходу вычисляет моя добрая знакомая: раскованность, независимость, юмор... Причем хорошие люди не обязательно были интел-

лигенцией. Так, на даче генерала Ивановского, командующего Московским округом (№ 14 по Таманской; в прошлом году ее занимал генерал Калинин, комендант Москвы в дни путча), резались в бильярд славные армейцы: «летучий голландец» Валерий Харламов, розовощекий Владимир Лутченко по прозвищу Деточка, громадный, флегматичный Рагулин...

— А как-то я шла-шла, — смеется Наталья Константиновна, — и вдруг уткнулась в чьи-то колени! Оказалось: Круминьш, баскетболист. Они здесь к олимпиаде готовились, такие вежливые, в кино на последний ряд садились...

Но ведь неспроста сказал мне районный архитектор: «Кто сунет нос в Серебряный Бор, молодой человек, тот без одного и останется!» Конечно, это был Таинственный Остров. Загадочность царил в взглядах парнокопытных дам, что выпархивали из калиток госдач, в нулях «волга», проносившихся туда же поздней ночью, в нарядах конной милиции, вечно что-то выглядывавшей...

...Машину посла Аргентины! — чаровало детский слух.

200 дач, из них Совмину принадлежало 13, МВД — 11, КГБ — 5, Моссовету — 16. Есть тут дачи посольские: Японии, Франции, Кореи, был дом отдыха газеты «Правда». Жили: Бабрак Кармаль, Юмжагийн Цеденбал, Отто Куусинен. На четвертой линии — роскошная дача министриссы Екатерины Фурцевой. А на озере Долгое жил всемогущий наркомвнудел Николай Анисимович Шелоков. Как-то с участка унесло ветром министровы кальсоны. Начальник местного РУВД поднял всю свою гвардию и двое суток прочесывал лес. Граждане шарахались, собаки скулили. Увы, поиски оказались безрезультатны.

Самый же ретивый мент жил на Таманской. Когда ему по радию сообщали, что к Бору приближается машина его превосходительства, не довольствуясь постовыми, он выгонял на трассу весь личный состав, выбежал, нагладившись, сам — и брал под козырек.

Была здесь шпионская школа ИОН СССР. А на участке 69-б много лет подряд висели — опять-таки — драные штаны. И все жители знали, что это строго секретный объект КГБ. Пункт.

А еще каждый знал, что на северо-востоке острова есть «черная дача». Где солярий, где у входа десятки машин, где делали крутой бизнес, иначе — играли. Когда же хозяина сажали, он сказал только: «На моих деньгах нет ни капли чужих слез».

А как-то Бор объехал на катере президент Никсон. И предложил учинить тут «раши Кони-Айленд». Бездонку срочно соединили с рекой, болота осушили, перекинули мостики — на этом Кони-Айленд, к счастью, кончился. Потом, по безумию своему, решили прокладывать через лес трассу Москва—Рига. Но и тут провиде-

ние спасло Бор. А лет пять назад в «Правде» под рубрикой «дерзкие проекты» появился следующий план союза дизайнеров:

Бор превращается в эко-парк. Дачи, садоводы, пинг-понг и прочее дуракавальняние — отменяются. Из бетонных блоков сооружаются полые дюны с углублениями для сумок, с гнездами для столиков и зонтов. Налаживаются подвесные тропы, мостики, канатная дорога из Филей. При этом пропускная способность парка увеличивается с пяти до пятидесяти тысяч человек в день. Заканчивался весь этот урбанистический бред так: «Почему бы и в самом деле не создать на острове такую себренную сказку?».

Слава богу, на «сказку» денег не хватило.

Однако экологическая проблема стоит в полный рост. Как-то одна молодежная газета, проведя в Лужниках свой грандиозный праздник, приплыла на теплоходике в Бор оттянуться. Дело было сделано — а потому с чистой совестью ели, пили, танцевали — в общем, культурно развлекались.

А на следующий день в редакции раздался звонок:

— Редакция? Сил моих больше нету, помогите! Я живу в Серебряном Бору — и никакого покоя! То грузины какие-нибудь приедут на машинах, ужрут, песни поют, русским матом ругаются, то рэкетирь — все затопчут, загадят или еще перестрелку затеют. А вчера — так это полный беспредел! Приплыл целый парочод каких-то сволочей — и всю ночь, всю ночь буянили, спать не давали. И так все засрали, так засрали! Приезжайте, напишите, а?

Потом Бор немало помелькал в газетах: здесь будировали публику высокопоставленные «моржи», резвились нудисты, дачи экспроприровались, чтобы быть переданными новым экспроприаторам, другие — шли с аукциона, модер рушился, на его месте вырастали шампиньоны новых дач, крытых дорогим железом (весной приезжала комиссия из Моссовета: выяснять — чьи; долго ходила, возмущалась — да так ни с чем и уехала), впрочем, все это суета и томление духа, центр тяжести в другом.

...Остается во фляге невеликий запас.

Серебряный Бор кренился в осень.

И снова Бездонка станет похожа на бульон с клецками, и стреноженные лодки будут жалобно клацать о причал, а другие, перевернутые, обнажив залатанные днища, сгрудаются возле тира. А тир закроется. Дачники разъедутся. Сезон кончится.

И только сосны — они останутся холодной красой пугать иные поколения.

Фото Льва ЧЕРНЯЕВА
Открытки из домашнего архива
семьи КОВИНСКИХ

маги к Филатову, затем лежали у юристов, затем Филатов послал их Гайдару, затем Гайдар вернул их Филатову... Так и не подписал никто. Выручил Комитет по обороне.

Потом мама Сергея выбивала сыну пенсию. «Тут, — говорят, — написано, что это трудовая травма и что произошло все в 22 часа. То есть в нерабочее время. Пусть принесет справку, что ему был продлен рабочий день. И еще справку — что он не был в состоянии алкогольного опьянения. И еще...» До истерики женщину довели.

ДЕНЬ СТЫДА

Судьба защитника «Белого дома»

Я не уверен, действительно ли этот стресс, этот удар — причины моей жуткой болезни. Да, стукнуло меня во время путча в живот, и с того времени начались боли. До октября терпел, потом лег в больницу. Долго не могли понять, что со мной. А в декабре прооперировали. Вырезали сорок сантиметров кишки... Впрочем, дело не во мне, а в том шансе, который был и который мы упустили.

Сергей Богдановский — единственный, пожалуй, официальный инвалид обороны «Белого дома». Инвалид первой, самой «высокой» группы. Он еле передвигается по квартире, а из дому выходит примерно раз в месяц. Кто-нибудь из знакомцев с машиной отвозит его по делам в Останкино, в телецентр, а затем возвращает обратно. Он почти ничего, кроме свежего белого хлеба, не ест.

Ребята (а многие из них для него еще «ребята») — депутаты Верховного Совета помогли ему оформить этот случай как производственную травму. Для чего? Чтобы дети Сергея могли «унаследовать» его скромную пенсию. Хотя бы на хлеб.

— Один Бог знает, сколько мне осталось. Могу умереть в любой момент.

Сергей, несмотря на несчастье, — кормилец семьи.

А как странно оформлялась инвалидность. Подтверждение трех человек, акт... Если бы это случилось на территории, допустим, школы — потребовалась бы печать школы. А так — печать Верховного Совета. Ставят ее только на подписи Хасбулатова, Филатова и еще кого-то. И пошли бу-

Биография Сергея любопытна. Учился на биофаке, сделал отличный диплом и в день защиты ... вылетел из университета. За религиозные убеждения. Приглашали работать в Нидерланды. Остался здесь, работал регентом-псаломщиком.

— Нас тогда в Москве было меньше, чем космонавтов.

А началась «перестройка» — и Сергей ушел из церкви.

— Мне от одного только сочетания «духовное возрождение» нехорошо становилось. Это бессмыслица. Дух собирается, дух стяжается. Дух дышит там, где хочет, а не там, где хотим мы. Дух невозможно изнасиловать, его можно по крупицам собирать. Собирать смирением, новым отношением к людям.

Бросив регентство, Сергей подался в журналистику. Пресса, радио, телевидение. Прошел через рекламную поденщину. Но капитала не скопил.

Помогал и кандидатам в депутаты — с предвыборной кампанией:

— Какие были ребята! Думалось: придут к власти — вот тогда будет здорово! Сейчас со многими и общаться не хочется. А до некоторых просто не доберешься. Что власть делает с человеком!

А затем зарегистрировал свою маленькую телекомпанию — «Благовест».

— Замышлялась она как религиозная, но пока мы становились на ноги, в стране донельзя замучили эту тему! Мелькание ярс, крестов на экране... Постоянные обвинения в сотруничестве с КГБ. Но ведь КГБ всех держал за горло. Это все равно, что

осуждать свою мать за то, что в голод она шла и просила милостыню. Хотелось сделать достойную телекомпанию.

Одна зарубежная религиозно-благотворительная организация подарила «Благовесту» средневолновый передатчик в 50 киловатт. Он лежал на таможне. Чтобы забрать его, требовалось множество справок. И когда в отрезанном от всего света «Белом доме» доложили Силаеву: «У нас есть передатчик», моментально выправили разрешение. Выделили БТР, кран, платформу.

— Как красиво мы его везли! Добровольцы на платформе висли, старались помочь. Баррикады разбирали, чтобы передатчик проехал...

При разгрузке Сергея и стукнуло. В живот.

— Это сейчас ясно, что мы не смогли бы его запустить — слишком мощный. Тогда же надо было что-то делать.

Сергей с огромным наслаждением вспоминает те дни:

— Какая роскошь — можно было запросто обняться с кем-нибудь у «Белого дома». И каждый тогда чувствовал, что он нужен этой стране. И ребята-афганцы, которых страна попросту надула, и милиционеры, которых в эти дни никто ментами не называл, и бизнесмены, которые приносили деньги чемоданами, не считая их. Правда, неизвестно, куда все потом подевалось. Кстати, первыми остановили танки не митингующие депутаты, а женщины, которые испекли солдатам пирожков. И тогда уже танкисты поняли: стрелять нельзя. А те очаровательные старушки из столовой «Белого дома»... Ведь двадцатого в пять часов объявили, чтобы все женщины покинули «Белый дом». А они остались, и всю ночь работали, кормили. Даже, извините, проститутки и те своими телами останавливали танки. Залезали в них и останавливали. И не было никакой должностной градации. Помню фотографию: солдат спит на плече у Ростроповича. Он — обыкновенный парень с автоматом, а великий музыкант, один из самых утонченных людей современности, подставил ему свое плечо, чтобы тот спал. Можно было зайти в любой кабинет, и сразу принималось какое-то решение, сразу начинало выполняться. И рядовой мог по-русски послать какого-нибудь очень высокого, но тупого военачальника. И ведь тот шел! Зато сразу вырос спрос на людей толковых, и сразу стало ясно, кто есть кто.

Для Сергея весь этот праздник за-

кончился вечером двадцать третьего. Зашел в буфет, взял того-сего, и вдруг ему называют какую-то сумму. Он не сразу и понял, что за пищу нужно платить. Ведь раньше стояли столы, на них была разложена еда, много еды, и почти никто ничего не брал. А тут — как ветром сдуло. И в кабинетах началась обычная жизнь: «Зайдите завтра», «Иван Иванович занят», «Это нужно согласовать»... А на улицах мародерствовали. Останавливали грузовики с шампанским и экспроприировали его «в пользу революции». Ведь Ельцин обещал все списать...

— Помню такую сцену: стоят человек сто пятьдесят мужиков, аккуратно разбирают Горбатый мост и выкладывают брусчатку сбоку, чтобы танки не проехали. Я подхожу и говорю им: «Ну что вы, я сейчас ногой пну, и это все развалится, а вы — танки. На хрен мостовую-то разбирать?» Так они меня чуть не побили. И, в общем, наверное, за дело. Ведь на эти события можно посмотреть по-разному. Можно — как на огромную инсталляцию. Ведь те баррикады, троллейбусы, выломанные качели — жажда творчества, не меньше. Это — акция, которую я считаю произведением искусства. Можно смотреть на это как на карнавал. Но это была и мистерия,

какое-то религиозное действо. Но полноценное. Мы его не использовали. Мы его так и не сделали.

— Все это могло стать, должно было стать и чуть было не стало мощным стимулом для осознания фундаментальных вещей нашего общественного бытия. Ведь сейчас многие сокровенные слова даже произносить совестно — «Россия», «Родина», «народ», «патриотизм»... Тогда не совестно было. Мы потеряли огромный шанс. Мы себя почти почувствовали нацией в хорошем смысле этого слова. Но все изменилось, и, грубо говоря, мы не очень хотим быть такими, какими были тогда. Эта годовщина не будет днем победы. А хотелось бы. Боюсь, что это будет день стыда.

Алексей МИТРОФАНОВ

P.S.: Для тех, кто может и хочет помочь. Сергей ищет работу. Насколько я могу судить, он автор весьма интересных решений в области рекламы и «public relations». У себя дома имеет полностью оборудованное (компьютер и т.д.) рабочее место и пятерых детей, которых нужно кормить. Телефон в редакции.

**Фирма «Гаруда LTD» и
Торговый дом «Гаруда»
официальный
дистрибьютор
американской фирмы
THE SAVIL TRADING Corp.**

Только с нашей помощью Вы сможете дешево купить компьютеры, ксероксы, факсы, модемы, расходные материалы, любое офисное оборудование и товары народного потребления.

Закключаем сделки по купле-продаже металлов, сырья и энергоносителей. В минимальные сроки мы построим для Вас одно-, двухэтажные жилые дома или гаражи из объемных модулей под ключ. Окажем услуги по заключению контрактов на поставку интересующего Вас товара с надежными западными партнерами.

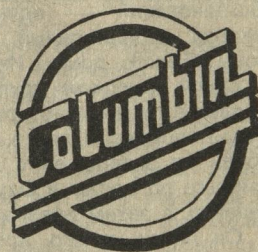
We will be glad to provide foreign partners our services in making really good investments in Russia.

Услуги посредников оплачиваются.

Звоните (095) 976-57-71

(095) 976-42-70 (круглосуточно + факс)

**Мы ждем Вас по адресу: Москва,
Дмитровское ш., 33, кор. 4 (за
гостиницей «Молодежная» в
помещении ДК «Тимирязевец»)**

1. Регистрация предприятий всех форм собственности за 3 дня. От заказчика — только желание. От нас — его исполнение.
2. Изготовление металлических значков и липких аппликаций (наклеек) по логотипу заказчика.
3. Изготовление полиэтиленовых пакетов с рекламным изображением.
4. Продаем технологическую линию по изготовлению стеновых блоков по новой технологии. Состав: гипс + вода. Высокая прочность: дом выдерживает землетрясение 9 баллов.
5. Продаем офисную мебель.
6. Предлагаем для проведения семинаров, симпозиумов, конференций зрительный зал.
7. Продаем телефаксы Panasonic KX 50B — 86000 руб.

В двухстах километрах от Бангкока расположено заведение с романтическим названием «Бар Сирен». Его окна выходят на побережье, вернее, на бесконечные пляжи солнечной Паттайи. На улице еще светло, и последние катера возвращаются к берегу. Внутри, в интимном полумраке, вентиляторы изгоняют дух тяжелого, длинного дня. Ребенок восьми-девяти лет, похоже, сын хозяйки, аккуратно причесанный и безукоризненно одетый во все белое, играет между столами. В глубине

стыне и не общавшихся с женщинами, были наконец доставлены на землю обетованную. Но здесь умеют принимать гостей: пять миллионов туристов в год. Некоторые из них действительно хотят принимать солнечные ванны, лежа на старинных камнях Аятаи, и поглощать ультрафиолетовые лучи, купаясь в изумрудных волнах на побережье Фукета. Большинство же — это туристы-одиночки, ищущие себе в партнерши женщину, мужчину или ребенка. И почти все они сразу отправляются в автобусе в Паттайю. Там они выбирают. Все происходит как бы случайно: достаточно сесть за стол, заглянуть в открытую дверь, проследить за движениями других людей.

С наступлением темноты «Бар Сирен» заполняется до отказа. У самого входа расположились постоянные клиенты, «самцы», загорелые мужчины всех возрастов в распахнутых куртках «гавайского» покроя. Их взгляд всегда полон надменности и самодовольства. Здесь они чувствуют себя хозяевами, качают на коленях одних и тех же девочек. В глубине зала, около бильярдного стола и скамейки с рядом сидящими на ней подростками, обстановка еще более раскованная. Стоит элегантный мужчина, стройный, в тонкой рубашке и очках, с видом дипломатического работника или выходца из аристократического семейства. Рядом — бледный длинноволосый юноша в роскошных брюках. Тут же и «соблазнитель», с пышной шевелюрой, перстнями на руках и золотой цепочкой с крестом на груди. Но самой колоритной фигурой в этой разношерстной компании несомненно является здоровенный детина с бритым затылком, уродливым лицом и волосатыми руками, обвивающими тельце мальчугана.

Большую часть посетителей тайландских борделей составляют, как ни странно, немцы. Много американцев и французов. С одинаковой легкостью услугами проституток пользуются представители таких, казалось бы, разных профессий, как инженер, банкир, директор фирмы или — что совсем уж непонятно — учитель. Ежегодные вояжи из Европы в Паттайю стали привычным явлением и для них самих, и для «принимающей» стороны, и для туристических фирм. «Этот ходит сюда уже два месяца», — поясняет официант, указывая на усатого респектабельного старика, ласкающего маленькую девочку. Впрочем, любой побывавший в Таиланде хоть раз навестил Паттайю или «интимные» кварталы Бангкока.

За соседним столиком тринадцатилетний мальчишка опрокидывает четвертый стакан виски и вытирает

ДЕТИ В БОРДЕЛЕ

Пожалуй, одной из самых «больных» тем, поднятых перестройкой шесть лет назад, была тема нравственности и — как частности — проституции. Сейчас общественное мнение изменилось настолько, что от некоторых известных и уважаемых даже людей можно услышать призывы немедленно легализовать этот «бизнес» и во множестве открыть публичные дома. Впрочем, подпольные бордели существовали в Москве и в те времена, когда само слово «секс» было под запретом и встречалось разве что в научных трудах профессора Кона. Не желая сгущать краски, мы все же предлагаем вашему вниманию рассказ о стране, где сексуальная свобода поставлена выше всех других свобод, в том числе и свободы личности, — о сказочном Таиланде. Привлекающем миллионы туристов и вызывающем у миллионов же отвращение. Публикация подготовлена по материалам журнала «Нувель обсерватёр».

виден небольшой боксерский ринг, сделанный на тайландский манер, бильярдный зал, высокие вращающиеся кресла и 23 небольших углубления в стене. Кажется, все застыло в ожидании ночи и клиентов. Входит европеец с пляжным полотенцем на плече и газетой в руках. Смотрит на часы и снова уходит. Еще рано. На него никто не обратил внимания.

Когда зажгутся первые огни, европеец вернется, погладит понравившегося ребенка по руке и как ни в чем не бывало уйдет. Это трюк. Человек повернет направо, пройдет мимо поста полиции и твердым шагом направится к отелю «Бамбу». Подросток проследует за ним. Неподалеку от главного входа есть незаметная лестница, предназначенная исключительно для подобных операций. По ней-то и заберется в номер несчастный мальчонка.

Через тридцать—сорок минут он спустится обратно, быстро пойдет по направлению к «Бару Сирен», на минуту остановится рядом с телевизором, купит себе бутылку кока-колы и выяснит курс доллара по отношению к бату (денежная единица Таиланда). Свое место в баре он займет в 19 часов 35 минут. В это время в Паттайе начинается ночь...

Сюда приезжают не загорать или купаться. Паттайя — это прежде всего огромный бордель под открытым небом. В 1991 году сияющий этот город принимал американские войска, возвращавшиеся с войны в Персидском заливе. Восемь тысяч военных моряков, в течение многих месяцев томившихся в море и аравийской пу-

Мари-Франс Бот и спасенный ею малыш
«Когда ребенок в течение многих лет
не видит ничего, кроме борделя,
внешний мир перестает его волновать.
Подсознательно он хочет только одного
— умереть».

Лао — 13 лет. Полтора года в борделе.
Заражена вирусом СПИД

салфеткой роскошную лысину своего «наставника». «Вы знаете, как малыши называют клиентов?.. Крокодилами. Странно, неправда ли?»

Кажется, что сейчас бар разлетится на куски, настолько в нем людно и шумно. Юноши курят, пьют и постоянно дергаются, вертятся, будто что-то не дает им покоя. Многие обнимаются, некоторые целуются и потихоньку расходятся. На боксерском ринге начинаются ожесточенные бои. Это не слишком интересно, но помогает в какой-то степени скоротать вечер. Кого-то зрелище это притягивает, кого-то возмущает. В поединке нет правил, а на сражающихся — ни касок, ни перчаток. Бой идет не на жизнь, а на смерть. Не каждый сердобольный европеец способен вынести такое. Обычно за вечер проходит три-четыре поединка, «крокодилы», из тех, кто способен наслаждаться видом крови, могут в течение долгого времени созерцать раны, кровоподтеки и синяки, продолжая целовать мягкие, нежные щеки своих юных «питомцев». Иногда в вертеп заглядывает полицейский в униформе. Официанты тут же убирают из бара свои безлицензионные напитки. Таиландские законы сурово карают за торговлю без лицензии.

Зато туристы-педофилы не рискуют вовсе. Слишком далеко зашла игра, слишком большие сделаны ставки. Паттайя — неприступная крепость. Любой полицейский, возжелавший доставить себе удовольствие, может, не снимая своей желтой автомобильной каски, войти в тот же «Бар Си-рен», взять понравившегося ребенка и провести с ним ночь в какой-нибудь укромной гостинице или бунгало. Даже в Бангкоке подобный поступок повлек бы за собой как минимум несколько лет тюремного заключения. Здесь же — всего 300—400 батов, около шестнадцати долларов.

Мари-Франс Бот не переносит золоченых таиландских пляжей. Однажды она незаметно проследовала за пожилым господином, направлявшимся к «отелю», и бросилась на него с криком: «Что вы хотите от этого мальчика? Это мой сын!» Ее появление вызвало скандал, и убоавшийся материнского гнева старик был вынужден ретироваться. Ребенок же отправился в гостиницу.

Сейчас Мари-Франс руководит программой помощи детям, занятым проституцией. А история эта началась в Бельгии, где Мари-Франс росла в «типично буржуазной семье» и была шестым, последним ребенком. Общественные науки и социологию изучала в Брюссельском университете, за спиной имеет трехлетний опыт работы с «трудными» подростками.

Международная правозащитная организация «Глобальная планета людей» заказала Мари-Франс доклад о положении детей в таиландских лагерях для беженцев. В ходе поездки по стране выяснилось, что дети постоянно исчезают из лагерей. Их выкрадывают или покупают таиландские охранники, перепродавая затем в бордели Бангкока. Чтобы выяснить дальнейшую их судьбу, заглянуть внутрь проблемы, требовался помощник, способный сыграть роль состоятельного клиента. «Я никогда не смогу это сделать сама, — говорила Мари-Франс, — после этих посещений на душе такая грязь, что не хочется жить». Начались долгие поиски. Европейцы, испугавшись мести китайской мафии, участвовать в операции наотрез отказались. Но один смелый человек все же нашелся. Таиландец Йои.

В феврале 1990 года Мари-Франс и Йои вышли на первую свою «охоту». Зайдя в один из сверкающих отелей, попросили на ночь ребенка — мальчика или девочку. Подросток-сутенер посмотрел на них немигающим взглядом, куда-то исчез на минуту и вернулся с мальчиком, который тут же направился в ванную комнату.

В течение месяца эта история повторялась. Мари-Франс и Йои смогли побеседовать с двадцатью четырьмя мальчиками и девочками. «Я так надеялась, что хоть где-то мне скажут нет, что владелец отеля сделает круглые глаза, накричит на меня, обзовет сумасшедшей». Такого не случилось. Первый, второй, третий ребенок. И ни одного вопроса, ни одного недовольного движения. «Представьте себе, что значит находиться в одной комнате с абсолютно голым мальчишкой десяти лет, выходящим из ванны с полотенцем в руке».

Что же выяснила Мари-Франс у своих «подопечных»? Только шестьдесят процентов детей достигают 12—16-летнего возраста, прежде чем попасть в бордель, остальных берут «на работу» в возрасте 10—11 лет. Девочки в большинстве своем приезжают из северных городов Таиланда. Мальчики попадают в Паттайю из трущоб Бангкока. Кто-то находит «работу» на месте. Самые маленькие не помнят даже свою семью, говорят, что всю жизнь провели в гостинице. У подавляющего большинства детей на коже следы от ударов палками или ремнем, ожоги от сигарет, кровоточащие раны, гематомы и трещины. Это наказание за неумение удовлетворить «страсть» вовремя. Причем ударить и убить ребенка может как владелец гостиницы, выслушивающий жалобы клиентов, так и сам клиент.

Из Паттайи Мари-Франс и Йои отправились в «черные» кварталы Банг-

Gentleman
Club

Gentleman club
Gentle boys for Gentlemen

OPEN 9:00 P.M.

325/27 Pattaya Land 1, South Pattaya
Pattaya City Tel. (038) 429867

Реклама одного из борделей в Паттае. «Нежные мальчики для настоящих мужчин»

кока. В Патпонге (аналог парижской Пляс Пигаль — центра кварталов «красных фонарей») проституция органично сочетается с танцами под открытым небом, дискотеками, огромными супермаркетами и мелкими лавчонками. Здесь же прогуливаются добропорядочные семейства, свысока вззирающие на всю эту уличную суету. В ста пятидесяти метрах отсюда отель «Сурион» скрывает в сумерках свои «достопримечательности»: крытый автомобильный гараж, до отказа набитый подростками, небольшую стоянку в саду, шторы из пластика, защищающие инкогнито очередного высокопоставленного клиента.

Маленькая девочка, которую втолкнули в комнату Мари-Франс, не разговаривает, не двигается, почти не реагирует на слова. У нее тонкая кожа, лицо типичной уроженки племени акков на севере Таиланда. Спина иссечена ремнями, на груди — следы сигаретных ожогов. Она погружена в молчание, глаза смотрят в одну точку. Мари-Франс поняла: этой девочке уже ничто не поможет, она в психическом трансе. В условиях постоянной «работы» — это верная смерть. Оставить ее здесь, в гостинице, значит совершить преступление. Забрать с собой — совершить самоубийство. Таиландская мафия к такому обращению с собой не привыкла. В конце концов Мари-Франс и Йои решились купить девочку. Портье посоветовался с хозяином и назвал цену — 800 долларов.

«Это очень сложно — ночь проводить в борделе, днем писать доклад, отсылать его тайком в Европу, а вечером снова просить мальчика на ночь». Мари-Франс действует решительно. И это, естественно, многим не нравится. Мартовским вечером она была схвачена и увезена в неизвестном направлении. Били как могли: руками, ногами, бамбуковой тростью. Поднявшись с пола, она оцупала лицо — в крови, в синяках. Швейцара соседнего

отеля просили передать: это только начало. Продолжение не замедлило последовать. Через несколько месяцев, проснувшись на рассвете, она обнаружила, что стены ее дома исписаны красной краской — «К смерти!», а на садовой дорожке лежала любимая кошка с перерезанным горлом.

С недавнего времени в борьбу за ликвидацию таиландских борделей включились и представители международного Комитета защиты прав де-

Сотрудники бара «Супер Рекс» в Бангкоке

тей. Их в Таиланде двадцать восемь человек, работают они в небольшом бюро в предместье Бангкока. Контакты с полицией налажены давно. Так что основная нагрузка по розыску пропавших без вести детей ложится именно на правоохранительные органы. Комитет же занимается юридическими вопросами и анализом местной прессы. Но в случае необходимости и сами представители могут участвовать в поиске. Технология поиска та же — «прикинуться» клиентами и попытаться из множества предложенных кандидатур выбрать нужную. Иногда в таких случаях имеет смысл предупредить полицию. Процесс этот неприятен и опасен. В случае выяснения «подлинного лица» клиента руководство гостиницы имеет право в два счета выставить его за дверь. А это значит, что ребенок останется там навсегда.

«Работникам» обоего пола запрещено покидать территорию гостиницы без предварительного согласования с администрацией. Единственным оправданием подобной «вольности» может стать заранее оплаченное желание клиента. Обычно «рабочий» день попавших в бордель детей продолжается пятнадцать часов: с шести вечера до девяти утра. «Заработная плата», если можно, конечно, применить эти слова к тем крохам, которые получают подработки за свой немислимый труд, составляет семь батов за одного клиента, менее пятидесяти центов.

По оценкам западных экспертов, каждый бордель на улицах Бангкока платит полиции 20 тысяч батов в год.

Если учесть, что только на главной улице таких борделей сорок, сумма, получаемая полицейскими за их «небдительность», оказывается весьма и весьма солидной.

Международный комитет работает с полной нагрузкой, но помочь, увы, удается не всем. Лао уже никогда не вернется в свою деревушку далеко в горах. Ей 13 лет, полтора из них она провела в одном из самых страшных бангкокских борделей. Ее тело в ссадинах, кровоподтеках, следах кожных заболеваний, нарывах. У нее — СПИД. Из тысячи детей, обследованных в Бангкоке, 800 больны гонореей или сифилисом, 200 — заражены или больны СПИДом. И почти все находятся в невменяемом — по европейским медицинским стандартам — состоянии.

Ни писать, ни читать Лао не умеет, но думает, что еще успеет научиться. Сегодня ей хорошо, она улыбается, суетится, рассматривает книжки с картинками. Но окружающие знают, что через несколько дней ее сразит новый приступ лихорадки и бронхита. Она не сможет подняться со своего гамака, щеки ее будут гореть, а дыхание — походить на предсмертные крики иссохшего старика.

За всю жизнь у Лао была только одна подруга — Патхара. Когда она приехала сюда, ей было четырнадцать лет. Два года — в привилегированном «отеле». Обслуживала по десять клиентов в сутки. Она ничего не рассказывала, ее беспрерывно рвало прямо на больничный пол. За нее все рассказало тело. Результаты медицинского осмотра были страш-

ными: многочисленные разрывы кожи, пять ожогов на левом плече, перелом левой руки, прогрессирующий сифилис второй стадии, воспаление легких, СПИД.

Лао и Патхара неразлучны. Когда одной из них плохо, другая не разговаривает и проводит десятки часов кряду на качелях в больничном саду. Когда болезнь на время отступает, девочки строят планы: о собственном швейном ателье, о возвращении в родную деревню, о том, чтобы все забыть.

Иногда на Мари-Франс накатывает тоска и ощущение бесполезности всего, что она делает. Спасли тысячу детей, а в борделях их осталось все-таки семьсот тысяч, из них 150—250 тысяч не достигли шестнадцатилетнего возраста. «Неужели не может Старый Свет образумиться, неужели Европейский парламент не догадывается, что можно запретить секс-туры в страны Азии?» Мари-Франс беспощадна, когда ей говорят, что проституция — традиционная отрасль «хозяйства» Таиланда, что тайландские дети сами хотят работать в борделях и что даже древние китайцы не брезговали провести ночь-другую в компании с тайландским малышом. Она-то знает, чем все это оборачивается на деле. Она успела понять, что «ребенок в борделе» значит «мертвый ребенок».

Патхара вернулась из госпиталя в начале марта, 11 марта она умерла. И Лао уже не отходит от своих качелей. Ни днем, ни ночью.

Эдуард ДОРОЖКИН

Нетрадиционный метод строительства предлагает концерн «Коммунтехника»

Из наших объемных блоков можно построить
коттедж и многоэтажный жилой дом,
представительство фирмы и заводской корпус.

- Пониженный расход бетона и арматуры;
- высокие темпы строительства;
- многовариантность компоновки;
- возможность строительства в любых климатических зонах;
- стоимость в блоке 1 кв.м — 1500 руб.

Коммунтехника

Эти и другие преимущества
привлекут Вас
к сотрудничеству с нами.
Идея и технология метода
запатентованы.
Мы действуем под эгидой «Фонда
социальной защиты бывших
военнослужащих» и приглашаем
принять участие в наших
программах как военных
строителей, так и
предпринимателей.
Наш адрес: 101942, Москва, ул.
Мясницкая, 13
Телефоны: 921-39-50; 927-22-88.
Факс: 921-25-85.
Телетайп: 11426 «Табак»

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Сниму одно-двухкомнатную квартиру, с хорошей мебелью или пустую. Желательно Ленинградское ш., ул.1905 года.

Тел.188-63-71 с 10.00 до 18.00 спр.Леонида.

Организация арендует на длительный срок помещение под офис, с теле-

фоном, от 50 кв.метров стоимостью 2,5—3 тыс.руб. за 1 кв.м в год. Оплата посредникам гарантируется.
Тел.923-19-71.

У «МММ»
НЕТ
ПРОБЛЕМ!

КУПИТЬ СЕГОДНЯ ВЫГОДНЕЕ, НЕЖЕЛИ ЗАВТРА!

**ВЫБОР ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ
ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕН,
ЦЕНЫ СУЩЕСТВЕННО
НИЖЕ КОММЕРЧЕСКИХ!**

**ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ
НОВЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
«МММ»—ЭКСПО,
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР,
ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН
«МММ»—ОСТАНКИНО.**

**В оптовой и розничной продаже:
компьютеры и оргтехника, аудио- и видеоаппаратура,
электробытовая техника, модные одежда и обувь,
продовольственные товары, напитки.**

**УСЛОВИЯ ПОКУПКИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ
И ЧАСТНЫХ ЛИЦ—ОПТИМАЛЬНЫЕ:**

- ЗА РУБЛИ**
- БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ**
- ПО БЕЗНАЛИЧНОМУ И НАЛИЧНОМУ РАСЧЕТУ**
- /ЗА НАЛИЧНЫЕ НА 8% ДЕШЕВЛЕ/**

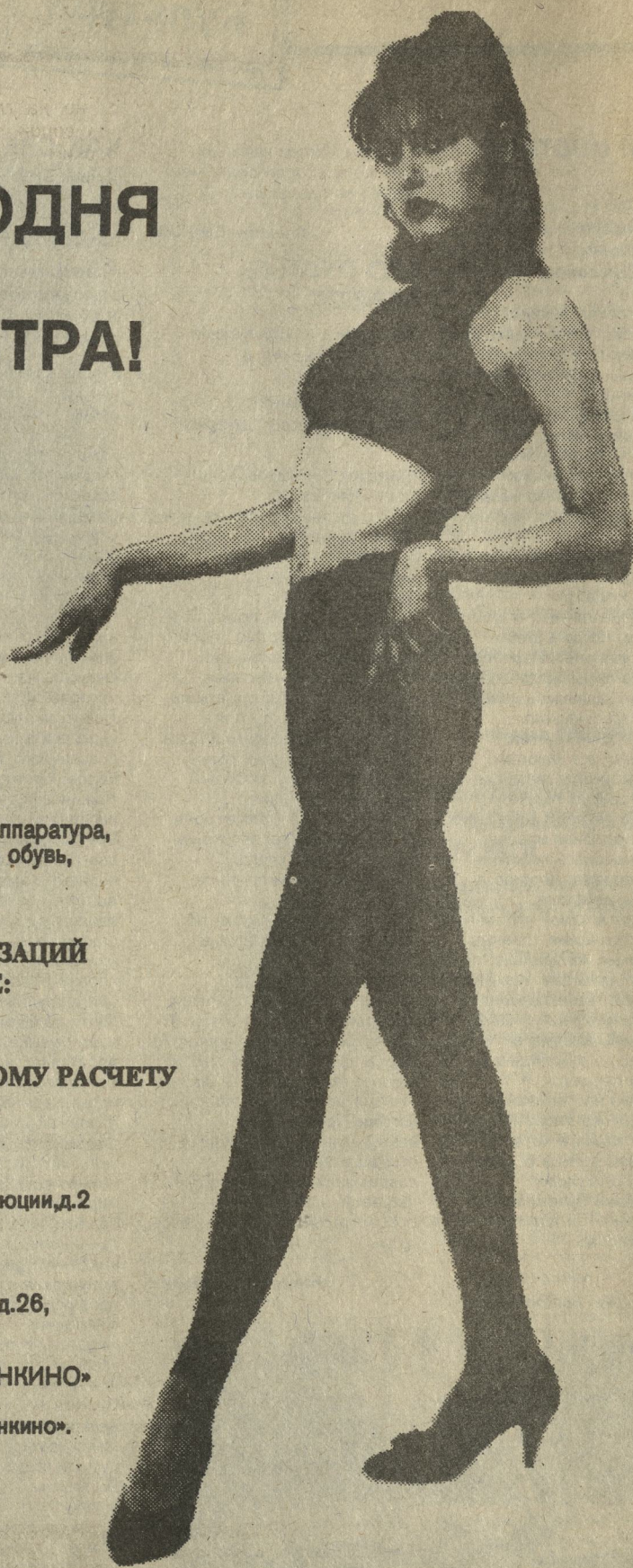
«МММ»—ЭКСПО пл. Революции, д. 2
/музей В.И.Ленина/
3-й этаж. С 9.30 до 18.00,
кроме субб. и воскр.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР Варшавское шоссе, д. 26,
м. «Нагатинская». С 9.00 до 18.00,
кроме субб. и воскр.

ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН «МММ»—ОСТАНКИНО»
ул. Ботаническая, д. 29, м. «ВДНХ»,
тролл. № 73, 36 до ост. Гостиница «Останкино».
С 9.00 до 19.00, кроме субб. и воскр.

111-00-65
111-20-70

ПОЧТЕННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ!

КОЗЬЯ НОСТРА

«Казино»
К/ст. «Союз»
киноконцерта
«Мосфильм»,
реж. С. Самсонов

Судя по обстановочке в стране, действовать здесь не шибко умеют, зато горазды переживать. Судя по кино — то же самое.

Фильм «Казино», снятый по роману Чейза «Итак, моя милая...», — гангстерская история, где персонажи действуют скомканно, наспех, зато уж переживают смачно, на всю катушку.

Когда в этом упражняются здесь рядовые старлетки, так и смяк кореза симпатичные личики, — уже смешно, но когда в дело вступает маститый Марцевич — и вовсе ползешь со стула: словно бы задавшись целью сыграть клинического идиота, он корчит рожи, скалит зубы, а в наиболее роковые моменты глаза его застит зловещая голубая пелена. На театре в ранешние времена подобная манера игры именовалась просто и точно: хлопотать мордой. Поскольку действие происходит в самой что ни на есть Чистоганщине, главные переживания, натурально, связаны с деньгами. Услышав о денежной трате, персонаж от потрясения роняет чашку, а когда речь заходит о миллионах — в мелодию за кадром влетают похотливые постановывания. Апофеозом же этих страстей выглядит сцена, в которой обнаженная девица осыпает свое упругое тулово долларowymi бумажками и счастливо оглаживает ими все места...

А.И. Куинджи. Березовая роща

В общем, фильм наглядно дает понять: ради денег чего только не сделаешь...

Алексей ЕРОХИН

ЕГО ПУСТЫЕ НЕБЕСА...

Выставка к 150-летию со дня рождения А.И. Куинджи Государственная Третьяковская галерея

Куинджи. Куин-джи. Архип осип. Осип охрип. Что-то детское, веселое — в имени, фамилии, картинах. В детстве — всеобщий любимый художник. Почему?

Потому что очень простой. И эффектный. Сегодня такой «куинджей» завален весь Арбат. Все эти «закаты», «восходы»... Небеса с аршин, луна — в копейку плюс трогательный передний план. «Глубокомысленный грек», «русский Моне», любимый художник Высоцкого... На Крымском — его вторая после революции выставка. Картин немного, зато освещение великолепное. Каталог жалкий, зато дорогой. Народу полно, но споры — как в магазине «Ковры».

А тридцатилетнее затворничество? А разрыв с передвижниками? А отказ от причащения перед смертью? Здесь вам ответов не найти. Многие его картины — из тех, что можно повесить вверх ногами. Ярко, броско — какая разница? Понятно, откуда упреки современников в поисках дешевой славы. И трогательная «Осень» 1890 года...

Николай МАЛИНИН

КАК СВЕТ ХРИСТОВ НЕ ПРОСВЕТИЛ «МЕЛОДИЮ»

«Свет Христов просвещает всех»
Компакт-диск
фирмы «Мелодия»

В свое время «Мелодия» выпустила замечательную серию пластинок к 1000-летию Крещения Руси. И открывалась она двойным альбомом хора церкви «Всех Скорбящих Радосте» под управлением Н. Матвеева «Свет Христов просвещает всех». Целиком серия так в продажу и не поступила, лишь в последние годы в магазинах иногда появлялись ее разрозненные выпуски. Поэтому понятно нетерпение, с которым любители музыки ожидали выхода компакт-диска, призванного, по идее, стать более современным, технически улучшенным вариантом первого альбома. Увы, любители! Лучше ищите все-таки старый, виниловый вариант. Компакт-диск дороже ровно в 50 раз, качество полиграфии, оформления — ниже всякой критики, но что самое поразительное — он короче оригинальной пластинки почти на 25 минут! Во всем мире музыка выпускается на пластинках, кассетах и компакт-дисках в идентичном виде. Иногда лазерный диск, учитывая, что его емкость больше, даже включает дополнительные композиции. Но то — во всем мире. Компакт-диск же, сделанный в СССР — именно так и написано! — это вам не какая-нибудь американская, английская или французская продукция. У советской «Мелодии» — собственная гордость! И плевать на «Херувимную песнь» П. Чеснокова или на «Верую» А. Гречанинова. Плевать на слушателей, которые десятилетиями не могли найти на пластинках фирмы-монополиста русской православной музыки. Вы платите — а мы заказываем музыку! А что до музыки на компакт-диске — то что о ней говорить? Музыка — божественная...

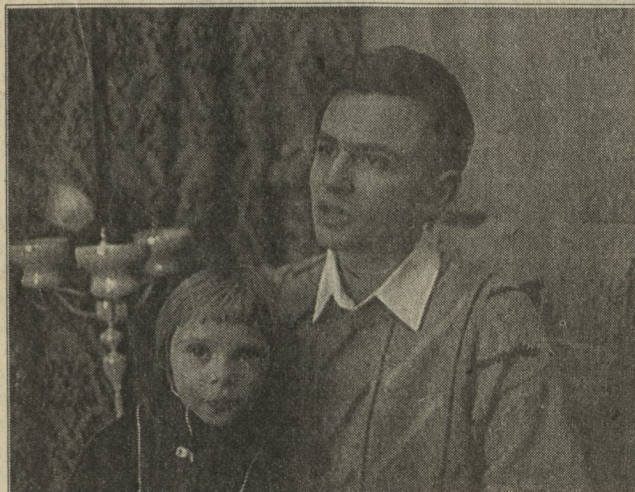
Андрей ГАВРИЛОВ

МАМИНА СКАЗОЧКА

ЦАТСА, реж. А. Бадудин

Дружок! Сейчас я расскажу тебе театральную сказочку с веселым концом. Жили-были актеры в большом-пребольшом театре. Играли плохие и хорошие спектакли, но чаще — плохие. Случно было в этом здании под красным флагом, и детишки туда ходили неохотно. Но однажды пришел добрый дядя-режиссер и сказал: «Господа артисты, что это вы дурака валяете? Пора подумать о детях, а то у вас еще одно поколение на «Кортике» вырастет!» Актеры не хотели больше играть «Кортик» и взялись за дело. Они выучили новые роли. Записали на фонограмму симпатичные песенки на итальянские мелодии. Вспомнили, что в ГИТИСе их учили танцевать. Оделись в красивые костюмы художницы Галины Лиоли. И открыли... овощное кабаре под названием «Приключения Чиполлино». Очень «красный» и очень смешной синьор Помидор самоиронично принял участие в создании инсценировки. Престарелые, но эlegantные графини Вишни подрались танцевать канкан. А худенький и бледный их племянник, сирота Вишенка, продемонстрировал прекрасные вокальные данные. В целом получилась смешная и обаятельная история, имеющая к Дж. Родари самое косвенное отношение, — разве что сюжет тот же, но с удачно переставленными акцентами. Как говорится, на злобу дня. Видел ли ты раньше, мой мальчик, чтобы твоя мама, суровый театральный критик, приходила из театра довольная? Нет? Так вот, если будешь себя хорошо вести, в следующее воскресенье поведу тебя на «Чиполлино». А поскольку ты уже забыл, что такое земляника и вишня, мы предварительно сходим на Центральный рынок. Дегустацию не обещаю. Но в театре Земляничка и Вишенка возместят тебе моральный ущерб.

Елена САСИМ

Кадр из фильма «Прощай, СССР!»

ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЕШИ РОДНЯНСКОГО

«Прощай, СССР!»
Т/о «Контакт»,
Украина—Германия,
реж. А.Роднянский

«Фильм первый. Личный». Чудной подзаголовок у этой картины. Детский какой-то. Провоцирует вопрос в саркастическом тоне: а что, дескать, будет еще и «Фильм второй. Общественный»? Вопрос, как выяснилось, глупый. А картина на самом деле детская — она чиста в своей интонации и избавлена от неприятия нарциссизма. При том, что 30-летний киевский режиссер Леша Роднянский целый час рассказывает с экрана о самом себе. Это он — демократический депутат Илья Заславский, оказавшийся персонажем потрясающей исторической драмы. Это он — магистр шоу-бизнеса художник Борис Краснов, такой крутой, милый и трогательный. И удивительная девушка Юлия Шевелева, которая собирает трудных детей в подвале на Остоженке и возвращает их самим себе, — это тоже, представьте, он. Как и еврейская певица Маша Иткина, с ее старыми, грустными, пробирающими до озноба песнями из веселых местечек.

В общем, они все как бы евреи — эти молодые люди, о которых рассказал в своем личном фильме режиссер Леша Роднянский. Свое еврейство сознают счастливо и безболезненно, как богоизбранную принадлежность ко всему человеческому роду. Так и сам Леша — как и все его «alter ego», живущий в этой стране и в том находящийся высшую данность. И еще — способный отвоевать собственное личное пространство. Вы будете смеяться, но оно-таки смыкается с общественным. Это к вопросу о подзаголовках.

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

ЗАКУЛИСНАЯ ПОЧТА ДУХОВ

«Русский театральный
фельетон»
Издательство
«Искусство»

Небольшая нарядная книжка, открывающаяся отрывком из «Почты духов» Крылова, включающая работы перьев как знаменитых (Белинский, Салтыков-Щедрин, Чехов), так и почти совершенно забытых, а завершающаяся анафемой Луначарского французскому буржуазному театру, охватывает не только более чем вековое развитие

«легкого» критического жанра. Косвенно она отражает общую популяризаторскую традицию в литературоведении и театроведении недавних лет. В том, что касается примечаний Е.Ю.Хваленской и вступительной статьи З.С.Паперного, книжка неожиданным образом приобретает не менее исторический интерес, чем опубликованные в ней старые тексты. По таким книжкам с пометкой в аннотации «для широких кругов читателей» всякий любознательный представитель «самого читающего народа» и десять, и двадцать лет назад учился распознавать в эхе давних литературно-театральных

достоинства: тот же комментарий насыщен подробностями, зачастую весьма редкими, из театральной жизни обеих столиц и даже провинции. Ну а сами тексты — чтение иногда забавное, иногда интеллектуальное, всегда поучительное и никогда не скучное. Соблазнительно даже назвать его актуальным, если бы актуальность сегодня не диктовалась обстоятельством, весьма далекими от проблемы качества текущего театрального репертуара. И нам, пребывая в «незаинтересованном любовании», остается повторять: «...красота... широко распространена и подстерегает нас на случайных страницах посредственного автора...» (Борхес).

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

БЕДНЕНЬКИЙ, КАК ОТОЗВАЛОСЬ ЕГО СЛОВО!

«Прощальный свет»
ЦАТСА, реж. Я.Губенко

Чудной спектакль. Тютчев — в бежевых носках, в вельветовом пиджаке «от Евтушенко», в шейном платке «от Вознесенского», в клетчатом пледе, призванном символизировать XIX век, — лапает пятерней кофейную чашечку, таскает туда-сюда по сцене тяжелый стол, пьет чай из термоса. Делает вид, что держит ребенка, что умывается, что страдает... Мало того. Если Булгаков постеснялся говорить за Пушкина, то в пьесе П.Павловского Тютчев, самый молчаливый русский поэт, выражается вовсю: — В недрах души моей трагедия! — Я на пороге жизни! — Судьба довлеет над человеком... А актриса, изображающая Елену Денисьеву, мечется в истерике по сцене, опрокидывая стулья, и при этом приговаривает: «На меня порой находил такая хандра!» Так что если увидите на программке слово «трагедия» — не верьте.

Н.М.

батальи голоса «демократические» и «реакционные», получал важные сведения о том, что «Феб (Аполлон) — в древнегреческой мифологии бог солнца, света, покровитель наук и искусств», а «во время всемирного потопа Ной со своим семейством спасся в ковчеге»... Короче говоря — читатель получал то «полуобразование», которое только в лицемерной России долго пребывало в статусе греха, а в странах с большим (ударение где хотите) количеством кнопок на ТВ-панели давно и, главное, бестрепетно получается путем нажатия этих кнопок. Учитывая то, что Россия движется к тому же, описанную особенность комментария можно назвать недостатком книжки: ее будущие читатели уже «полуобразованы». Гораздо приятнее, впрочем, отметить

Наталья ИВАНОВА

Сомнительное очарование «общих мест»

Всем известна поэтическая формула Евгения Боратынского о путешествии мысли по литературе: от высокой поэзии к расхожей публицистике, которая болтливо твердит «давно уж ведомое всем». Но существует и еще один, возвратный ход потерявшей невинность мысли в литературу: когда уже пройден грустный «путь», иронично указанный Боратынским, истертая от многократного употребления мысль, подхваченная на лету еще разок, запускается в оборот по новому кругу.

А рядом с литературой появляется ее двойник, ее тень; и их проблематичное сходство для простодушного читателя порою важнее их качественного различия.

О более чем скромном каноне национал-большевистской массовой литературы мною говорилось не единожды, и повторяться сегодня нет нужды: каким он был, таким остался — «Все позади».

Набор «общих мест» либерально-демократической журнальной литературы быстрого изготовления тоже стал очевиден. В ней можно достаточно легко обнаружить несколько отчетливых идейно-тематических «гнезд», в которых — вокруг определенной темы, проблемы, «мысли» — размещаются ге-

рои и антигерои, собираются мотивы, строится свой канон.

В конце концов хваткая беллетристика достаточно бойко стала использовать «Литературу Больших Идей», ее, с позволения сказать, материал, за который первопроходцы платили собственной судьбой.

Еще не просохла типографская краска в оттисках публикаций В.Шаламова, Ю.Домбровского, Г.Владимова, как по тонко (а иногда и толсто) журнальным страницам замелькали «лагеря» и «зэки» со

всем сопровождающим их литературным прикладом.

Есть и другой источник — журналистика, в которой начались расследования — поиски захоронений, мест массовых казней, расстрелов, широкимасштабной «деятельности»

ЧК—НКВД—КГБ. В газетах появлялись все новые и новые факты — о Куропатах под Минском, о Калитниковском кладбище в Москве, о «чекистских» заповедниках в пригородных зонах больших городов, об использовании в качестве «расстрельных центров» монастырей в городах малых.

Можно ли вообразить, чтобы все эти факты соединились в сознании современного писателя, дабы, как в случае с «Преступлением и наказанием» или «Бесами», газетная хроника стала импульсом для истинной литературы? Да, безусловно. Но для этого нужен талант, по крайней мере не меньше Достоевского.

А пока что иные из литераторов нашли свой способ: адаптации, выборки и компоновки мотивов, связанных с самыми болезненными точками нашей истории. Избыточная же «идеологичность» расчетливо декорируется легким флером эротичности.

Скажем, избирается сюжет, связанный с перезахоронением крупного ученого, погибшего в одном из сибирских лагерей. Остановившийся на данном сюжете литератор подбирает «команду» героев: железная старуха, которой, по моим расчетам, под девяносто (ибо она постоянно вспоминает свое дореволюционное гимназическое прошлое), до сих пор не поступающаяся коммунистическими принципами, продолжающая звать окружающих «товарищами»; ректор-карьерист с завышенными сексуальными потребностями; скромный доцент, карьеры в силу своего благородства не сделавший; молодая журналистка, готовая ради публикации книги на все, вплоть до пересыпа с вышеупомянутым ректором... Немного секса (но в меру!) в холодной Сибири увеличивает шансы на публикацию: «Ну все, уматывай, — шепнула Верочка, отталкивая мокрую волосатую грудь ректора, забиваясь в угол и шурша одеждой». Пестрая компания вступает в разговоры, персонажи изрекают истины, о которых писать скучно, ибо их содержание более чем банально. Для того чтобы текст хоть чем-то напоминал о литературе, журналистка пройдет «узкой походкой манекенщицы», в груди доцента шевельнется «глухая тоска»; а чтобы нравственное чувство читателя осталось удовлетворенным, на пятьдесят шестой год будет поставлен штамп: «время ненадежных перемен и неуверенных ожиданий».

Труп крупного ученого, сохранившийся благодаря вечной мерзлоте, погрузят в заранее приготовленный цинковый гроб. Что же прикажете делать дальше автору с его героями? А делать нечего: придется их всех, прошу прощения за каламбур, угробить, пустить с откоса, потому что повесть «По следу» ее автору Евгению Штенгелову («Октябрь», №6 1992) ведь чем-то надо заканчивать.

Гораздо плодотворней, когда «общие места» подвергаются сомнению, переосмысляются заново, когда за банальностью увидана парадоксальность.

В журнале «Грани» (№ 160, 1991, М., изд-во «Терра») напечатана повесть пока малоизвестной на родине, преподающей ныне в Гарварде Ирины Муравьевой «Ляля, Наташа, Тома...». Перед читателем проходят три параллельные женские судьбы, «пик» которых приходится на послевоенные годы. Эдакие «три сестры». Да еще отчасти — «тургеневские» девушки (из разоренных дворянских гнезд). А еще — при во-

споминании об одной из них вечно называют Анну Каренину. Литературщина, покривится читатель, и окажется не прав. И. Муравьева сознательно избирает жанр городского романа, в котором каждая из ее героинь имеет свою отчетливую мелодию. В повести удивительно верно для молодого автора — за малыми огрехами вроде неточного указания даты сооружения памятника Чайковскому — схвачена частная, семейная история на пересечении с историей «большой». Каждую из героинь колесо «большой» истории жестоко переезжает. В прозе И. Муравьевой присутствует цвет, запах, атмосфера времени; при этом она умеет через гомеопатическую, казалось бы, деталь передать состояние человека и его умонастроение, передать облик зимней Москвы начала 50-х — например, через мелочь (или ключ), звенящую в заштопанной варежке героини...

Однако вот такая «нехорошая» мысль сначала преследовала меня при чтении этой повести: зачем автору понадобилось в обязательном порядке инкрустировать живую ткань повествования «общими местами»? У героинь — непременно «дворянское» происхождение; у мужа одной из них, конечно же, еврея, — проблемы, связанные с его происхождением («борьба с космополитизмом»), у мужа другой — «чекистское» настоящее, возлюбленный третьей — безногий инвалид... Могло ли все так «сойтись» в реальной жизни — еврей и чекист, дворянство и «цыганская» кровь? Сама себе отвечаю: да, могло; но И. Муравьева строит сюжет парадоксально: «чекист» вместо того, чтобы злонамеренно вредить окружающим, сам вычеркивает себя из мира; не еврей страдает от борьбы с «космополитизмом», а его жена — безо всякого отношения к еврейской теме... Читательские ожидания не сбываются.

Однако это нарушение общепотребительного канона опять-таки парадоксально связано с возвращением к традиции — только более сложного порядка.

Оставим «общие места» для газетной публицистики. Впрочем, не только у меня складывается впечатление, что и там они давно уж отцвели.

Тем более — ожидать их повторного цветения в литературе есть дело безнадежное.

ИДЕЯ!

ПОДАРИТЕ
ДОКТОРУ

его профессиональную

"МЕДИЦИНСКУЮ ГАЗЕТУ"

К подписной квитанции можно приложить букет или один цветок.
Это интеллигентный и очень ценный подарок!

Ф. сп-1

Министерство связи РФ

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету

50075

«МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА»

(индекс издания)

Количество комплектов

1

на 199 год по месяцам:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

на газету

50075

(индекс издания)

ПВ место литер

«МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА»

Стоимость	водный перенос	руб.	коп.	Количество комплектов	?
		руб.	коп.		

на 199 год по месяцам:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Не зная домашнего адреса, подписку оформляйте на адрес
лечебного учреждения.

ВНИМАНИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ!

ЭФФЕКТИВНОЕ РЕШЕНИЕ ТЕЛЕФОННЫХ ПРОБЛЕМ ДЛЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА —
ЭТО МИНИ-АТС:— отечественного производства — 1/4 (21 т.руб.);
2/8 (31 т.руб.)— итальянского производства — на 10 линий (1600 дол.США)
и 20 линий (2600 дол.США) в произвольной
конфигурации и внешних, и внутренних линий.По желанию заказчика мини-АТС комплектуются телефонными аппаратами.
Установка «под ключ», гарантийное и послегарантийное обслуживание.
Вес цены даны с учетом НДС.

Контактный телефон: 928-99-09

Андрею Назарову около пятидесяти, и его биографию можно считать среднестатистической для литератора его поколения, невостробованного нашим не скудным на людей отечеством. Канва ее такова: в середине 60-х — первые журнальные публикации; в 70-м — диплом Литинститута, кузницы кадров для «советской многонациональной»; после — чуть не весь дежурный набор диссидентско-писательских профессий: грузчик, лифтер, разнорабочий, шабашник, лесоруб; в 81-м — эмиграция в Данию. На Западе печатался в русскоязычных изданиях в США и Германии, зарабатывая на жизнь передачами для «Русской службы» Би-би-си и радио «Свобода», и только в 91-м московское издательство «Радуга» опубликовало его роман «Песочный дом». Дальше — несколько непривычный поворот этого распространенного жизненного сюжета. Как ни анекдотичны стали уже упоминания о том, кто и где был в те три августовских дня, но без них тут не обойтись. Именно 18 августа прошлого года, после десятилетнего отсутствия, Андрей Назаров прилетел в Москву из Копенгагена, чтобы приступить к съемкам фильма под названием «Позитив», посвященного теме эмиграции. И тут, как известно, родной, вечно ожидаемый и вечно неожиданный «негатив» не заставил себя ждать. Правда, срочно снимать фильм о защитниках «Белого дома», как сделали многие, он не стал и спустя неделю продолжил работу над задуманным. А весной этого года решил окончательно перебраться обратно на родину. Кажется, твердо и без особых иллюзий. Учитывая почти полную безвестность Андрея Назарова для отечественного читателя, вполне понятно желание автора несколько пояснить истоки своих произведений в предлагаемом эссе.

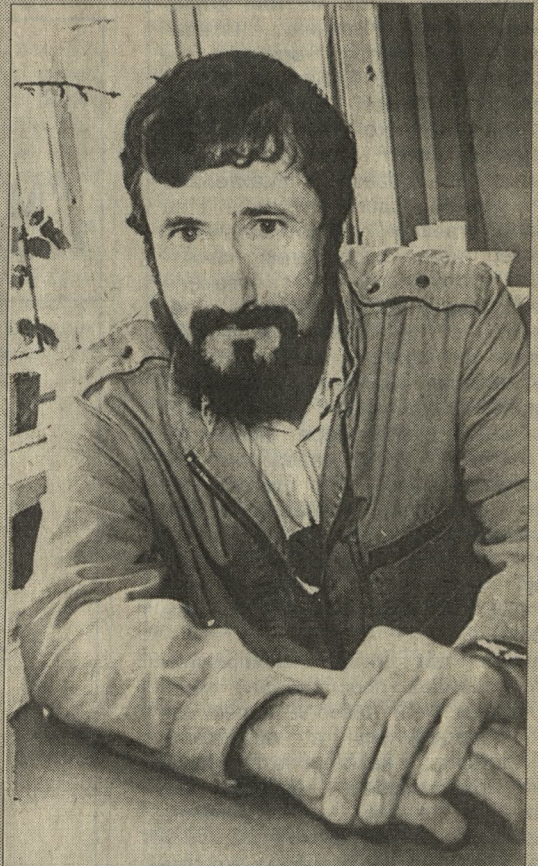

Фото Э.Кудрявického

Андрей НАЗАРОВ

Текст о Тексте

Романтической фигурой послевоенного детства был вор в законе — предприимчивый и бесстрашный насильник, не признающий насилия власти. В стране, чей духовный пейзаж был вытопан в лагерный плац, порывы поколения к свободе принимали самые преступные формы. Дети войны, взрослевшие быстрее и беспощаднее мальчиков Достоевского, отстаивали себя заточенными ножовками и очень рано были рассеяны по лагерям, приведены к безвестной и бесславной гибели. Это их судьбы кричали, хрипели,

молили о себе голосом Высоцкого.

Юность всегда талантлива, а дар, не нашедший воплощения, разрушителен. Русская литература, когда-то ставившая столь мучительные для юности проклятые вопросы бытия, более вопросами не задавалась, поскольку уже все знала и на «тварь я дрожащая или право имею?» твердо ответила «Кавалером Золотой Звезды». В монолите сталинского общества человек оказался космически одинок и обезьязычен. Когда я пишу образы детства, то вынужден удерживать мысли своих персонажей во

внутренних монологах, которые они не умеют и не рискуют высказать вслух. Сознание, замкнутое в себе самом, мечется в духовном застенке, толкая на непредсказуемые, преступные поступки.

На фоне криминальной действительности детства вещим сном проступали культурные и духовные ценности бытия, которые до многих из нас донесли бабушки. Через бесплодную пустошь они пронесли отсвет иного мира, еще не поглощенного немотой и страхом. Женщина в России — хранительница предания, исторической и куль-

турной памяти.

Мне повезло, меня воспитывали бабушки — неуступчивые и непростившие вдовы. Это от них я воспринял, что верность павшим и оболганным есть высшая доблесть человеческого сердца и что песни победенных прекрасней песен победителей. В их рассказах составляли из пепла образы прошлого — герои его, жертвы и преступники, и история становилась реальностью, действующим лицом жизни, а потом и поэзы.

Говоря о детстве, о том, из чего складывалось восприятие мира, я говорю и о своей прозе, главным образом о романе «Песочный дом», поскольку текст и судьба неотрывны. Персонажи романа проходят через катастрофы русской истории, где одна лишь языческая страсть к жизни не спасает, где требуется полное напряжение духовных сил. А российская действительность — чередование войн, голода и террора — дает богатый набор таких катастрофических периодов.

Исторический фон повествования создается ощущением нерасторжимости бытия, надвременной связи всего сущего в мире. Меня это переживание настигло внезапно, когда однажды с забора воинской части я увидел разлившуюся Оку, которая перетекла за горизонт и одним огромным охватом соединила меня с сожженной татарами старой Рязанью, смыв столетия, отделявшие меня от разрушения города. Там, на заборе, я и почувствовал, насколько условно ограничен человек мгновением собственной жизни, насколько сама попытка жизни предполагает выход за пределы частного опыта.

Поэтому моими первыми текстами стали рассказы о детях, в которых, мне кажется, в самом чистом виде сочетается прошлое с будущим. Но писание подобных рассказов не могло, конечно, стать профессией в стране, где писатели — все эти винтики, шпунтики и приводные ремни политики партии — выкраивали из людей новую историческую общность рабов без рода и племени.

Писательство как личное духовное делание неизбежно выталкивало из советского социума, и надо было обладать раскольничьей верой в необходимость и правоту своего труда, чтобы устоять на обочине. Жизнь мстит за отпадение, только успевай озираться: не оступись на сходнях с мороженой тушей на спине, не сорвись, карабкаясь на горный хребет с протонными магнитометрами, не промах-

нись, выбивая обухом ствол из завала деревьев, которые понавешал друг на друга пьяный вальщик...

Мое поколение, нечаянно миновавшее лагерь, искало себя в странствиях по российским просторам.

— Нам платят за эмоции! — кричит из прошлого кто-то голый по пояс с кровавыми следами лямок.

— А мы платим за свободу! — отвечает ему кто-то навьюченный кладью, скрываясь в уральской тайге.

Но свобода писателя осуществляется лишь в его тексте, в новой реальности, непереказываемой, как живопись или музыка. Художественное произведение не исчерпывается фабулой, и сама фактографическая точность его, как правило, сомнительна, в чем легко убедиться, просмотрев замечания князя Вяземского, поэта и участника Бородинского сражения, о «Войне и мире» Толстого. Однако критика Вяземского известна лишь специалистам, а войну двенадцатого года многие поколения воспринимают такой, как она воссоздана Толстым. Искусство обладает мистификаторской силой, но безусловно оно только в пространстве произведения. К действительности же оно относится, скорее, как метод познания, наиболее приложимый именно к России — стране твоей родовой привязанности, твоей речи и боли.

Меня поразило когда-то высказывание убежденного материалиста физиолога Сеченова о нравственном мотиве познания, переключка этой мысли с учением святоотеческой литературы о том, что только любовь раскрывает глубины личности и позволяет отделить человека от греха и падения его.

Сорванные с корней исторического бытия, загнанные под крышу песочного дома советской власти, персонажи моей жизни искали духовного выхода в тексте. Они распрямлялись в нем, разрушая навязанные представления о литературе.

Долгие годы над лестничной площадкой Литературного института висел лозунг, содержавший высказывание основоположника соцреализма о том, что, прежде чем садиться писать, он, Горький, всегда решает — кому, что, куда, а также для кого он пишет. Основоположник настолько хорошо знал, кому и куда, что внушил непреходящее отвращение ко всякой заданности в искусстве — независимо от того, диктуется ли она социальным заказом или собственным мировоззрением автора. Неподвижная

нравственная идея, овладевшая художником, мнет под себя живую ткань текста, губит его.

Русское сознание поляризовано и в проявлениях своих простерто от благодати до зверства. На одном его полюсе — стремление спрятаться в лоно тысячелетнего царства, под сильную руку власти — стремление архаическое, идущее, мне кажется, от страха рассеяния, которому когда-то так полно отвечала власть Иоаннов. А на обратном полюсе — огульное отрицание всех исторических и духовных основ национального бытия.

Между этими крайностями и мечется русское самосознание, порождая фантазмагорические его формы, обращая действительность в хаос, смуту, междуусобицу. Весь этот бред расщепленного сознания — порождение странных мечтаний и насильственной действительности — с той или иной силой отражает каждый художник. Ему остается лишь верно наметить природу персонажей, а там, в пространстве текста, они сами осуществляют себя во всей полноте личности, в нравственном страдании — наиболее внятном свидетельстве жизни, — в свете и звуке, в метафизической глубине, проглядывающей сквозь каждую человеческую судьбу.

Творчество, как я его понимаю и как мучаюсь им, есть преодоление хаоса, то усилие, которым несочетаемые идеи и представления персонажей гармонизируются в тексте.

Внутренняя соразмерность текста есть победа художника над распадом собственного сознания — быть может, единственная его победа.

Далее текст отчуждается и остается вынесенным на суд персонажей, иногда далеко отстоящих во времени. Литература минувшего века до сих пор дает повод обвинять ее в создании карикатур на человека и общество, поскольку искажала русскую действительность, увидев ее сквозь слезы сострадания. В наши же супертрагические времена взгляд ее все чаще завлакивает ужас грядущего апокалипсиса.

Но сквозь какую бы призму ни всматривалась в жизнь русская литература, внутреннее ее деление всегда восходит к изображению Медного змия — образа греха и отпадения человека от Бога. Медного змия, которого Моисей выставил на зная, чтобы каждый ужасленный, взглянув на змия, оставался жив.

Апрель 1991г.

Копенгаген

в будущем — мастеров (Вальтер Гропиус, Ле Корбюзье, Март Стам и др.), а знаменитая организация Deutscher Werkbund предложила им возвести в рамках строительной выставки поселок, достойный нового времени. Каждый приглашенный получил заказ и смог показать, как должны выглядеть дома XX века и как в них следует жить.

«Как жить?» — спрашивал плакат выставки проектов. Жирным «X» («как жить не надо») были перечеркнуты славные и уютные приметы мещанско-

Адольфа Шнека), не простили ему этого до сих пор.

Возле домов поселка Вайсенхоф в конце 20-х годов фирма «Даймлер-Бенц» фотографировала свои новейшие модели. Теперь автомобили устарели, как и лица манекенщиц. Дома — нет. Они стерильны и изысканны, словно алюминиево-стеклянный сон модернизма.

Нельзя было только впускать сюда людей с их странными и старомодными вкусами. Это многое испортило, и на современных фотографиях мы

ЗАПОВЕДНИК МОДЕРНИЗМА

Будущее в прошедшем — время для русского языка невысказанное. Но именно в нем приходится рассказывать о строительстве поселка Вайсенхоф близ Штутгарта. В священных книгах архитектурного модернизма это — чтимая история. Остальные ее справедливо не знают. Для них Институт международных связей (Германия) и московский Музей архитектуры организовали выставку «Поселок Вайсенхоф. Жилой дом XX века».

Вот сюжет: в 1923-м Людвиг Мис ван дер Роз (один из величайших — в будущем — архитекторов нашего столетия) пригласил семнадцать крупных, великих или величайших — тоже

го быта. «Ваша квартира должна быть светлой и просторной! Большие окна, террасы-сады на плоской крыше, удобства для солнечных ванн...»

В поселке, выстроенном в очень короткий срок, с 1 марта по 23 июля 1927 года, были только образцовые дома, дома-модели, где продумывалось все: от установки газовой плиты до крючка на вешалке. Что не помешало, впрочем, великому Ле Корбюзье просчитаться в крутизне склона и «потерять» целый этаж. Немцы, увлекавшиеся специальными верандами для занятий физкультурой (скромное новшество штутгартца

уже видим гостиные, уставленные той самой мебелью, которую так решительно перечеркивали плакаты 1927 года.

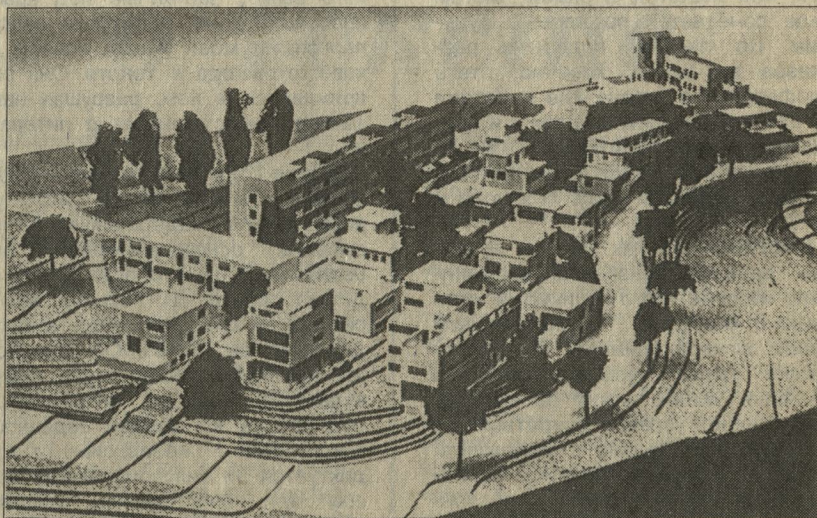
Такова судьба всех образцовых поселков XX века, кто бы и где бы ни строил их, и именно по этому поводу великий Ле Корбюзье — в будущем — скажет: «Жизнь всегда права, а архитектор не прав».

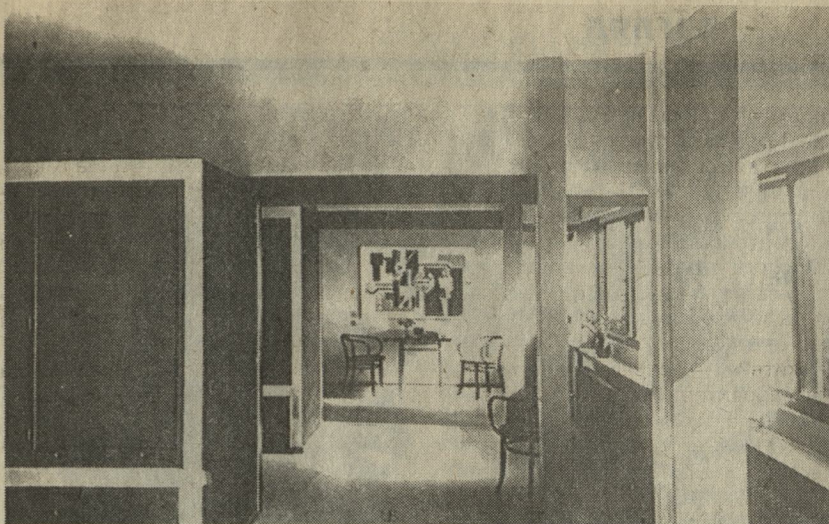
Сформулированный Мисом ван дер Роз заказ «дом для интеллигентного среднего класса» был достаточно спорным. По сути, не имея клиента, каждый делал дом на свой вкус. Ко-му, кроме их авторов, были бы в пору

Ле Корбюзье и Мис ван дер Роз при осмотре территории поселка, 1926

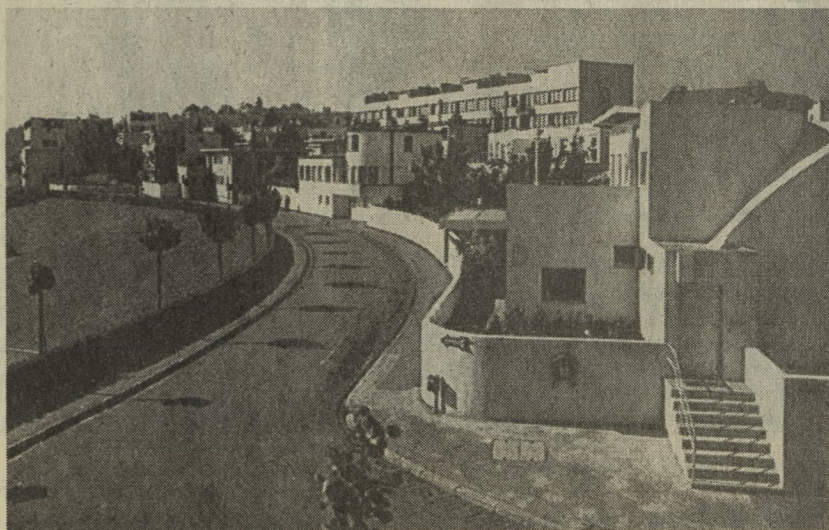

Макет поселка Вайсенхоф

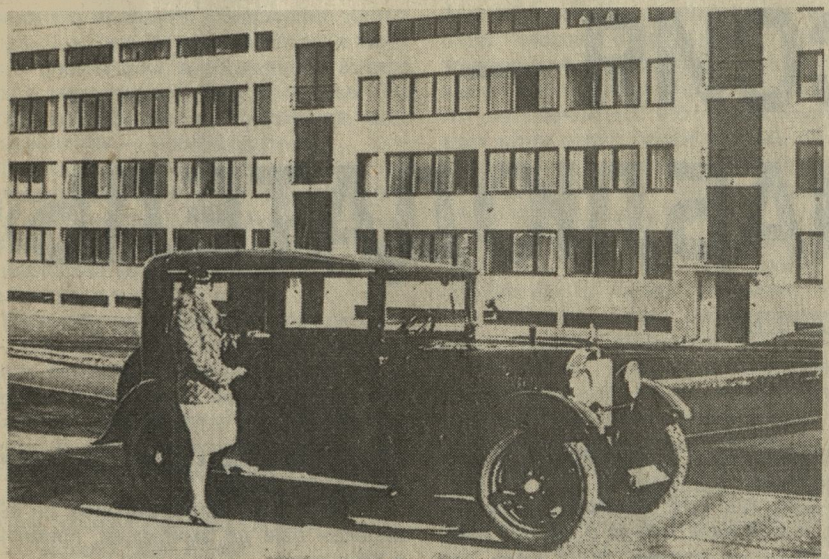

Жилая комната в доме
Ле Корбюзье и П.Жаннере, 1927

Вид поселка Вайсенхоф, 1927

Мис ван дер Роë, жилой блок для сдачи в наем.
Лимузин фирмы Даймлер-Бенц, 1928

«Как жить в квартире?»
Карикатура Х.Робинсон

эти двух- и трехэтажные манифесты нового стиля?

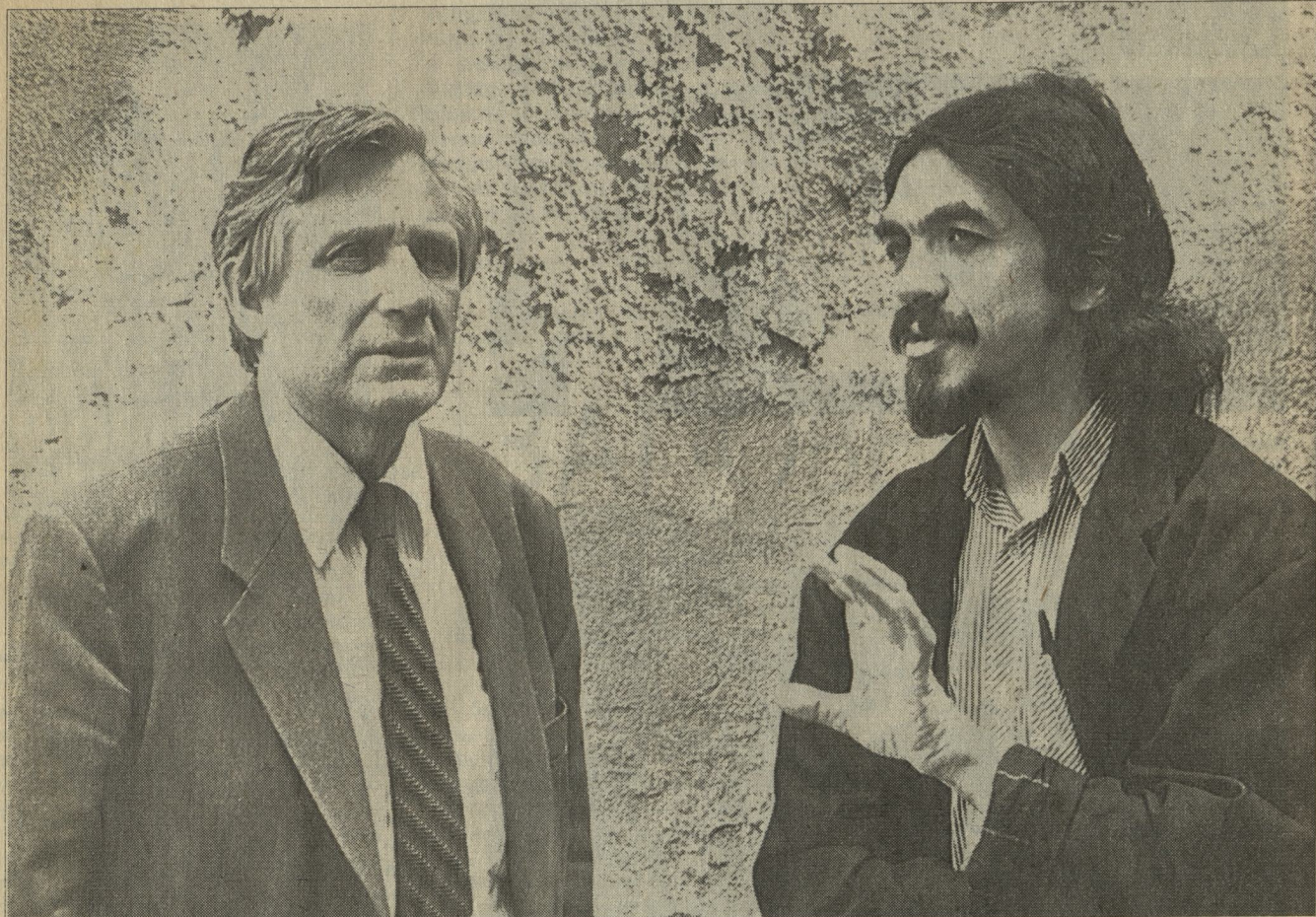
Как бы замечательно они там зажили! Какие бы увлекательные беседы вели по вечерам на крышах-террасах своих жилищ Вальтер Гропиус с Ле Корбюзье, наблюдая гимнастику Адольфа Шнека на свежем воздухе! Какие бы грандиозные планы геометризации мира строились здесь!

Все-таки они явно были компанией заговорщиков, Международных Заговорщиков. Два швейцарца (или француза? — Корбюзье сделал свой выбор давно, еще в 1917 году он ответил чиновнику, спросившему, на какой срок архитектор желает получить французский паспорт: «Навсегда»), один бельгиец, один австриец, два голландца и остальные — немцы. Младшему (Март Стам) — двадцать восемь, старшему (Ганс Пельциг) — пятьдесят восемь. Вот они — рядом с приличными господами в цилиндрах, фраках и двубортных пиджаках, ходят, эпатируя их своими вызывающими смокингами, бабочками и слишком американскими круглыми очками.

Гропиус в 1924 году назвал свою книгу «Интернациональная архитектура». Он оказался прав — и даже более. В 1937-м на праздновании Дня искусств Гитлер припомнит абстракционистам без родины и нации «варварские демонстрации маньяков от искусства». Строители, даже не успев составить проект новой Вавилонской башни, будут рассеяны по миру. Гропиус, Мис ван дер Роë, Людвиг Гильберсаймер окажутся в Америке, Макс Таут — в Турции, Йозеф Франк — в Швеции, Адольф Радинг — в Израиле. Кое-кто попытается укрыться в Москве, но и в России в середине 30-х модернисты лишатся отечества.

Впрочем, будущее было к ним благосклонно. Они жили долго и счастливо, они были авторитетны — даже не как служители, а как сами боги. И они умерли на рубеже семидесятых: раньше, чем модернистов снова начали ругать.

Алексей ТАРХАНОВ

Ю.Мамлеев и М.Поздняев

Фото В.Шишова

Писатель Юрий МАМЛЕЕВ:

«ПРОФЕССИЯ — НАБЛЮДАТЕЛЬ»

Беседу ведет обозреватель «Столицы»
Михаил Поздняев

— Юрий Витальевич, я совсем не хочу в нашей беседе выпытывать у вас, кто вы, да откуда, да почему уехали, да почему нынче вернулись — ведь так можно сказать уже?..

— Да, я несколько раз приезжал в Россию, и надолго в это вот последнее время, и внутренне для себя так сегодня определяю, что живу здесь,

на родине, хотя у меня есть и дом, и дела за ее рубежами.

—...ну, так вот: надеюсь, и читать вас, и узнавать что-то о вашей жизни здесь, на родине, будут день ото дня все больше; а я бы хотел отталкиваться от конкретной публикации в «Столице» — рассказа «Голос из Ничто» (см. «Столицу», №

29. — *Ред.*) Он, кстати, где был написан, на Западе?

— Нет. Это давний рассказ, он был написан еще до эмиграции, примерно в 64-м году.

— Вы когда узнали, что мы отобрали для публикации именно этот текст, то выразили удовлетворение в связи с тем, что для вас это рас-

сказ принципиальный, один из главных в вашей творческой судьбе. Многие считают вас все-таки очень русским писателем, многие относят всецело к авангарду, к традициям XX столетия, а это — традиции, коренящиеся в западноевропейской культурной почве... Мне так в рассказе очевидно было влияние Достоевского — и дело даже не в том, что вдруг выясняется, что фамилия одного из двух героев — Верховенский, а в том, что его диалог с тем, кого автор именует Ангелом, поразительным образом напоминает беседу Ивана Карамазова с Чертом. Я не желаю проводить никаких параллелей, но просто предполагаю, что многих современников Достоевского эта и ряд других сцен романа сильно шокировали. Мы за два года после отмены цензуры на своем книжном рынке принюхались, кажется, ко всему; но не боитесь ли вы очень жесткой реакции на эту публикацию? Наши патриоты, играющие в православных, и православные, мнящие себя единственными патриотами, разумеется, не слишком почитают аятоллу Хомейни... а все же — как бы вас не упрекнули в оскорблении, причем предумышленном, традиционного российского сознания, целомудрия и чего-нибудь еще?

— Вы в одной из наших бесед к месту вспомнили, что есть две оценки художественного творчества, искусства — или искусство — это врачевание или же это боль, болезнь. Я придерживаюсь, кажется, третьей точки зрения — а именно, что искусство для меня является средством познания. Но познания совершенно иного рода, чем оно осуществляется в науке, в философии, в социальной жизни или в метафизике. Это во-первых. То есть моя позиция как художника, мой род занятий — я наблюдатель.

Притом — никак, нисколько не отождествляющий себя с наблюдаемой реальностью. Надо сказать — и я это знаю хорошо, — что такая позиция в искусстве может выглядеть довольно беспощадной.

Если для вас искусство, литература — это только нравственное орудие, тогда вы привносите свои моральные оценки и невольно или волюно исправляете реальность по желаемому курсу. А если искусство для вас — особый вид познания мира, в том числе неизвестного, скрытого в мироздании, каких-то темных бездн...

— Черных дыр души.

—...да, именно. Всего, одним словом, заведомо малосимпатичного. Здесь, при определенном видении человека, могут приоткрываться самые страшные черты реальности — о чем

большинство из нас всю жизнь предпочитает не задумываться.

Вы сказали о специфическом русском видении. Но то, что вы подразумеваете, тот, как у нас теперь принято выражаться, менталитет — это все наносные слои нашего века. Это не русское видение, а советское, навсез заданное, заидеологизированное. Русское искусство — и прошлого, и позапрошлого веков, тем более средневековое, — потрясает именно бесстрашием в подходе к темам бытия, а не быта.

Недаром о Достоевском писали «жесточкий талант» — слово «жесточкий» здесь равновелико слову «талант». Оно его как будто уравнивает — и именно такое было восприятие современников: не надо воспринимать эту формулу как-то отвлеченно. Жесточкость — это жесточность...

Теперь — еще такой важный момент, который даст ключ к объяснению этого рассказа и отчасти моего творческого метода.

Если литература — действительно вид познания, то отчего же в нашей классике конца XIX века и в нашем веке так часто, даже главным образом, внимание настоящих, больших писателей притянато было к темным сторонам жизни, почему — не на исследование гармоничного человека, как пытался это сделать Гёте?

— Или Пушкин.

— Совершенно верно. Или даже Толстой...

Ответ на этот вопрос зависит, мне кажется, от двух моментов. С одной стороны — такое Время. Это — страшная пора истории, даже в глобальном смысле, а не только в России. Можно сказать, это история тяжелой психической болезни и бесконечных попыток самоубийств всего человечества. Но существует и еще один ответ, более тонкий. Он говорит о том, что такого рода познание — все-таки не что-то холодно-отвлеченное, как в науке. И в таком видении писатель — в отличие от ученого — не волен. Он словно бы рождается с таким разрезом глаз. Это видение может меняться, но от него трудно избавиться. Оно может даже очень сильно и болезненно отличаться от моих человеческих взглядов, моральных свойств — это все-таки очень разные две вещи: образ художника и его личность как человека. И этот парадокс, мне кажется, очень заострился в нашем веке и в нашем отечестве.

— Да, это замечательное наблюдение. Я подумал сейчас, как часто этот парадокс оборачивается трагедией для писателей, художников, музыкантов. Наверное, это обстоя-

тельство подсознательно чувствовал Андрей Синявский, именно из художественских, эстетических соображений, а отнюдь не (или не столько) из соображений политических, прикрываясь псевдонимом Абрам Терц, — а все равно не могло, и даже еще хуже получилось, когда псевдоним был раскрыт: зачем, мол, интеллигентному русаку прикрываться именем Яришки-еврея из блатной песенки! Я предполагаю, что это имя возмутило судей на процессе Синявского и Даниэля ничуть не менее, чем проза Синявского, изданная на Западе, — совершенно аполитичная, по-моему, но вызывающая по форме, по «разрезу глаз», как вы выразились. И трагедия нашей художественной эмиграции — именно в том, что причина исхода не какие-то неодолимые политические разногласия, а то, что в любой момент какой-нибудь маленький хрущев, как большой и настоящий Хрущев в Манеже, тебе может в лоб залепить: «Ну ты, пидарас! Ты чо, бабу не видел, не знаешь, как ее надо рисовать, откуда у ней чего растет?» Это штука — посильней «Фауста» Гёте...

— И это как раз демонстрирует лишний раз, что природа искусства — спонтанная, что она вся простирается именно в области парадоксов. Но и еще — это последнее, что я хотел бы вам сказать по этому вопросу, и, кстати, я подробнее высказался в своей философской работе «Метафизика искусства», — пожалуй, главное: художник, писатель не есть идеологический работник. И даже не философ. И даже не мыслитель. Он волен преломить некую систему или доктрину таким образом, как она ему видится. Но. Это не будет обязательно совпадать с его мировоззрением в целом, мировоззрением вообще. Можно себе вполне представить художника, который, сочиняя роман, берет какую-то громоздкую систему — допустим, гегельянскую, и препарирует ее, выражает в характерах и обстоятельствах, делая притом какие-то свои выводы. Но ведь это еще не значит, что он — гегельянец. Для него эта философская система — такой же объект художественного творчества, как люди, ситуации, политические и исторические реалии, наконец, и язык, на котором он мыслит и пишет. И в рассказе «Голос из Ничто» как раз не изображена моя личная философия, мое личное отношение к моральным и духовным ценностям. Кого интересует не литература, а мои философские устремления, может прочесть мою книгу «Судьбы Бытия», часть которой напечатана за границей, а целиком она готовится к

изданию здесь. А в рассказе взята азбучная схема знаменитого учения об Абсолюте, имеющего аналоги как у индусов, так и у европейцев, — и изложена с определенной точки зрения, применительно к ситуации и действующим в ней характерам. Это не значит, что я, Мамлеев, — адепт того философского круговорота, который дал толчок к моделированию в художественном сочинении ситуации, предполагающей, что Абсолют стремится к нулю, что акт творения есть акт самоуничтожения Творца. Конечно, эту концепцию не следует принимать всерьез как образ мысли, как некое убеждение. Это — взгляд на действительность с одной из множества точек зрения. Наблюдение ее в ракурсе, который мне, человеку, может быть и неудобен, и неприятен даже... но как писателя меня привлекает, интересует. Если хотите секрет — эта точка зрения образовалась из всего того, что нам с вами слишком знакомо, а тогда, когда писался рассказ, это просто в воздухе витало. И хотя в рассказе все это облачено в форму притчи, обыграно в плане тотального падения тварей Божиих в бездну, в ничто — а в основе та мысль, что нам в нашем веке пришлось пережить слишком много страданий. Вы знаете, разумеется, такое предположение — оно высказано не только отцами христианства, но и других различных религий, — что Бог все же не посылает людям страданий, которые превышали бы меру терпения. Но мы живем в таком веке, который показал, что все-таки нет, бывают исключения и из подобных правил.

— В связи с тем, что вы говорили... Наверное, вы обратили внимание на статью Виктора Ерофеева «Поминки по советской литературе» — в «Литгазете», где она была напечатана, и в других изданиях появилось несколько десятков откликов, большей частью раздраженных. Для меня такая реакция была подтверждением не какой-то безусловной правоты Ерофеева — я как раз сомневаюсь, что метод соцреализма похоронен, и убежден: многое из вышедшего за годы «перестройки» и то, что еще выйдет, — типичный Анатолий Иванов... просто Анатолий Иванов — сталинист (или там Стаднюк — без разницы), а это — антисталинисты. В буре откликов я расслышал страх остаться без мудрого руководства. Наша советская литература была по преимуществу вероучительная, по своему отталкивающая от Толстого, но держащая в памяти тот момент, что парторг — еще умнее... Это я к вам, Юрий Витальевич, по-

кошачьи подкрадываюсь; а вопрос — такой. Насколько вы себя сегодня ощущаете советским писателем? Не брать же в качестве аргумента то, что вы эмигрант, что у вас — американский паспорт, жилье в Париже эт сетера, эт сетера. К вопросу о месте жительства вообще нам пора относиться не как сегодня относятся во всем мире — мой знакомый, итальянец, работающий в Мюнхене на радио «Свобода», когда я его спросил, как ему дались эти двадцать лет вне родины, ответил, пожав плечами: «Нормально, нормально, да!» — нам бы относиться к этой остросовременной проблеме, как относились Жуковский, Гоголь, Герцен, Тургенев, Достоевский... Наверное, они что-то и теряли, но и как обогащалось их представление о том, что есть Россия!

— Видите, что я мог бы вам сказать — по порядку. Конечно, я согласен с тем, что советская литература как таковая закончилась. Ваши предположения, может быть, не лишены оснований, но то, что нет такой страны, нет как такового Союза советских писателей и нет, наконец, мощного книгопромышленного комплекса, какой был, — это просто объективный факт. Не думаю, чтобы у писателей, которых вы имели в виду, было какое-то будущее. Это агония.

Надо еще разобраться в терминологии — что такое «советский писатель». Одно дело — советский просто по воззрениям, другое — писатель, в силу рождения живущий в этой стране в советское время. Андрея Платонова трудно назвать советским писателем. Естественно, что каждый как-то вынужден был отзывать на эту советскую реальность, иногда — неудачно, иногда — даже допуская компромисс, но в своей основе Булгаков или Ахматова были все же русскими писателями — как те, кто жил за сто лет до них, кого они боготворили...

— Что отчасти есть указание на правоту Достоевского о всечеловечности истинно русской литературы — она всегда была распахнута на все стороны света, всегда питалась соками, пропитывающими мировую культуру.

— Да, если что и отличало настоящего советскую литературу, то это ее изоляционизм. И лучшее, что у нас было в прошлом веке, необычайно включено в то, что протекало параллельно в европейской культуре, — можно просто устраивать цикл параллельных чтений; Пушкин едва ли не больше читал новинок, выходящих в Париже, чем русской периодики.

Вот теперь железный занавес рух-

нул — и все прочие переборки и стенки. Сразу стало ясно, как тут было затхло. И наступило удивительное ощущение: что мы — не сами по себе, а одни из множества.

— Я, знаете, для себя даже как-то по-новому осмыслил тот факт, что у нас, «лучших в мире», — всего пять писателей — Нобелевских лауреатов, из коих двое — эмигранты, один — был выслан, и еще одного — едва не выслали.

— И мы, заметьте, не слишком это переживали: зато у нас Шолохов! И вот, мне кажется, советскую литературу отличал эдакий утопизм, утопический максимализм. Она описывала то, что должно быть в идеале, а не то, что есть, как оно видится конкретному, единственному в своем роде человеку. Она была литературой преимущественно мифологической, занимаюсь навеиванием золотых снов. И то каких-то странных, пародийных — не битва гигантов, а война мышей и лягушек. И, конечно же, как только последние массы граждан перестали в эти идеи верить, все, чему противостояла истинная русская литература, само собой отпало — еще задолго до физической смены власти в стране.

— Юрий Витальевич, но все равно вырисовывается как будто бы политическая схема. Мы же не можем так говорить — от и до, с октября 17-го до декабря 91-го была советская литература, длинная такая пауза, а теперь продолжается прерванная традиция, — это ведь не так!

— Вы абсолютно правы. Для меня советская литература начинается с такого писателя, как Чернышевский. Это для меня безусловно. Во всей нашей литературе прошлого века — ничего подобного производственным романам двадцатых или пятидесятых годов, и это как будто и естественно. Но вот — в семье не без урода. Он возник ну в каком-то совершенном отрыве от всего, чем жила русская проза в золотом девятнадцатом веке, а в результате эта и исключительно эта линия ушла в то направление, в аппендикс такой, которым является советская литература.

Если говорить о советских классиках — большинство из них родилось и было воспитано все-таки до революции, и появление этой плеяды — а имена можно вспомнить очень значительные! — в действительности было последним выбросом нашего литературного ренессанса XIX века. После войны эта линия зачахла, а теперь это вообще все кончилось. И несмотря на весь ужас террора, которому мы были подвергнуты не только физически, но и духовно, я полагаю, мы уже

ничем не связаны с тем, с чем действительно порвали. И начат совсем новый период в истории нашей литературы — такое длинное-длинное уравнение со множеством неизвестных... Все — и кто печатался, и кто не печатался, и кто был в чести, и кто не был, и кто жил в России, и кто в эмиграции, — все на нуле или на новой стартовой линии. В литературе, как и вообще в нашей истории, сейчас момент накопления сил, собирания с силами.

— А еще неизвестно — хватит ли их, не сорвемся ли в пропасть...

— Может случиться и такое, потому что очень чувствуется — и я сам это чувствую — глубокая, глубокая усталость. Я это чувствую — значит, я чувствую себя частью этого целого, которое по-разному можно назвать. Можно назвать и так — советский период русской истории. Или — советский период русской литературы. А предпочитаю, чтобы все-таки слово «советский» понималось в спорах о литературе хронологически.

— Тогда такой еще вопрос. В духовном состоянии человека бывает такой момент, когда он или должен прыгнуть выше головы — или упасть на дно пропасти, или прошибить лбом стену — или убиться от этого удара. Все тут зависит, кроме милости Божией, еще от веры человека, что еще не вечер, не все пропало. Сейчас усталость, которая накопилась в нашем обществе, так или иначе ощутима и во всеми мире?

— Это абсолютно точно. Я сам свидетель этому. Эсхатологическое настроение, предощущение смутного конца — оно всемирно.

— Так вот — простительно ли, позволительно ли будет для нашей словесности дальнейшее обращение в себя, в корень своих болячек, которые ведь, по- существу, должны быть предметом рассмотрения в нашей публицистике, в политических и социальных науках, — хотя это вместе со всеми должен и писатель как-то переваривать... но все же не настал ли для художника в России момент обращения вовне — в проблемы общемировые, космогонические, в проблемы самосохранения цивилизации, духовного состояния человечества, экологии культуры, экологии культурного общества — то есть в проблемы, стоящие высоко над политикой.

— Я здесь с вами полностью согласен, тем более, что это все тоже складывается в лучшие и глубинные традиции русской литературы. В ней удивительно сплеталось, взаимно дополнялось насущное и вневременное: тот же Достоевский написал полити-

ческий роман-пророчество «Бесы» — и «Братьев Карамазовых», это как бы евангелие нашей литературы. И сейчас должно произойти то же самое: кризис политический в России протекает на фоне общемирового космологического кризиса, кризиса отношений между космосом и человеком. Или такая проблема, которая все больше выступает вперед, — необходимость более серьезного исследования самого феномена человека. Я думаю, можно кое-что рассказать о человеке и просто выйдя из метро и пройдя вдоль одного из этих московских торжищ, где чего-чего только не увидишь и не услышишь... Но этого все-таки мало, мало. Как мало столь стремительной возможности для каждого из нас купить все это — все, что можно купить за границей, были бы деньги. Это экзотично — но это чрезвычайно бедная пища для писателя, призванного на рубеже не веков, а уже тысячелетий задуматься о нераскрытых возможностях человека, о его контактах с так называемым «потусторонним миром», с «параллельными мирами», выражаясь современным языком, — по сути тем, чем занимался писатель полтысячи и тысячу лет назад, — это ли не перспектива для нас, попавших в аппендикс, который наконец-то прорвало, и, кажется, есть надежда избежать... как это называется — перитонита?

То есть нужно подумать о возрастании человека, о расширении его возможностей. Знаете, когда жидкость со всех сторон сдавливается, ей ничего другого не остается, как пойти вверх, устремиться вертикально ввысь.

С другой стороны, очень современным и своевременным может стать для русской литературы прыжок в древность.

— В каком-то смысле — мифологизация современности? Это, вослед за Маркесом, пытались лет десять-пятнадцать делать сразу несколько писателей — Анатолий Ким, например; но как-то оно осталось эпизодом, таким сугубо формальным течением.

— Оттого, быть может, что мы до сих пор плохо понимаем одну вещь: древние имели, в отличие от нас, совершенно удивительную и глобальную концепцию о космологической структуре человека, его духовной природы и его тела. Многие последние научные открытия — просто подтверждают этот взгляд на человека из древности.

Так что поле взглядов — очень широкое: это и взаимное приглядывание друг к другу Востока и Запада, и глубоко понятное, вскрытое прошлое, и воспоминание собственных тради-

ций. Ситуация для литературы необычайно интересная — но пройти этот путь можно лишь через собственный, уникальный, индивидуальный опыт. Тогда это все и станет частью художественного творчества.

— Если говорить о личном опыте — я не буду говорить: «человеческом», это бестактно, да потом и можно примерно представить, но каков ваш писательский, художнический опыт возвращения в новую Россию — и что вас вдохновляет?

— Вы знаете, в эмиграции мой писательский опыт претерпел очень серьезные изменения. Кроме моей основной, можно так выразиться, сюрреально-реалистической линии, прибавилось еще две ветки. Одна — чисто реалистическая — это полнее всего выражено в романе «Московский гамбит», поскольку там я просто захотел изобразить без причуд фантастическую реальность подпольной жизни интеллигенции 70-х годов, — для нас-то все было очень буднично, никакой фантастики! Но западные наблюдатели рассматривали этот роман как сатирическую фантастику или социальную фантастику с предельно заостренной психологической точкой зрения. Они думали, что таких людей, какие сформировались в те годы в Союзе, — их просто не может быть в природе...

И вторая приобретенная на Западе новая линия моего творчества — основанная на мифологии, на легендах... Вот выясняется, что эмиграция меня не иссушила, но, напротив, привнесла дополнительные ракурсы в мой взгляд на мир.

А теперь — возвращение. И все, что вокруг меня, — так же ново и непривычно, как и Запад два десятка лет назад.

Я надеюсь, я чувствую так, что это не опустошенность, не тупик — но перепутье.

Надо осмотреться, поглядеть по сторонам. Понаблюдать — куда это я попал. Жизнь — совсем другая, а люди — все те же. Все — узнаваемо с порога, будто и не уезжал. Поэтому должен пройти какой-то период времени — переживаний, наблюдений. И тогда, возможно, проявится в том, что я делаю, нечто четвертое — именно как плод этих новых наблюдений.

Слава богу, что сегодня здесь не только делиться наблюдениями, но и просто наблюдать никто никому не мешает.

Александр КАБАКОВ

САМОЗВАНЕЦ

Перед вами — отрывок из tough guy последнего романа. Им я закрываю неявную трилогию — «Невозвращенец», «Сочинитель» и «Самозванец». Если бы все три вещи были изданы под одной обложкой, книгу можно было бы назвать «Приключения настоящего мужичины». Со всей серьезностью и со всей иронией, которые предполагает такое определение. Главный герой (а его характер примерно один и тот же во всех трех сочинениях) — этакий советско-русский (или русско-советский), что прекрасно переводится словом «крутой». Естественно, что к такого рода персонажу у нас без некоторого рода иронии относиться нельзя. Но и без сочувствия, конечно, тоже. Если «Невозвращенец» был чем-то вроде введения в описание смутного времени, то «Сочинитель»

и «Самозванец» — это как бы два отражения этого времени в разных зеркалах. Или еще одно сравнение. Как известно, профили у человека разные, вид справа и вид слева не совпадают. Так вот, «Сочинитель» и «Самозванец» — разные профили одного и того же человека, одного и того же времени, да и почти одних и тех же ситуаций.

И еще несколько слов для тех, кому неинтересно читать отрывок из романа, не зная хоть что-нибудь о его сюжете. «Самозванец» — это снова гибрид политического триллера с «фэнтэзи» и романтическим адюльтером. Пружина триллера — охота за партийными деньгами, основа фэнтэзи — галлюцинации, почти безумие героя, основа любовной истории — его же подростковая психология. Действие происходит в Москве, Париже, Франкфурте и других невероятных местах и заканчивается, как обычно у меня, — хеппи-эндом.

Даст Бог, закончится так и наша ближняя реальность.

Автор

Время от времени с изумлением и ужасом перед самим собой он замечал, что многие чувства, переживания, внутренние состояния и даже размышления, которые считаются свойственными всем человеческим существам, обходят его стороной. Он думал о счастье и ясно понимал, что просто не знает смысла этого понятия и никогда в жизни его не испытал.

Даже когда его маленькая, в пол-листа статейка «Тень героя», опубликованная в заштатном сборнике, наделала невероятного шума, ее читали все, кто отродясь не слышал о самом анализируемом романе, на улицах показывали пальцами в угаданных им за романскими персонажами знаменитостей, его интервьюировали «Рейтер» и «Нью-Йорк таймс», статью переводили и публиковали где попало, от «Тайма» до «Коррьере делла сера», он мотался по миру, повторяя в лекциях свои измышления, наконец, ему передали уважительную обиду самого автора, — был ли он счастлив? Кто ж его знает...

Он думал о любви, вспоминая их первые три свободных ото всех дня, когда он прилетел к ней в Ростов, на всеобщее тогда еще совещание. Сразу после своего доклада

она тихо исчезла, и они провели в ее номере безвыходно почти двое суток, только раз она выскочила в гостиничный буфет — он, нелегал, скрывался — и притащила какой-то довольно подкисшей еды и, гордясь собой, бутылку чудовищной краснодарской водки, они пытались охладить ее в ванной, и все равно оба сильно напились этой мерзостью в жаре, и засыпали друг на друге, и просыпались, и вместе шли в ванную, неистовые, вовсе потерявшие рассудок от желания окончательно соединиться, и он охрип, задавленно — чтобы не было слышно соседям — рыча... Была ли это любовь? Может, да, но ему казалось, что другие люди, и живые, и жившие в книгах, чувствовали совсем иное.

Он хоронил близких, ревел, дергая распухшим носом, повторял про себя: «Что же это?.. Все?.. Бедный, бедный старик, бедный мой старик, мы были похожи, что же, что же это...» — но действительно ли так переживают нормальные люди истинное горе, потерю?

Он думал и о своей смерти, о жизни внутри начала и конца, но мысли сбивались, он вспоминал о какой-нибудь милой, легкой и элегантно картинке, и только через несколько минут спохватывался — а как же там получалось со смыслом, со связью, с главным? Не получалось никак. Он вспоминал известные, много раз читанные чьи-нибудь размышления об этом и только вяло удивлялся: как им

удавалось не только додумать все до конца, но еще и на бумагу перенести?

Самое лучшее, не столько глубокое, сколько тонкое, что он придумал или ощутил, возникало на ходу, за рулем, за выпивкой в одиночестве, в какой-нибудь малознакомой дыре, куда его вдруг заносило, и на бумагу переходило случайно, почему-то всплыв где-нибудь в пустом, проходном, соединительном месте статьи или главы. Так возникло и запомнившееся даже Феде построение о связи между персонажем и прототипом как между взаимно дополняющими частями одного существа...

Так же однажды он сообразил, что именно от этих его выродочных легковесности и бесчувственности родились страсть и стремление к скрытой авантюрной жизни, к романтической тайне, вкус к простоватой лирике и сентиментальность. Он испытывал не просто неприязнь — отвращение и вражду — к той культуре, имеющей дело с истинным, некрасивым и недобрым, без правил живущим человеком, которая все мощнее полезла в последние годы изо всех щелей. Свобода, бля, свобода... Он с гадливостью смотрел на этих молодых людей, кстати, как правило, прекрасно устроенных, с американскими и немецкими стипендиями, спешащих вытащить на всеобщее обозрение свою внутреннюю — он предполагал, что еще и сильно преувеличенную, — грязь, гной души, уродство страстей.

«И что же тут нового? — спрашивал он ее в бесконечных их спорах, в очередной раз отвозя домой, для конспирации высаживая у метро за одну до нужной ей станции. — Что они придумали нового? До несчастного большого немца, завидовавшего здоровым, до маркиза с его разгулявшимся воображением были цезарский Рим, а до этого Содом, а до Sodoma, уверен, еще что-нибудь... Человек мерзок? Ну и открытие... Человек и в мерзости — человек? Тоже новость не первой свежести. Вот и остается от всей их новации одно: вызывающее заявление о собственной свободе от этого скучного, живущего по буржуазным правилам мира. Маяковщина... За что, кстати, мир всегда таким неплохо платил. Но разумный мир держал при этом их в художественных резервациях, а чуть разойдутся — и в тюрьмах. Понимая, что свобода от буржуазности — это свобода от свободы. У нас же им в рот смотрят, а они уже договариваются: мол, человеку истинному свобода не нужна, это выдумка обывателя — свобода... Ненавижу...»

Он не выпускал ее из машины, заведясь, непременно стремясь договорить, размазать этих поганцев, к которым, ему казалось, она имеет некоторую неявную склонность. Она смеялась.

«Боже, до чего же ты малограмотен и, соответственно, безапелляционен!..»

Насчет малограмотности сначала говорилось вроде бы в шутку. Но бывало, что безапелляционность и линейность его рассуждений постепенно начинали злить ее всерьез, тогда они понемногу входили в ссору...

Танцы в сумерках, Синатра, «Стрэйнджерз ин зе нйт», белые костюмы, открытый «шевроле», мимоходом убранный с дороги негодяй, лиловый закат над заливом, тайный побег на пустынный пляж, и объятия, объятия, и светлый песок под луной, прилипающий к мокрой коже и сверкающий вдруг в волосах, и никакой боли, никакого насилия — разве что картонная фигура все того же негодяя, заваливающаяся плоской мишенью от точного выстрела... «Великолепная семерка» и «Некоторые любят погорячее» застряли в тебе навсегда, — хохотала она. И вдруг делалась серьезной, как обычно, когда заговаривала об интересующем ее по-настоящему. — А действительно, ты ведь никогда не делаешь мне больно... Почему? Тебе совсем не хочется? Или из принципиального неприятия бедного маркиза?»

«Совсем не хочется? — он пожимал плечами. — Не

знаю... Мне хочется, чтобы тебе было хорошо, все, что могу, я делаю для этого, при чем же здесь боль? Я действительно не понимаю, я, видно, начисто лишен этой составляющей либидо, моя агрессия, видишь, вся выходит в наши споры, в слова...»

Иногда эти дискуссии кончались тем, что она выходила из машины у ближайшего автомата, звонила домой, что еще на час задерживается, они мчались за Кольцевую, он сидел за рулем весь сжавшийся от желания, гнал машину жестче обыкновения, пуская «жука» в малейший просвет между автобусами, они выбирали какой-нибудь наименее сквозной лесок, съезжали с шоссе в быстро синеющей тьме, она умудрялась полностью раздеться в невозможной тесноте, он бросал на заднее сиденье огромную махровую простыню, всегда валявшуюся в пластиковом мешке в багажнике, и через миг, почувствовав влажную от дневного пота кожу под ее грудью, уже не ощущал ничего, кроме нее, не думал ни о чем, не существовал нигде, кроме как в ней.

«Не глаза, — твердила она, задыхаясь, светясь в темноте глазами, кожей, волосами, — ...не спешите ляг здесь, сбоку... все, не двигайся, все... сейчас, сейчас...»

Иногда же спор переходил в такой серьезный скандал, что, дергаясь и гримасничая от обиды, он, резко замолчав, тянулся через нее, распахивал, толкнув изнутри, дверцу с ее стороны, бросал: «Пока» — и, развернувшись почти на месте, уносился, не дожидаясь даже, чтобы она вошла в метро.

Так выродок я, что ли, думал он, добираясь пешком до дому с Бутырского хутора, где жил изумительный умелец, взявшийся всего за пять штук к возвращению хозяйна через пару недель «с Капенхахена или откуда» сделать «жука» «как нового, сами тогда скажете». Устроил, конечно, Валера, со своей заслуженной «двадцать первой» он знал всех автомобильных левшей города... Выродок? Бесчувственное чувство, оснащенное десятком расхожих понятий и соображений, некоторой наблюдательностью и способностью на лету схватить чужую мысль, — вот и все... Но почему же все, и даже она, относятся ко мне, как к настоящему человеку? Что они, не видят? Я не тот, за кого они меня принимают. Еще правильнее: я не тот, за кого себя выдаю, а они меня принимают не за того, за кого я себя выдаю. Дабл мизандеретэндинг.

На трех вокзалах шла обычная ночная жизнь, и он удивился, что она даже не очень изменилась за последние двадцать лет. Несмотря на все катаклизмы, здесь почти все было, как в те времена, когда, застряв где-нибудь в центре допоздна, а живя в недосыгаемом тогда Дегуине, он брел на Ярославский передвигаться до первых троллейбусов... Милиционеры, давно прекратившие борьбу за нравственность где бы то ни было, здесь так же исправно гоняли тонконогих, страшно пахнущих, полусумасшедших вокзальных пожилых девушек от автоматов с газировкой, девушки так же разбегались, унося граненые стаканы и тут же протягивая их первому встречному: «Налей, командир! Полюблю от души...» Все так же шатались очумелые дембеля в застроченной где только можно до полной отбязки — хотя уже пятнистой — форме, ища бормотухи и приключений на свои закаленные задницы. И мелкоголовый мужичок отлавливал на проходе к стоянке такси каждого, начиная беседу неизменно: «Вы, извините, конечно, думаете, что я шакал? Иметь меня, извините, конечно, в рот, если я шакал... Мне только до Рыбинска доехать...»

Когда он поравнялся как раз с этим мужичком и уже обошел его, размышляя, не сократить ли прогулку и не взять ли отсюда до дому такси, в куче зеленовато-желтых машин, стоявших здесь в ожидании чумового клиента-северянина (после очередного повышения цен были как раз те два-три дня, когда народ привыкает и не особенно

ездит), произошло движение. Одна довольно ободранная «волга» пробралась в первый ряд, ее пропустили, отъезжая, отворачивая в сторону, сдавая назад по каким-то своим правилам и соображениям о привилегиях. Дверца у шоферского места открылась, вышел таксист. Правую руку чертов водила держал как-то скованно, на отлете...

Ну и ладно, подумал он, надоело мне от них бегать, надоело их убивать, надоело воображать себя сумасшедшим, все надоело! В конце концов, почему это психоз? Я же всегда был уверен, что приключения существуют, что под бессюжетницей быта постоянно разыгрывается боевик... Вот оно и получилось по-моему, чего ж я психую? Ну-ка, руки в карманы — и пошел. Жаль, что «питон» именно сегодня валяется вместе с портфелем дома, самое ему сейчас время бы оказаться под курткой, слева за поясом, чтобы разом выдернуть. Что ж, придется играть с прыжками и разворотами, с прямыми в челюсть и выбиванием монтировки молниеносной пяткой, хотя карате — это не в моем образе, это следующее поколение...

— Куда поедем, батя? — спросил таксист, и он увидел, что никакой это не Сашка Кравцов, и вообще не гангстер, а совсем молодой парень с белобрысыми, слипшимися, длинными волосами по давно забытой везде, кроме эстрады и Мытищ, моде.

— Что с рукой-то? — спросил он, уже подъезжая к дому.

— А с черножопыми в Черемушках дрались, вот плечо и выбили эти суки палкой, — ответил парень весело. — Больничный не возьмешь, ну зато ребята пропускают на стоянках, уважают... Приехали, отец. Новый тариф знаешь?

— Знаю, знаю, — пробормотал он, выкладывая пару четвертных сверх самого новейшего из новых тарифа борцу за национальную гордость великороссов. — Знаю... Слушай, а ты такого водителя, — он, как мог, описал Сашку, — не знаешь случайно? Я у него в машине... сумку забыл.

— Знаю, а как же, — уверенно сказал особенно разговорчивый после лишнего полтинника парень, — это Митька Жевакин из пятнадцатого парка. Он тоже в Черемушках был, суровый мужик... Знаю, а как же! Он и говорил, что у него какой-то... — тут он немного смутился — ...фраерок, значит, сумку фирменную оставил. Понял? Запиши: Митька Жевакин из пятнадцатого. Будь здоров, батя.

Такси отъездало. Он пошел к подъезду. В голове шумело громче, чем когда-либо: перенервничал с таксистом. Под деревьями, на скамейках вокруг доминошного стола, сидели какие-то мужички, слышалось звяканье бутылки о стаканы, вспыхивали самолетными огнями сигареты, доносились отдельные слова...

Он услышал голос Федора Владимировича Плотникова:

— Мне не полный, Леша... Ну так что же мы будем делать с отделом статистики? Пойдем поименно...

Но теперь он уже твердо решил не обращать внимания на такие глупости — история с таксистом его многому научила и почти полностью успокоила. Он поспешил домой, взял Лельку, сразу от подъезда свернул с нею за дом, миновал пустой асфальтовый пятачок у задней стенки гаражей, причем ничего не почувствовал, и вышел на заросший грязной и клочкастой травой пустырь, где всегда встречалось собачье братство. Но сегодня здесь, на его счастье, было совершенно пусто: уж слишком поздно он выбрался. Он обрадовался, как раз разговаривать с кем бы то ни было ему сейчас и не хотелось.

Через несколько минут он заметил, что в голове все стихло. Будто разошлась, по позднему времени, неугомонная толпа. Наступило спокойствие, и он понял, что уже давно их не боится — он перестал бояться, как только стало ясно, чего именно можно от них ждать.

Аркадий ИППОЛИТОВ

ПОТОП

(Ветхий Завет)

Микеланджело. Потоп

Человечество вечно живет в присутствии катастрофы. Так или иначе, любой мифологический цикл кончается концом мира и гибелью всего живого. В этом переживании коллективного сознания можно уловить переживания индивидуальные. В каждом человеке живет ощущение смерти. Смерть индивидуальная для нас означает конец мира, и отдельная смерть органически растворяется во всеобщей трагедии. Каждый видит когда-нибудь во сне конец света, и реальность сна помогает примириться с неизбежной смертью.

Таким индивидуальным сном был миф о Всемирном Потопе. В том, что все религии сохранили предания об этой катастрофе, видят доказательства реальности события. Несомненно, Потоп столь же реален, как реальна библейская

история, но в том, что из всего человечества сохранился только один избранник, есть необычайная схожесть с индивидуальным сном, как будто Ною, Девкалиону или Гильгамешу снится гибель мира, от которой можно спастись — проснувшись.

На сон похож «Потоп» флорентийского художника XV века Паоло Уччелло. Человеческие фигуры зажаты в узком пространстве между двумя глухими стенами. Несмотря на безжалостно правильную перспективу, странная застылость движений и произвольность масштабов рождают ощущение призрачности. «Потоп» Уччелло похож на удушливый ночной кошмар, и современные одежды библейских грешников придают всемирной трагедии сходство с наводнением на узких улицах Флоренции XV века, как будто впечатление от

вод разбушевавшегося Арно навеяло сон о Всемирном Потопе.

В середине XV века Потоп изображался довольно отстраненно. Маленькие фигурки гибнущих людей и животных, написанные очень условно, не вызвали сочувствия и сопереживания. Средневековая отстраненность есть и в «Потопе» Уччелло, но в сочетании с реальностью пространства и отдельных деталей художник достигает почти мучительной остроты чувства.

Фреска Микеланджело в Сикстинской капелле на тот же сюжет вся наполнена мучительным страданием. Изображены все градации человеческих чувств: отчаяние, надежда на спасение, бешеная борьба за место в лодке, забота об имуществе. Все переживания человеческой природы перед лицом безнадежной гибели собраны Микел-

анджело как в фокусе, и «Последний день Помпеи» Брюллова или «Плот Медузы» Жерико только повторяют мотивы этой фрески. Мир Микеланджело условен, как сцена античной трагедии, и именно поэтому столь индивидуально выраженные мучения приобретают вселенский характер. Потоп Микеланджело — это действительно Всемирный Потоп, где участники катастрофы — Бог и человечество.

Гениальная фреска Микеланджело породила множество подражаний в том же XVI веке, так что можно говорить о своеобразной моде на потопа в живописи маньеризма. Под явным впечатлением от фрески Сикстинского потолка были созданы произведения северных художников Яна ван Скорела и Иохима Эйтеваля.

Гравюра ван Скорела соединяет нидерландское чувство космоса, столь ярко выраженное в панорамах Брейгеля, с впечатлениями от итальянской пластики. Несколько заученные жесты обреченных мешают подлинной трагичности, и Потоп кажется только поводом продемонстрировать большое количество обнаженных фигур. До абсурдного совершенства доведены формальные приемы Микеланджело в картине Эйтеваля. Мощные фигуры, повисшие на деревьях, больше похожи на акробатов, разыгрывающих странное действие в каком-то парке, чем на охваченное ужасом человечест-

И. Эйтеваль. Потоп

Яван Скорел. Потоп

Б. Вест. Потоп

во. Завороженный собственной виртуозностью, художник забывает о трагедии, и блеск исполнения лишает сюжет смысла. Подобно абстрактным произведениям XX века, эта картина могла бы называться «Композиция №...», так же как многие «композиции №...» могли бы носить название «Потоп».

«Потоп» Никола Пуссена входит в серию четырех картин на библейские сюжеты, каждая из которых соответствует тому или иному времени года. Другое название этого произведения — «Зима». В символике годового цикла зима всегда соответствует концу жизни, старости. Включение «Потопа» в серию времен года подчеркивает трактовку библейской катастрофы как индивидуальной смерти, недаром эта картина Пуссена оказалась одной из последних в его жизни.

Бенджамин Вест изображает момент, когда «Ной узнал, что вода сошла с земли». Обнажились трупы погибших, и Ковчег, символ торжества праведных, стал безжалостным наваждением. Сколь бы ни были благочестивы художники, никто из них не мог побороть сочувствия к погибающему человечеству. Воспринимая Потоп как собственную гибель и в то же время изображая его как спасшийся очевидец, каждый художник оказывался и Ноем, и грешником в одном лице.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

В.Буковский: «Я снова прибегу, когда в стране все раскалится».

«Какой же Руцкой не мечтает стать генералом». (Факты из личной жизни вице-президента в изложении его сына и бывшей жены.)

«Хитрый портняжка». Портрет Эдички Лимонова кисти Аллы Боссарт.

П.Уччелло. Потоп

Н.Пуссен. Потоп

кв. - 15.Н.

МЫ ДЕЛАЕМ ЖИЗНЬ СПОКОЙНЕЕ

✓ автономные
сигнализации
для квартир

✓ сигнализации
для автомобилей
с дистанционным
управлением

✓ засыпные сейфы

✓ металлические шкафы
Контактный телефон:
466-00-09

